

**Материалы международной конференции
«Маргиналии-2021»
(Сольвычегодск, 3-5 сент. 2021)**

Содержание

Общая информация о конференции

Тезисы докладов

1. Адоньева Светлана Борисовна (Санкт-Петербург). Протоплазма культур: сад скульптур Вейо Рёнконена, домик кузнеца и дворец почтальона
2. Алпатов Владимир Михайлович (Москва). История лингвистики: мейнстрим и маргиналы
3. Аммосова Наталья Владимировна (Москва). Изучение восприятия времени в английском, немецком, французском и русском языках на материале идиом и пословиц
4. Антонова Мария Сергеевна (Мытищи). Альбомы Вацлава Ганки
5. Ахметова Мария Вячеславовна (Москва). Об одной драматургической маргиналии 1920-х годов
6. Бабаева Елизавета Эдуардовна (Москва) Еще раз о лексикографических мифах: la langue verte
7. Бегунц Ирина Владимировна (Москва – Великий Новгород). Об одном функциональном типе жилых построек в Пинежском районе Архангельской области
8. Бельский Владимир Викторович (Сергиев Посад) Миссионерская деятельность священника Иоанна Штыгашева: Ученик Н. И. Ильминского между Алтаем и Саянами
9. Беляева Надежда Жоржевна (Сыктывкар). «Неправильный» художник Евгений Веселовский
10. Блюхер Федор Николаевич, Гурко Сергей Львович (Москва) О философском языке в поэзии
11. Брейдо Евгений Маркович (Нью-Йорк). Строгий тонический стих (СТС)
12. Веселова Александра Юрьевна, Милютин Михаил Павлович (Санкт-Петербург). «Когда иметь ты, смертный, хочешь счастливую на свете жизнь...»: философия счастья в сочинениях А. Т. Болотова
13. Власов Андрей Николаевич (Санкт-Петербург). Житие сольвычегодского юродивого Иоанна Самсоновича: критика современных мифологических и культурологических методов исследования
14. Волошина Оксана Анатольевна (Москва) Особенности языковой картины мира в текстах слепоглухонемых авторов (на материале произведений Ольги Скороходовой)
15. Габова Екатерина Александровна (Сыктывкар). Категории пространства и времени в живописи передвижников, представителей модерна и авангарда
16. Галактионова Ирина Владимировна (Москва) Один год из жизни одного молодого человека 140 лет назад
17. Гладышева Екатерина Васильевна (Москва). Маргинальные иллюстрации на полях старопечатной Псалтири Симона Азарьина 1634 года: старое и новое
18. Головизнин Марк Васильевич [1] (Москва). «Новые левые», Маркузе, Мисима в контексте мировоззрения В.Т. Шаламова
19. Головизнин Марк Васильевич [2]. Документы о первой публикации «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова во Франции

20. Голубев Рудольф Михайлович (Самара). Маргиналии в печатных изданиях как экспозиционный материал в музейной деятельности
21. Графова Мария Александровна (Москва) «О новых кадрах пролетарских писательниц» или опыт изучения наивной, но классово обусловленной женской прозы в 1920-х годах
22. Грищенко Александр Игоревич (Москва) Какие зловредные еретические идеи скрывали пермские маргиналии в рукописях московских «жидовствующих»?
23. Друговейко-Должанская Светлана Викторовна (Санкт-Петербург). «Что остается от сказки потом — после того, как ее рассказали»
24. Евграфова Светлана Маратовна (Москва) Дознание о корнях маргинальной полипредикативности
25. Егорова Анастасия Владиславовна (Москва) Ойкодомонимы: пути естественной номинации
26. Едовин Алексей Геннадьевич (Архангельск) Центр и периферия культурного пространства Двинской земли в эпоху средневековья (IX-XIII вв.) Археологический аспект
27. Ефремов Валерий Анатольевич (Санкт-Петербург). Тело и телесность: блокадные тексты Л. Я. Гинзбург
28. Зализняк Анна Андреевна (Москва). Вводное *кажется* в нарративе
29. Зарайченко Павел Юрьевич (Сольвычегодск). Динамика градостроительства Сольвычегодска на планах города 2 пол. XVIII – нач. XX вв.
30. Зевахина Татьяна Сергеевна (Москва). «Все вокруг живое, даже снег»: роман «Асистолия» и дневники Олега Павлова
31. Зуев Дмитрий Владимирович (Москва). Альбом газетных и журнальных вырезок М.А. Булгакова как автобиографический текст
32. Игнатьева Мария Юльевна (Барселона). На полях статьи о повести Д.С. Мережковского «Св. Иоанн Креста»
33. Ильина Юлия Николаевна (Сыктывкар). Средства выражения языковой личности автора в текстах дневника
34. Ипполитова Александра Борисовна (Москва). Тайнопись в русских магических текстах: травники XVII-XIX вв.
35. Кагарлицкий Юрий Валентинович (Москва). (Не)постоянен/на в любви: Наблюдения над историей некоторых устойчивых речений
36. Касаткина Анна Леонидовна (Москва). «Стихи анакреонтические С.И.Г.» - отражение мифологизированного образа наставника в кружке московских масонов 1780-х годов.
37. Качинская Ирина Борисовна (Москва) Солдатский песенник Федора Николаевича Семушина 1904-1905 гг.
38. Кожина Светлана Анатольевна (Москва). Из девицы в лисицу из лисицы в девицу: реализация мотива превращения в романе И. Кратохвила «Лисица-женщина»
39. Козлова Анна Владимировна, Козловская Ангелина Юрьевна (Санкт-Петербург). «Уникальное событие» и «любой кипез кроме голодовки»: стили культурной жизни в городах постсоветской России в перспективе исследований счастья
40. Козлова Ирина Владимировна (Москва). «Мутный праздник. Совершенно непонятно, как себя вести в этот день»: 8 марта как маргинальный праздник современной России
41. Корогодина Мария Владимировна (Санкт-Петербург). Строгановская Кормчая и мечты об Устюжской епархии
42. Королькова Полина Владимировна (Москва) Начала хорватского путевого очерка: особенности становления жанра
43. Кравецкий Александр Геннадьевич (Москва). Политкорректность на службе благочестия: к истории исправления богослужебных книг в XIX-XX веках

44. Кравченко Татьяна Юрьевна (Москва). «Задворки литературы»: крестьянский литературно-общественный журнал «Жернов» в 1925-1927 годах
45. Кукин Михаил Юрьевич (Москва). Граница видимого и невидимого в изобразительном искусстве: Крест в "Несении креста" Питера Брейгеля
46. Кулакова Ирина Павловна (Москва). Образованный разночинец как маргинал в России 2 пол.18 – нач.19 в. (деятельность и жизненные стратегии)
47. Кульпинов Сергей Сергеевич (Иркутск – Санкт-Петербург). Ставленнические автобиографии обновленческих «иерархов», как источник по церковной истории (на материалах автобиографий, отложившихся в Государственном архиве Иркутской области)
48. Куприянов Павел Сергеевич (Москва), Лурье Михаил Лазаревич (Санкт-Петербург). Культурная среда как модус культурной жизни
49. Левицкая Татьяна Владимировна (Москва). «Институтка» о проститутках: лекция Н.А. Лухмановой «Проституция и отношение к ней общества»
50. Левкиевская Елена Евгеньевна (Москва) Детектив как повествование с итеративной схемой
51. Левонтина Варвара Андреевна (Москва). Фольклор маргиналов: о приметах курильщиков
52. Левонтина Ирина Борисовна (Москва). Маргинальные отрицания
53. Легких Виктория Игоревна (Мюнхен). Радуйся, граде Муроме: гимнография муромским святым
54. Лидов Алексей Михайлович (Москва). «Сакральный остров» в биографии и иеротопии патриарха Никона
55. Лифшиц Александр Львович (Москва). О прагматике рукописных рецептов XVIII века
56. Лукин Павел Владимирович (Москва) Маргинальные сюжеты в новгородско-ганзейских источниках XV в.
57. Лученко Ксения Валерьевна (Москва). Доверие vs алгоритмы: правда и ложь в медиа
58. Марасинова Елена Нигметовна (Москва). Мораторий на смертную казнь и наказание покаянием в России XVIII века: трансфер идей и практик
59. Маслинский Кирилл Александрович (Санкт-Петербург). Сто лет счастья в детской литературе (1920-2020) – контексты и семантические трансформации
60. Матасова Татьяна Александровна (Москва). Судьба древнерусского перевода «Географии» Помпония Мелы в средневековой Руси: маргиналии на рукописях и маргинальные свидетельства источника
61. Мельникова Екатерина Александровна (Санкт-Петербург). Осуществление культуры или вопрос о том, куда втыкать зубочистку в музей коломенской пастилы
62. Мельникова Мария Викторовна (Москва). Фотография в романе Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи»
63. Михеев Михаил Юрьевич (Москва). Может ли Хондакори считаться жанром русского стиха?
64. Мороз Андрей Борисович (Москва) Рукописный труд И.М. Митягова «На память потомкам. Воспоминания о деревне Каргополья» (1979): Повесть, мемуары, этнографический труд
65. Носов Артём Владимирович (Москва) Монастырское «возрождение» и духовное освоение периферии в житиях преподобных
66. Оборнева Зинаида Евгеньевна (Москва). Письма «метаморфского митрополита» Неофита: из Свяжска в Константинополь
67. Опарина Татьяна Анатольевна (Москва) Иноземцы в России XVII в.: маргиналии или неотъемлемая часть русского общества?

68. Островская Елена Сергеевна (Москва) Рождение британского советского писателя из советского полпредства в Великобритании, или письма Зинаиды Венгеровой, воспоминания Ивана Майского и писатель-углекоп Гарольд Хезлоп.
69. Панич Светлана Михайловна (Берлин-Москва). «Встретились как-то Герек и Брежнев»: польская повседневность 1960-1980-х годов в зеркале политического анекдота
70. Пентковская Татьяна Викторовна (Москва). Об одном типе глосс-произвольников в Московской Библии 1663 года
71. Петрова Зоя Юрьевна, Фатеева Наталья Александровна (Москва). Компаративные конструкции в эссеистике современных прозаиков
72. Пилипенко Глеб Петрович (Москва). Крестьянский дневник из Аргентины на украинском языке
73. Пироговская Мария Михайловна (Санкт-Петербург). «Русская тоска»: от эмоции к симптому и обратно (на материале эго-документов и медицинских сочинений XVIII века)
74. Плетнева Александра Андреевна (Москва) Лубочные изображения святых: между народной и официальной религиозностью
75. Потехина Елена Александровна (Ольштын). Старообрядцы в контексте миссионерской деятельности Русской православной церкви против раскола в XIX в.
76. Potemkin S.V. (Потемкин Сергей Борисович, Москва). The birth of an аросура
77. Птенцова Анна Владимировна (Москва). [по сравнению с тезисами в сборнике "Утру князю кровавья его раны на жестоцьмь его тьль": что означает жестокое тьло князя Игоря? – название доклада было изменено:] «И вложи богъ в сердце мьстиславу мысль благу поити на чюдь»: где граница между сердцем и умом в древнерусском языке?
78. Разлогова Елена Эмильевна (Москва). Об архаизации в параллельных текстах: синхрония и диахрония
79. Резниченко Анна Игоревна (Москва). «А Зосиму бы я первого сжег...» о некоторых маргинальных интерпретациях Достоевского
80. Ровинская Мария Михайловна (Москва). Иллитераты в поликодовом тексте как инструмент создания динамической картины (на примере комиксов «Майор Гром»)
81. Ровнова Ольга Геннадьевна (Москва). Стратегии употребления «позорных слов» в профессиональной среде (старообрядцы Южной Америки)
82. Ронгонен Софья Львовна (Санкт-Петербург). О захоронениях семьи Грот
83. Румановская Елена Леонидовна (Иерусалим). Кругосветное путешествие петроградских детей (1918-1920), красные скауты и дневник М.И. Холина (1920)
84. Русаковский Олег Владимирович (Москва). Дневник в поисках автора: Наблюдения над жанром и нарративными стратегиями одного неизданного источника XVII в.
85. Рухмаков Матвей Игоревич (Москва) История исследований средневекового христианского мировоззрения кн. Е.Н. Трубецким (по его воспоминаниям и письмам)
86. Савина Наталья Алексеевна (Санкт-Петербург). Создатели культурных проектов в поисках счастья: культура как стиль жизни
87. Семененко-Басин Илья Викторович (Москва). Медик-филантроп Гааз в ситуации полемики по поводу деятельности Библейского общества в России: По неизданным архивным материалам
88. Серебрякова Елена Геннадьевна (Воронеж). Поведенческие стратегии нонконформистов в ходе «проработочных» мероприятий (на примере «письма 46-ти» по «делу четырех»)

89. Сидорова Светлана Евгеньевна (Москва). От неведомых земель к колониальным территориям: освоение имперских окраин по материалам описаний путешествий в Нагпур в XVIII в.
90. Сиренов Алексей Владимирович (Санкт-Петербург). Автор Летописца небесных знамений – племянник патриарха Гермогена?
91. Соболева Александра Евгеньевна (Москва) Рисунки на полях рукописи, или «как денди лондонский одет»
92. Соболева Надежда Владимировна (Москва). Роман Ромэна Сарду “Блеск Бога” (2004): текст на границах fiction – non-fiction
93. Станюкович Мария Владимировна (Санкт-Петербург). Метаморфозы «маргинальных реалий» в русской литературе: бетель
94. Степанян-Румянцева Елена Владимировна, Кузнецова Татьяна Владимировна (Москва) Смешное: от окраин к центру (к вопросу о юморе Достоевского)
95. Сурат Ирина Захаровна (Москва). К истории «Стихов о неизвестном солдате». Мандельштам и Яхонтов
96. Тарасов Аркадий Евгеньевич (Москва) «Голландский след» в истории Введенского собора Сольвычегодска
97. Тесля Андрей Александрович (Калининград). «Былое и думы» Герцена и метаморфозы романтического субъекта
98. Ткаченко Виктория Владимировна (Москва). Память о Смутном времени в России XVIII века: центральные и периферийные образы
99. Уланова Анжела Владимировна (Москва). Воспоминания А.Н. Ильина о службе в Бронницком земстве
100. Урысон Елена Владимировна (Москва) На границе терминологии и общеупотребительной лексики: инфаркт и склероз (некоторые лексикографические проблемы)
101. Федосюк Михаил Юрьевич (Москва). Воспоминания о детстве в форме диктантов
102. Фролова Ольга Евгеньевна (Москва). Дневник как контаминация жанров
103. Циммерлинг Антон Владимирович (Москва). Корабль дураков
104. Черванёва Виктория Алексеевна (Москва). Современная устная достоверная проза: границы текста и границы жанров
105. Членова Светлана Федоровна (Москва). Н. А. Дмитриева. Проблемы интерпретации: Ю. Олеша о «Божественной комедии» Данте
106. Шварц Владимир Ильич (Москва-Бишкек). Туркестан, 1916 год: Никому не нужная правда об одном эпизоде истории Российской империи
107. Шемякин Яков Георгиевич (Москва). Пересечение различных векторов пространственной ориентации как отличительная черта российского цивилизационного «пограничья»
108. Шемякина Ольга Дмитриевна (Москва). Время истории и время жизни в воспоминаниях Н.П. Вишнякова
109. Шеянов Григорий Геннадьевич (Москва) Мертвые души Ковровского уезда (история из провинциальной жизни «гоголевской» России)
110. Шляхтин Роман Олегович (Майнц, Германия) Рубежные люди: Память о русско-литовском пограничье в долине реки Межа?
111. Шмелев Алексей Дмитриевич (Москва) Титулование и неспецифицированный гендер: речевой этикет и «нестандартное» согласование по числу, лицу и роду в русском языке в межъязыковой перспективе
112. Шмелева Елена Яковлевна (Москва) О молитвах в болезнях рук и ног
113. Ярошенко Полина Владимировна (Москва). Синестезия в языке: «от окраины к центру»

114. Ясинская Мария Владимировна (Москва). Мемориальная эпиграфика итальянско-словенского пограничья (словенские некрополи)

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях. При этом целые пласты явлений оказываются *маргинальны*, попадая на «ничейную» территорию, находясь между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением, культурологией и т. д. Анализ конкретных проблем внутри подобных явлений с обращением к еще не охваченному традиционными дисциплинами материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний посвящена данная конференция.

МЕСТО И ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Наши конференции традиционно проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры. Это уже девятая подобная конференция.

Первая проходила в 2008 году – в *Юрьеве-Польском*, городе Владимиро-Суздальской Руси, создавшем архитектуру мирового значения, но всегда остававшемся окраиной.

Вторая, в 2010 году – на севере, в *Каргополе* – на водоразделе Беломорского и Балтийского бассейнов.

Третья, в 2012 году, в *Касимове* – городе, через всю историю которого проходила идея границы.

Четвертая, в 2014 году, в *Ельце* – одном из самых древних пограничных городов России, возникшем на Юго-восточной окраине Киевской Руси еще в XI веке.

Пятая, в 2015 году, – в *Полоцке*, самом древнем городе Беларуси, долгое время стоявшем на пересечении с культурными традициями Западной Европы.

Шестая, в 2017 году, – в *Торжке*, старшем ровеснике Москвы, пограничном форпосте Новгородской республики.

Седьмая, 2019 г. в *Осташкове*, русского уездном городе Тверской области.

Восьмая (зимняя), 2020 в в *Поленове* Тульской области.

Девятая конференция планируется в 2021 году в *Сольвычегодске* Архангельской области. Расцвет Сольвычегодска пришелся на конец XVI -XVII век, когда город стал столицей Строгановских солеварен, а в XVIII веке город пришел в упадок. Тем, кто хочет понять русский XVII век, не миновать Сольвычегодска. Поэтому мы особо приветствуем доклады, которые так или иначе связаны с этой эпохой, но это, естественно, является пожеланием, а не требованием.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Институт философии РАН (Москва)

Università di Studi Roma Tre, Dipartimento delle Lingue, Letteratura e Culture Straniere

Сольвычегодский историко-художественный музей

ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

- 1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.
- 2) Текст на границах художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин.
- 3) Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, мемуары, маргиналии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

междисциплинарные исследования, центр и периферия, границы культур, маргинальное в тексте, говорящий, пишущий, повествователь, рассказчик, адресат, дневниковый текст, эго-текст, автокоммуникация, автобиография, агиография, мемуары, «наивные» тексты, «свое» и чужое слово, подтекст, несобственно-прямая речь, проблемы подлинности текста

ОРГКОМИТЕТ

М.Ю. Михеев, доктор филологических наук, в.н.с. лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета)

А.Г. Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета)

Ф.Н. Блюхер, кандидат философских наук, зав. сектором Института философии РАН

М.В. Живова, преподаватель Департамента иностранных языков, литературы и культуры университета Рома Тре (Рим)

М.В. Черных, директор Сольвычегодского историко-художественного музея

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

С. Б. Адоньева(Санкт-Петербург)

Протоплазма культур: сад скульптур Вейо Рёнконена, домик кузнеца и дворец почтальона

В ста двадцати километрах от Выборга располагается арт-объект, имеющий мировое значение – сад скульптур, созданный Вейо Рёнконёном. Он создавал свой сад почти полвека. Сходный объект, «Идеальный дворец», был создан почтальоном Фердинандом Шевалем во второй половине XIX века. Во Франции такое искусство называют *арбрют*, в России – искусство примитива. Его создатели не искушены художественным образованием. Они не предполагают продавать свои творения, они делают свою «красоту» для себя; как и фольклор, *арбрют* не рассчитан на спрос. Бетонные скульптуры Рёнконена поднимаются из земли так, как растения или морские ракушки. Так же, в органической пластике, выполнен из песка и камней Дворец Шеваля. Третий объект в этом ряду – домик кузнеца Кириллова в с. Кунара под Екатеринбургом. В природе художественных объектов, выполненных вне плана, по зову и влечению, открывается органика связи материального и ментального. Протоплазма - основное вещество всякой животной и растительной клетки; она представляет собой подвижную и очень чувствительную массу, способную откликаться стремительным формообразованием на импульс. Расположенные в швах между культурным производством и медленным временем повседневности художественные объекты гениев арт-брюта потрясают мощью отклика на импульс, источник которого расположен за границами доступного нашему восприятию фона.

Адоньева Светлана Борисовна
д.ф.н., проф., АНО «Пропповский центр», директор
Prof.Svetlana Adonyeva, St.Petersburg

В. М. Алпатов (Москва)

История лингвистики: мейнстрим и маргиналы

Начиная, по крайней мере, с начала XIX в., мы можем говорить о мировой науке о языке. Как, видимо, в любой науке в тот или иной момент времени, в ней всегда сосуществовали разные школы и направления, однако при рассмотрении ее истории обычно указывают на преобладающий в данную эпоху подход к своему объекту. Другие подходы, обычно, хотя не всегда, меньшие по количеству публикаций, занимают маргинальное положение.

Соотношение между мейнстримом и маргинальными направлениями бывает различным и часто меняется. Иногда маргиналы просто следуют прежней, в том числе когда-то господствовавшей традиции, преодоленной большинством. Грамматика «Пор-Рояля» (1660) была популярна ещё в течение столетия. Ее жанр «общей и рациональной грамматики» дожил даже до второй половины XIX в., но тогда уже выглядел безнадежно устаревшим из-за «антиисторизма». И Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1877) издевался над своим оппонентом Е. Дюрингом, «никогда ничего не слыхавшим об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие». А натуралистическое направление (А. Шлейхер, М. Мюллер), уже основанное на историзме, было популярным в 1858-1860-х гг., но когда в 1922 г., то есть уже в структуралистский период, появилась последняя работа в духе натурализма, конечно, она уже была анахронизмом.

Идеи натуралистического языкознания отвергли еще младограмматики из-за априорности и недоказуемости. Но сам младограмматизм с 1920-х гг., продолжая существовать, перестал определять развитие науки. Он оставался основой работ исторического и сравнительно-исторического характера, но сами эти области языкознания стали в какой-то степени маргинальными. Ученые старой школы, привыкшие самостоятельно собирать материал по истории языков, обвиняли структуралистов (включая Н.С. Трубецкого) в «слабосилии», «игре - рассуждениях без истории» и неумении «преодолевать подготовительную работу по изучению накопившихся данных по истории языков» (А.И. Томсон, Г.А. Ильинский). Не принимали новую парадигму и К. Фосслер и его школа, неогумбольдтианцы. В СССР оппозиция структурализму была особенно заметна: В.Н. Волошинов, В.И. Абаев, Л.П. Якубинский и на иных основаниях Н.Я. Марр. Л.П. Якубинский в статье 1932 г. писал: «нет никакой другой лингвистики, кроме исторической».

И дело было не только в историзме. Экспериментальная фонетика, синхронная по определению, возникла в эпоху младограмматизма и развивалась усилиями ученых такой ориентации. А в структурный период она стала во многом маргинальной дисциплиной: «передовые» ученые того времени предпочитали «бумажную» фонологию.

А.А. Реформатский говорил В.Д. Дувакину: «Книжка Волошинова «Марксизм и философия языка»... Ну, в то время она нас мало затронула, потому что явно в ней так отчетливо сквозило фосслерианское, так называемое направление. А это нам было чуждо». Если эту книгу надолго просто забыли, то появление в 1965 г. статьи В.И. Абаева о «дегуманизации» языкознания вызвало целую бурю. Сомнения в применимости структурных методов к изучению семантики и во всеильности математических моделей для языка были уважаемыми сторонниками структурализма объявлены «мракобесием». В организованной тогда в «Вопросах языкознания» дискуссии Абаева не поддержал никто.

Сейчас изданная еще в 1928 г. книга В.Н. Волошинова активно изучается и передается во многих странах, а идеи В.И. Абаева, когда-то воспринимавшиеся как крайне отсталые, теперь уже выглядят как предвосхищавшие современные подходы функционализма. Активно развивается на новой, компьютерной основе экспериментальная фонетика, а маргинальной скорее выглядит классическая фонология времен Н.С. Трубецкого. И даже грамматику «Пор-Рояля» стали высоко оценивать с

середины XX в., в частности, в связи с деятельностью Н. Хомского. Наука развивается по спирали!

И еще одно надо отметить. Идеи, маргинальные для мировой науки, могут быть центральными для отдельных стран. Яркий пример – «новое учение» Н.Я. Марра, которое в нашей стране увлекало многих. Менее известный пример: центральное место в японской науке о языке с 1950-х гг. заняла школа «языкового существования», основатель которой М. Токиэда строил теорию в полемике с Ф. де Соссюром. Она значительно отличалась от структурализма самим объектом исследования: изучали употребление человеком языка в тех или иных жизненных ситуациях; структура языка предполагалась известной, но рассматривалось его функционирование. Это предвосхищало то, чем у нас и на Западе значительно позже стала заниматься функциональная лингвистика.

Алпатов Владимир Михайлович
академик РАН, д. филол. н., гл. науч. сотр. ИЯ РАН

Н. В. Аммосова(Москва)

Изучение восприятия времени в английском, немецком, французском и русском языках на материале идиом и пословиц

Изучение идиом и пословиц в разных языках позволяет получить представление о восприятии времени носителями этих языков, приобщиться к языковым картинам мира разных народов.

В исследовании была использована следующая методика.

1) Из идиом и пословиц четырех языков были отобраны и подсчитаны те, в которых используются единицы времени (мгновение, секунда, минута, час, день ... вечность). Для каждого языка была составлена своя временная шкала, поскольку обозначения единиц времени для разных языков не совпадают.

2) Среди идиом и пословиц четырех языков были отобраны и подсчитаны те, в которых используются понятия, относящиеся к измерению времени: часам и календарю.

3) Проведен анализ и сравнение количества идиом и пословиц, содержащих единицы времени и относящихся к часам и календарю.

В исследовании были использованы печатные и онлайн двуязычные фразеологические словари и словари пословиц. Материалом для исследования послужили 1190 идиом и 470 пословиц в четырех языках.

Единицы времени были разделены на три группы:

1. естественные, т. е. определяемые природными циклами: смена дня и ночи, смена времен года, рождение, смерть (время суток, день, время года, год, жизнь);

2. искусственные, т. е. введенные культурой и требующие специальных приборов для измерения времени: часов и календаря (минута, час, неделя, месяц, век);

3. философские, т. е. относящиеся к крайним точкам временной шкалы (мгновение, вечность).

По результатам исследования были сделаны следующие выводы.

1. Французский язык содержит наибольшее количество идиом и пословиц с компонентом «время», немецкий – наименьшее.

2. Число идиом с компонентом «время» превышает число пословиц во всех четырех языках. По-видимому, это связано с тем, что идиомы быстрее и легче формируются в языке, поскольку являются словосочетаниями, тогда как пословицы — полные предложения, выражающие законченную мысль.

3. Обозначения единиц времени во временны'х шкалах различаются в разных языках, а также в пословицах и идиомах одного языка.

4. Понятия *день*, *жизнь* и *время суток* являются наиболее часто используемыми **естественными** единицами времени в идиомах и пословицах. Их можно считать основными вехами человеческой жизни в языковых картинах мира четырех европейских языков.

5. Среди **искусственных** единиц времени в идиомах чаще других встречается *час*.

6. В группе **философских** единиц времени *мгновение* широко используется в идиомах и редко – в пословицах. *Вечность* в идиомах и пословицах встречается редко.

7. Наиболее широко в идиомах и пословицах используются естественные единицы времени, менее широко — искусственные, и наиболее редко — философские.

8. Компоненты, относящиеся к часам и календарю, часто встречаются в английских, немецких и французских идиомах, но редко или совсем не встречаются в пословицах. В русском языке идиомы и пословицы не содержат компонентов, относящихся к часам и календарю.

9. Чем более грамотным было население страны, тем чаще встречались в идиомах и пословицах компоненты, относящиеся к часам и календарям.

10. Предположительно, идиомы и пословицы формировались в различные исторические периоды и в разных условиях: пословицы относятся к более ранним векам, тогда как идиомы являются современным образованием языка.

11. Идиомы и пословицы с компонентом «время» отражают различные сферы жизни и не всегда имеют значение собственно времени.

12. Составлены языковые картины мира в четырех языках, описывающие восприятие времени в идиомах и пословицах.

Аммосова Наталья Владимировна
выпускница МГЛУ им. М. Тореца

М. С. Антонова (Мытищи)

Альбомы Вацлава Ганки

Доклад посвящен исследованию рукописных альбомов филолога, деятеля Чешского национального возрождения, Вацлава Ганки. Сейчас эти малоизученные сборники хранятся в рукописном отделе Национального музея Праги в Терезине.

Авторы записей – известные деятели науки, культуры, политики XIX века. Благодаря В. А. Францеву^[1] многие автографы были опубликованы, однако большая часть записей остается неизвестной. Ранние автографы датируются 1820-ми годами, их оставляли, в основном, друзья и коллеги Ганки, среди которых Й. Юнгман, Ф. Палацкий, Ф. Челаковский, В. Караджич, Й. Добровский. К более поздним автографам можно отнести записи русских путешественников, которые посещали Пражский Национальный музей, которым управлял Вацлав Ганка, в основном поэтов и писателей. Они хранятся в другом альбоме, который можно считать наиболее ценным. Именно в нем сделали записи Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, Аксаковы, С. П. Шевырев, А. К. Толстой, М. М. Сперанский, А. Мицкевич, П. А. Вяземский, Н. И. Надеждин, Д. М. Княжевич, Ю. Ф. Самарин и другие.

Способ ведения альбомов Ганкой был традиционным для периода зарождения культуры рукописных альбомов: автографы вписаны в малоформатные молитвословы («Утренняя молитва», «Божественная служба», «Молитвы при божественной литургии»)

на пустых страницах. Именно так в XVI студенты делали записи на свободных местах печатных изданий, в том числе религиозных трактатов.

В результате исследования получены фотокопии всех записей в альбомы, часть из которых будет продемонстрирована, в том числе автографы Н. В. Гоголя, В. И. Григоровича, П. А. Вяземского, А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева и других.

Антонова Мария Сергеевна
Соискатель ученой степени кандидата филологических наук
(филологический факультет им. М.В. Ломоносова, кафедра истории литературы)
учитель русского языка и литературы
– ЧУОШ «Классика-М» (Мытищи)

М. В. Ахметова (Москва)

Об одной драматургической маргиналии 1920-х годов

Предмет доклада — списанный из фондов Российской государственной библиотеки экземпляр пьесы Т. М. Мартынова «Тьма» (М.; Л.: Долой неграмотность, 1927, 32 с.). В рассматриваемом экземпляре обнаружены правки — карандашные пометки, вставки, зачеркивания, а также вклейка с рукописным текстом, содержание которого радикально меняет финал пьесы. Одна из правок (10 лет вместо девять лет) позволяет предположить, что коррективы вносились в книгу через год-два после ее выхода, а штампель Краевого кабинета политпросветработника Нижкрайоно — что автор правок имел отношение к Нижегородскому краевому (или, до июня 1929 г., губернскому) отделу народного образования, в компетенцию которого входило, в частности, курирование театральной работы.

К сожалению, неизвестно, была ли в итоге поставлена «Тьма» (будь то с учетом корректив или нет), однако сами по себе правки представляют интерес.

Главная героиня пьесы — темная крестьянка Фекла, которая неаккуратно ведет хозяйство, обращается за помощью к знахарям, сама не умеет читать и не отдает в школу дочь. Когда служащий в Москве муж Феклы присылает ей письмо с известием о том, что он возвращается в деревню, героиня не может его прочитать. Пользуясь ее неграмотностью, барышник Охмурылкин говорит, что в письме якобы написано о конце советской власти и снижении цен, после чего скупает у нее продукты, расплачиваясь царскими деньгами и керенками.

Правки к пьесе по преимуществу сводятся к смягчению черт образа темной, неграмотной женщины. Сокращаются описания убогого деревенского быта; исправляются гипертрофированно безграмотные обороты в речи Феклы, ее подруги Домны и дочери Дуньки; удаляются критические характеристики и инвективы наподобие «бабьи глупые мозги» и т. д., звучащие из уст положительных персонажей (при этом «неграмотная и глупая баба» и «дура» в речи обманщика Охмурылкина остаются); в новом варианте финала муж не уходит от Феклы, но лишь грозит сделать это, если та не начнет «жить по-человечески», а она демонстрирует шаги к исправлению.

Представляется, что характер правок соответствует раннесоветским идеологическим установкам, в соответствии с которыми, во-первых, вина за «темноту» крестьянства лежит не на самих крестьянах, а на «старом режиме» и классовых врагах («попах», «кулаках» и т. д.), а во-вторых, критикуя недостатки современной деревни, следует делать акцент не только на разоблачении, но и на их исправлении. Эти идеи находят отражение, в частности, и в речах советских лидеров, и в методических указаниях для селькоров, и в других агитационных театральных инсценировках.

Е. Э. Бабаева (Москва)

Еще раз о лексикографических мифах: *la langue verte*

Доклад посвящен истории возникновения и использования термина *la langue verte* во французской лингвистике и лексикографии. Термин *la langue verte* (букв. *зеленый язык*), впервые зафиксированный в 1852 году, на протяжении XIX и XX веков применялся для обозначения различных устных регистров французского языка, в особенности преступного аргю.

Французские лексикографы предполагают, что данный термин возник в результате метонимического переноса ‘зеленое сукно игрального стола’ → ‘аргю игроков’, после чего был обобщен в качестве названия для аргю. Это объяснение является, по-видимому, результатом ошибочной интерпретации фрагмента пьесы *Des nuits de la Seine* Марка Фурнье (Marc-Jean-Louis Fournier) и Эжена Лабиша (Eugène-Marin Labiche), в которой герой пролога, человек остроумный и красноречивый, называет себя «учителем зеленого языка» (*professeur de la langue verte*), имея в виду свои успехи в азартных играх. Образное высказывание этого героя, имевшего в виду то, что он обучал азартным играм представителей самых знатных семей в Европе (‘зеленое сукно игрального стола’ → ‘азартная игра’), было воспринято буквально, как если бы он давал уроки специального жаргона игроков. Такое буквальное прочтение, впервые представленное в ученом труде 1856 года Франсиска Мишеля (Francisque Michel), посвященного сопоставительному изучению аргю (*Études de philologie comparée sur l'argot*), легло в основу особого нарратива в лексикографии.

Развитие этого нарратива произошло благодаря возможностям коннотативных переосмыслений прилагательного *vert*. В 1864 году Альфред Делво (Alfred Delvau) выпустил словарь эротической лексики (*Dictionnaire érotique moderne*) под псевдонимом *Professeur de la langue verte*. Апеллируя непосредственно к пьесе *Des nuits de la Seine*, он актуализирует переносное значение слова *vert* - ‘игривый’.

В 1866 году Альфред Делво выпустил словарь парижского аргю (*argot parisien*) под названием *Dictionnaire de la langue verte*. Это название стало удачной находкой, превратившейся в своего рода номинацию для целого жанра словарей, существующую и в настоящее время; ср., например: Auguste Le Breton. *Langue verte et noirs desseins*. Paris, 1960; Pierre Merle. *Nouveau dictionnaire de la langue verte. Le français argotique et familier au XXIe siècle*. Paris, 2007.

Переходя из словаря в словарь, выражение *la langue verte* получает новые интерпретации — в зависимости от обращения к той или иной коннотации прилагательного: лексикографы, продолжая возводить данный термин к жаргону игроков, указывают на «необработанность» аргю, его «сочность», изобразительность, экспрессивность и агрессивность. Осмысление термина, таким образом, базируется на полисемии прилагательного, которое развивает отрицательные коннотации, судя по словарям, начиная с середины XVIII в. Возникшая в определенный момент связь семантики прилагательного *vert* с представлением о неправильном (в частности, агрессивном) поведении коррелирует с экстралингвистическими факторами, а именно с наличием в начале XIX в. ассоциативной связи данного цвета с миром преступности.

Возникновение термина *la langue verte* заставила лексикографов второй половины XIX - начала XX вв. искать не только семантическое обоснование для него, но также и тот объект, с которым он соотносится - по сравнению с термином *argo*. Характерно, что при серьезном обсуждении объема понятия *la langue verte* в лексикографических трудах никогда не всплывает жаргон игроков, апелляция к которому, собственно, и сформировала данный нарратив.

Бабаева Елизавета Эдуардовна
к.ф.н., доцент кафедры французского языкознания МГУ

И. В. Бегунц (Москва – Великий Новгород)

Об одном функциональном типе жилых построек в Пинежском районе Архангельской области

В докладе рассматривается весьма нетривиальный в функциональном отношении и, насколько нам известно, не имеющий аналогов на территории русского Севера тип жилой постройки, зафиксированный только на Пинежье и именуемый в местных говорах *уросилровка*, *уросиха* или *уросёха*. Перечисленные лексемы также являются исключительно пинежскими и не встречаются в других районах Архангельской области; кроме того, они отсутствуют в диалектных словарях, в том числе в словаре В.И.Даля, «Словаре русских народных говоров» и «Словаре Пинежских говоров». Материалом для настоящего сообщения служат данные картотеки «Архангельского областного словаря» и диссертационное исследование М.А.Антушевой «Лексические особенности пинежских говоров» (1).

Уросилровка (равно как и её словообразовательные варианты) обозначает небольшое отдельно стоящее отапливаемое помещение, предназначенное для временного проживания одного из членов семьи во время семейных конфликтов. Подавляющее большинство контекстов из картотеки АОС указывает на то, что, как правило, в *уросилровку* уходит муж в период супружеских ссор (так как жена, вероятно, слишком связана с хозяйством и не может покинуть избу). Отдельные случаи межпоколенческих конфликтов (родители vs взрослые дети) также отражаются в контекстах, но спорадически. В упомянутом исследовании М.А.Антушевой *уросиха* определяется однозначно как ‘небольшая изба около дома, служащая жилым помещением или мастерской, куда хозяин дома уходит жить, когда обижается на жену’. В то же время, другие контексты из картотеки АОС дают более широкий спектр значений для слова *уросилровка*: ‘мастерская’, ‘сарай’, ‘летняя кухня’, ‘зимовка’, ‘помещение для досуга (в частности, распития спиртных напитков)’. В связи с этим встаёт вопрос об исходном, первичном значении лексемы, и тем самым – о базовой функции рассматриваемой постройки.

Нам представляется, что среди всех перечисленных значений исходным является именно ‘помещение на случай семейных ссор’, и не столько ввиду его большей частотности, сколько в связи с этимологией и внутренней формой. Слово *уросилровка* очевидным образом происходит от диалектного глагола *уросить*, весьма широко представленного в русских говорах (локализация по СРНГ: практически весь русский Север, Приуралье, Урал и Зауралье) в значениях ‘капризничать, упрячиться’, ‘сердиться, обижаться, дуться’ (именно пинежский ареал), ‘ссориться’, ‘говорить наперекор, возражать, перечить’ и под. (2). Связь слова *уросилровка* с глаголом *уросить* прослеживается и в большинстве контекстов из картотеки АОС: в толкованиях информантов употребляется не только сам этот глагол, но и его

многочисленные производные (словообразовательное гнездо глагола *уросить* в русских говорах огромно). Таким образом, несмотря на наличие целого ряда вторичных значений (и, соответственно, функций) *уросилочки*, сама внутренняя форма слова указывает на основное назначение постройки – место, где можно вдоволь поупрямиться, покапризничать, и затем, придя в себя, вернуться в дом.

Этимология глагола *уросить* представляет собой отдельный небольшой сюжет. Вопреки В.И.Далю, соотносившему «урос» тюркским с *ugus* в значении ‘русский’, Н.А. Романова в специальном исследовании установила, что оно происходит от тюркского же слова *ugus* со значением ‘драка, сражение, ссора’ (3). Таким образом, вся история *уросилочки* связана с семантикой конфликта, размолвки. Сам же функциональный тип постройки действительно нехарактерен для русского Севера; впрочем, Пинежье как «маргинальный район Архангельской области» (1) в целом отличается даже от соседних ареалов, в том числе составом жилых помещений традиционной крестьянской усадьбы.

Литература

1. М.А. Антушева. Лексические особенности пинежских говоров. Автореф. ... дисс. канд. наук. С.-Пб., 2010.
2. Словарь русских народных говоров. Вып. 48 (Уроса – Ушибь). С.-Пб., 2015.
3. Н. А. Романова. О судьбе тюркизма «урос» в русских народных говорах // «Диалектная лексика», М., 1974.

Бегунц Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, независимый исследователь

В. В. Бельский (Сергиев Посад)

Миссионерская деятельность священника Иоанна Штыгашева: Ученик Н. И. Ильминского между Алтаем и Саянами

Деятельность священника, миссионера, просветителя, первого шорского писателя Иоанна Матвеевича Штыгашева (1861 – 1915) неоднократно освещалась в научной и публицистической литературе. Ее значимость и масштабы не вызывали сомнения у современников, а на нынешнем этапе наступило время их переосмысления. Так в исследованиях до сих пор не отражено в чем именно проявилось влияние на миссионера преподавателей Казанской учительской семинарии, где обучался И. М. Штыгашев, не дана оценка некоторым полярным мнениям касательно его миссионерских методов, а также специфики его канонического положения на окормляемой им территории.

Об степени влияния на священника И.М. Штыгашева, оказанном на него директором Казанской инородческой учительской семинарии педагогом, востоковедом, библеистом Н. И. Ильминским (1822 – 1892), свидетельствует переписка между указанными лицами. Эта переписка продолжалась и после выпуска И. М. Штыгашева из семинарии. Сам факт преемственности матурского миссионера выдающемуся педагогу ставит вопрос о том, как принципы Н. И. Ильминского проводились в жизнь его учениками. Материалы переписки не дают ответа на этот вопрос, здесь принципиальное значение для исследователя имеют факты, иллюстрирующие деятельность непосредственно миссионера.

Данные источников позволяют сделать выводы о том, что при реализации просветительской деятельности важную роль играла региональная специфика и географическое положение территории пастырской ответственности миссионера. Местные традиции и обычаи наложили отпечаток на отношения священника с паствой и подчиненными. А положение Матурского стана между Томской и Енисейской епархиями

наложило отпечаток на отношения священника И. Штыгашева с сослужителями по священному сану.

Бельский Владимир Викторович
Московская духовная академия, методист кафедры филологии
(Московская обл., г. Сергиев Посад, Лавра, Академия)

Н. Ж. Беляева (Сыктывкар)

«Неправильный» художник Евгений Веселовский

С 1946 по 1953 гг. в Сыктывкаре проживал художник Евгений Степанович Веселовский. Он попал сюда в результате сталинских репрессий. Информации о нем было очень мало, сохранилось только несколько упоминаний в документах коми отделения Союза художников.

Евгений родился в 1901 г. в семье известного российского историка и археографа С.Б. Веселовского. Он был вторым среди семи сыновей, учился в школе Свентицкой, в частной гимназии Поливановой. После революции занимался в школе старших инструкторов артиллерии, в 1921 поступил на графическое отделение Вхутемаса. Был в числе студентов, оформлявших самый первый мавзолей Ленина на Красной площади в январе 1924 г. Учебы своей Веселовский не окончил (возможно, из-за дворянского происхождения), стал свободным художником, работал как живописец и иллюстратор.

21 октября 1935 года его арестовали и приговорили к 10 годам лишения свободы и 5 годам лишения прав – за антисоветскую агитацию. Сначала Веселовский отбывал срок в Дмитлаге, на строительстве канала Москва-Волга: работал в Центральной художественной мастерской лагеря, оформлял журнал «На штурм трассы». В 1937 был этапирован в Устьвымлаг (Коми АССР). Здесь Евгений работал на лесоповале коневодом, статистиком, не забывал и своей профессии. В 1946 году освободившийся из лагеря Веселовский приехал в Сыктывкар и поступил работать художником в местную газету «За Новый Север».

Веселовского можно назвать маргинальным художником: отношение к нему было настороженное – отчасти, из судимости, отчасти из-за характера и острого языка. Жил в гостинице, много пил, что послужило причиной того, что он сменил несколько мест работы.

Веселовский представлял свои работы на выставках (в основном, портреты), но они редко проходили: их критиковали за декоративность и условность, приемы монтажа, чересчур большое внимание к линии и пятну – в общем, за тот самый формализм, с которым во второй половине 40-х гг. велась особенная борьба. В итоге, в протоколах указаны работы, которые Веселовский готовил к выставкам, но в каталогах их нет. Современники утверждали, что издавались книги, оформленные Евгением Степановичем, но в которых не было его фамилии.

Даже персонажи его портретов не удовлетворяли канонам соцреализма. Например, портрет фотографа И. Кирушева отклонили, как изображение ничем не примечательной личности: «Если уж сделать портрет – то знатного или передового человека нашего города, или, в крайнем случае, ярко выраженного и характерного для Коми типажа» (В.В. Поляков). Не сохранилось фотографий и самого Веселовского. Современники описывали его позднее как весьма колоритную личность: человек высокого роста, с бородой-эспаньолкой, одевавшийся нарочито по-зэковски и с неизменной небольшой алюминиевой кружкой, пристегнутой к ремню, поскольку художник был не прочь выпить при любом

удобном случае. Евгений Степанович ушел из жизни 4 февраля 1953 г., за месяц до смерти Сталина, похоронен в Сыктывкаре.

В 2020 году в семейном архиве коми живописца П.И. Семячкова среди карандашных набросков, сделанных им на собраниях сыктывкарских художников, нашлось целых 2 изображения Веселовского. Наброски подписаны автором. Семячков был замечательным рисовальщиком, легко и точно схватывавшим черты людей. Изображение Веселовского соответствует его описаниям. На одном из рисунков он изображен за работой, около мольберта; второй представляет собой дружеский шарж: художник сидит на пивной бочке с бокалом в одной руке и палитрой в другой. Таким образом, почеркушки Семячкова донесли до нас облик опального и забытого художника.

Беляева Надежда Жоржевна
Национальная галерея Республики Коми
заведующая отделом современного искусства

Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко (Москва)

О философском языке в поэзии

Есть устойчивая манера давать некоторым видам поэзии уточняющее наименование „философская“. Это явно определяется не метафизической тематикой стихотворений, в самом деле, какая поэзия не толкует о жизни и смерти, свободе и судьбе и прочих почтенных вопросах, трактуемых испокон веку философией. Позволим себе высказать предположение, что „философской“ поэзию называют в случае использования её „философского“ языка. Но во всякую эпоху актуальная философия говорит на нескольких различных конкурирующих, а чаще — игнорирующих друг друга языках. В пантеоне различных философских традиций так называемая „русская философия“ занимает несколько двусмысленное место. Чуть больше систематичности и строгости, и возникают сомнения в том, что она „русская“, чуть больше выразительности и местной специфики — и слабеет уверенность в том, что это „философия“. Но у этой традиции тем не менее был или по меньшей мере вырабатывался свой особенный язык. И если статья влиятельной формой изложения философской проблематики ему, в отличие от многих иных философских диалектов, не довелось, то в одном по крайней мере отношении он оказался плодovit. Этот жаргон с его необычной для своего времени мерой метафоричности оказался куда доступнее для использования литераторами-современниками, чем такие языковые нормы, как, например, неокантианская или, скажем, марксистская. И если марксистская терминология и логика прижились в политической практике, то особой способности сообщать дополнительную силу и связность поэтическому тексту они не продемонстрировали. Другое дело язык „русской философии“, прихотливо соединяющий рационализм с религиозным мистицизмом и историсофские обобщения с феноменологическим анализом повседневной жизни. Язык, предпочитающий сбережение живой многозначности поиску точности и бесстрастности, достижимой скорее в анатомическом театре, оказался готовым субстратом „философской поэзии“.

Если рассматривать, например, такую значимую для русской философии фигуру как Николай Бердяев, можно предположить, что он, вслед за критикуемой им „интеллигенцией“, понимал „истину“ не в научном, а в метафорическом смысле. И сам автор осознает эту особенность своего мышления: „Меня очень плохо понимают. Вероятно, и я сам тут виноват. Моя мысль слишком антиномическая, часто слишком склоняющаяся к крайностям и выражена слишком афористически.“

Мы легко можем обнаружить используемый Николаем Александровичем прием рассуждения в поэзии. Причем в поэзии его современников — символистов и акмеистов. Можно сказать, что Бердяев говорит со своими читателями языком, характерным для широкой читающей публики начала XX века. Собственно, из-за использования им литературной формы и возникает известное прозвище, пошедшее в мир с легкой руки Г.Г. Шпета: „Ну, он же больше литератор, чем философ. Поэтому он Белибердяев“^[2] Именно с „читающей публикой“ возникает у Н.А. диалог. Легко обнаружить интеллектуальные переключки философа с поэтами конца 20 годов XX века. Так, метафорические образы, созданные Бердяевым в 1915 году, находят неожиданное использование в стихотворении О.Мандельштама, написанном в конце 1917 года.

Н.А. Бердяев ^[3]	О.Э. Мандельштам ^[4]
Мы любим в итальянцах дар переживания радости жизни... Мы - люди севера - любим близость итальянцев к солнцу . Так тяжела была наша история, так труден характер нашей расы , что мы почти не знаем свободной игры творческих сил человека	Но северные скальды грубы не знают радостей игры... Им только снится воздух Юга — чужого неба волшебство..

Это невольное сближение заставляет впоследствии жену поэта Надежду Яковлевну Мандельштам в ее „Воспоминаниях“ потратить немало строк на размежевание символизма Бердяева и акмеизма Мандельштама. Вплоть до указания, что „О.М. не достал книг Бердяева, хотя искал их. Он не прочел своего современника, и я не знаю, как он принял бы его учение.“ Для нас же в этом воспоминании важно то, что Осип Эмильевич, после 1919 года, когда он познакомился со своей женой, **искал** работы Бердяева. Мандельштам, ставший поэтом в Петербурге, не мог не знать тексты философа дореволюционного периода и мы можем предположить, что они оказывали на него влияние.

Конечно, философия это – литература. И как любая литература она целиком зависит от читающей публики. Но философия – литература особого рода. Ее цель найти рациональное обоснование сложных и актуальных запросов, не только читающей, но и пишущей части публики. Именно здесь находится корень „национальных“ философий. Так „классическая немецкая философия“ – удел профессоров германских университетов, а „французская философия“ тесно связана с широко понятым литературным процессом. „Русская“ философия, возникшая в конце XIX века, по большей части имеет немецкие корни. Марксизм (как левое гегельянство), неокантианство и эмпириокритицизм родились в библиотеках немецких университетов, однако „русской“ эта философия стала благодаря социальным запросам читающей публики, которая по большей части вела французский „духовный“ образ жизни. Актуальность философской публицистики Бердяева заключалась в том, что сложные, во многом противоречивые проблемы повседневной жизни начала XX века он смог представить в виде литературной метафоры. Можно понять, почему у Мандельштама, во время воронежской ссылки возникла потребность в философских текстах Николая Александровича. Его положение крайне противоречно, с одной стороны он – ссыльный по политическому делу, с другой, за ним сохранена московская квартира, это – знак особого расположения к поэту «кремлевского горца». Понятна потребность в текстах Бердяева у читающей публики в конце 80-х начале 90 –х годов XX века. Политическая и социальная ситуация в стране изменилась так стремительно, что новый политический дискурс не успел возникнуть. И обращение к наследию «русской» философской публицистики скорее можно рассматривать как своеобразный симптом психологического состояния самой читающей публики.

Е. М. Брейдо (Нью-Йорк)

Строгий тонический стих (СТС)

Как известно, системы стихосложения различаются в зависимости от признаков, по которым сравниваются стихотворные строки. В силлабике строки сопоставляются по числу слогов, в тонике - по числу ударений, в силлабо-тонике - по числу стоп. Стопа - повторяющееся сочетание сильного и слабых мест. Стопа в силлабо-тонике может быть двусложной (одно сильное место и одно слабое) и трехсложной (одно сильное место и два слабых). Число слогов в стопе постоянно.

В дольнике и тактовике тот же принцип (чередование сильных и слабых) был применен к стиху другой структуры. Оказалось, что он работает, только вместо постоянной стопы мы получили переменные, хотя и регулярно повторяющиеся, группы сильных и слабых мест (доли, такты), вместо одного интервала между сильными местами (единица для двусложников и двойка для трехсложников) - несколько (два для дольника и три для тактовика). Среди набора параметров, обычно используемых для описания стиха: анакруса, клаузула, пропуск метрического ударения, междуиктовый интервал, выделим последний. Именно он является метрообразующим. Интервалы могут быть какими угодно, важно только количество разных интервалов в тексте. Так, дольник всегда содержит два междуиктовых интервала, однако сами интервалы бывают не только 1 & 2 и 2 & 3, но также 0 & 2 слога.

Такое понимание метрической формы не совпадает с общепринятым, поскольку традиционно дольником принято считать просто стих с междуиктовыми интервалами 1 и 2 слога. Но предлагаемая классификация представляется более удобной и последовательной: все существующие формы стиха занимают в ней свое место, ни одна не теряется, появляется потенциал для предсказания неописанных на данный момент размеров, а маргинальные формы определяются как равноправные.

Соответственно, в тактовике три интервала. Обычно это тактовик (1, 2, 3), хотя возможны и комбинации, включающие нулевой интервал.

Используем данный подход для тонического стиха. Если в тактовике три интервала, то в урегулированном акцентном стихе их должно быть четыре. В результате полного обследования стиха Маяковского была выделена группа из 65 стихотворений, 2831 строка, удовлетворяющая этому условию. Покажем на примере, о чем идет речь:

По Красному морю плывут каторжане (Амф 4)

По Красному морю плывут разбойники (Дк 4)

По Красному морю плывут американцы (Тк 4)

По Красному морю плывут пуэрториканцы (СТС)

Мы переделывали строчку Маяковского, последовательно конструируя разные типы стиха. Первые три - известные метрические группы соответственно с одним (амфибрахий), двумя (дольник), тремя (тактовик) типами интервалов. (В нашем условном примере каждый раз добавляется новый тип интервала.) В последней строчке появляется четырехсложный интервал - признак нового типа стиха. Следующее четверостишие именно таким стихом и написано:

СТС

Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,

Ритмическая схема

.1.1.4.1.1

бухгалтер или бухгалтера помощница, 1.4.4.2
ты, чье лицо от дел и тощици 2.1.2.1
помятое и зеленое, как трешница. 1.4.3.2
(В.Маяковский, “Теплое слово кое-каким порокам”)

Здесь есть междуударные интервалы четырех типов -1,2,3,4, но за пределы четырех слогов междуударный интервал нигде не выходит. Стих с четырьмя типами интервалов (как правило, 1,2,3,4) назовём строгим тоническим стихом. Теперь мы получили построенную по одному принципу классификацию всех известных на сегодняшний день метрических форм, начиная от силлабо-тоники. Сведем данные в таблицу:

	Силлабо-тоника		Тоника		
	Двусложник	Трехсложник	Дольник (Дк)	Тактовик (Тк)	Строгий тонический стих (СТС)
Интервалы	1	2	0,1,2,3	0,1,2,3	0,1,2,3,4
Количество разных междуиктовых интервалов в тексте	1	1	2	3	4

Брейдо Евгений Маркович
к.филол.н., Consultant BE-Tech., Inc., founder

А. Ю. Веселова, М. П. Милютин (Санкт-Петербург)

**«Когда иметь ты, смертный, хочешь счастливую на свете жизнь...»:
философия счастья в сочинениях А. Т. Болотова**

Андрей Тимофеевич Болотов, русский писатель и мемуарист конца XVIII – начала XIX столетия, на протяжении всей жизни разрабатывал и пропагандировал свою концепцию жизненного благополучия человека. Промежуточным итогом его размышлений стал весьма обширный труд под названием «Путеводитель к истинному человеческому счастью» (М., 1784). Это сочинение преимущественно базируется на трудах нескольких немецких философов (в частности, Х. А. Крузия, И. Г. Зулцера, И. А. Гофмана), с сочинениями которых Болотов познакомился в годы службы в канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии (1758-1762) во время Семилетней войны.

«Путеводитель...» представляет собой сложное и комплексное переосмысление ряда философских концепций, поданное в популярной форме и ориентированное на практическое применение. Свообразным поэтическим дублетом «Путеводителя...» является неопубликованная пространная ода «К человеку, хотящему быть счастливому...» (1794), излагающая те же идеи в более краткой и запоминающейся форме. Особый интерес представляет не только анализ самого «Путеводителя...», его источников, логики и формы построения, но и история его создания, а также случаи применения и рекомендаций, многочисленные примеры которых можно найти в болотовских мемуарах.

Несмотря на то, что «Путеводитель...» был напечатан, сведений о его рецепции нет. Тем не менее, сам Болотов не раз сравнивал свою «философию» с другими популярными во второй половине XVIII века идеями, связанными с понятием «счастья».

В рамках доклада теория Болотова будет введена в контекст «поисков счастья» русскими и европейскими авторами.

Веселова Александра Юрьевна
канд. филол. наук, старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Милютин Михаил Павлович
преподаватель Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета

А. Н. Власов (Санкт-Петербург)

Житие сольвычегодского юродивого Иоанна Самсоновича: критика современных мифологических и культурологических методов исследования

Житие Иоанна Самсоновича известно в единственном списке конца XVIII в., вошедшем в состав Истории города Соли Вычегодской. А. Соскин, комментируя источник Жития, писал, что он доподлинно снял копию с «приобщенной» к Сольвычегодскому летописцу «записки». Житие относится к той группе сольвычегодских сказаний и повестей, которые занимали вполне самостоятельное в жанровом отношении положение среди других традиционных повествовательных форм древнерусской литературы.

Рассказывая о жизни сольвычегодского юродивого, автор указывает, что родом он был из Двинской области (соседнего с Сольвычегодским регионом) и пришел в город Сольвычегодск еще в молодости (дата рождения не приводится), умер в 1669 г. В тексте Сказания встречаются также еще две даты (1648 и 1656 гг.), только в обратном по хронологии порядке. Можно предположить, что и основной событийный ряд укладывается во временной период около 30 лет. Важной деталью является и то, что автор был современником Иоанна («Его же, блаженнаго, и мне, грешному, Бог сподоби видети в том его бегании в летнии дни к тем осокорям»).

Сказание было создано после 1669 г. одним из местных авторов, который хорошо знал жизнь и быт разных социальных слоев населения, а сам, очевидно, относился к церковным кругам г. Сольвычегодска.

Сказание начинается с типичной формулы-зачина («Иоанн Самсонович родом бе двинянин»), характерной для кратких и поздних (минейных или проложных) версий житийных памятников (Ср., например: «Сей блаженный Прокопий бе от западных стран, от немецкия земли, чином купец» или «Прокопей блаженный родом бе от варяг, купец богатой»^[5]). В композиционно-сюжетном плане Сказание состоит из ряда эпизодов, доказывающих необычность поведения святого и его способность к пророчеству, особому дару блаженных. Заканчивается Сказание также типичной сценой преставления и погребения святого.

В одном из первых эпизодов Сказания рассказывается о необычном и странном поведении юродивого, который, помимо того что ходил наг и бос, терпя мороз и зной, бегал на Терюшино болото и в Пачеозерье до «великих древ осокорей»^[6]. Эта особенность в поведении юродивого сопровождалась не менее странными действиями: по пути Иоанн Самсонович свивал из ветвей берез по три кольца вместе и разбрасывал их по земле. Жил он, как подобает юродивому, в «ветхой храмине» около Никитинского соляного промысла, а затем в поваренной келье Введенского монастыря. Среди обычных для блаженного подвигов «умерщвления плоти» Иоанн Самсонович вырывал свою бороду до кровавых язв.

О способности юродивого предсказывать будущее и предупреждать людей о тех или иных событиях говорят следующие эпизоды.

Это – эпизод о пожаре. За день до несчастья Иоанн был в доме священника Стефана Козмина и жена того стала выпроваживать юродивого вечером из своего дома, потому что тот засиделся допоздна. На это святой сказал: *«Аз иногo вечера не приду к вам, вы же и посидели бы, да негде»*. К подобным пророчествам также относятся эпизоды о посещении боярыни Матроны Ивановны Строгановой с просьбой дать ему самое лучшее яблоко; эта просьба юродивого затем оказалась предсказанием скорой смерти внука Алексея Федоровича. Иоанн также предупредил купца Афанасия Котова о том, что тот посадил сатану в сани справа, результатом чего было известие о самоубийстве купца в г. Ярославле.

Не менее странным, по мнению автора Сказания, оказывается отношение юродивого к милостыне. Например, он не брал милостыню от посредника подававшего; а деньги, которые Иоанн называл «микитки», ломал пополам и бросал на землю.

Все эти особенности поведения юродивого требуют специального анализа и мифопоэтической дешифровки образов. Установка автора на описание действий героя, внешнего проявления его поступков без попытки прокомментировать их глубокий смысл, в конечном счете ориентация на беллетризацию повествования сближают Сказание о Иоанне Самсоновиче с такими известными устюжскими повестями, как Повесть о Савве Грудцыне и Повесть о бесноватой Соломонии, которые указывают на характерный слом в художественном сознании второй половины XVII в.

Власов Андрей Николаевич
доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН
заведующий Отделом русского фольклора

О. А. Волошина (Москва)

Особенности языковой картины мира в текстах слепоглухонемых авторов (на материале произведений Ольги Скороходовой)

В докладе предпринята попытка показать особенности языковой картины мира, вербализованной в поэтических и прозаических текстах слепоглухих авторов, в частности для анализа выбраны произведения воспитанницы интерната для слепоглухих детей Ольги Скороходовой (1911-1982).

На обсуждение вынесены **два тезиса**:

1. Особенности семиотической системы, используемой для обучения языку и для формирования понятий, предопределяют характерные черты видения мира обучаемого. В частности, язык жестов, используемый как средство общения глухонемых, формирует представления о мире, основанные на конкретных, образных впечатлениях, в основе которых лежит зрительный образ, то есть представления о цвете, форме, размере предмета и т.п. «Образность жеста является следствием и убедительным доказательством **наглядно-образного мышления глухонемых**, не овладевших словесной речью» [Гейльман 1957: 15].

Созданная и апробированная советскими педагогами-дефектологами И.А. Соколянским и А.И. Мещеряковым программа обучения слепоглухих детей заключалась в последовательном использовании разных систем кодирования информации: языка жестов, дактилологии и азбуки Брайля. Таким образом, новаторская методика представляла собой **многократное переключение кодов семиотических систем**.

Каждая система кодировки влияет на особенности формирования понятий, на становление мировидения обучаемого в целом. С этой точки зрения система жестов-касаний, используемая как знаковая при обучении языку слепоглухих детей, формирует представления о мире, основанные преимущественно на тактильных ощущениях.

2. Авторские тексты слепоглухих авторов воплощают субъективную картину мира, формируемые каналом получения информации, а именно системой касаний (тактильных знаков) при отсутствии визуальных и слуховых впечатлений.

По настойчивой рекомендации профессора Соколянского И.А. слепоглухие воспитанники вели дневники, в которых записывали впечатления о прошедшем дне. Анализ дневниковых записей Ольги Скороходовой **«Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир»** показывает, что именно осязание, обоняние, вкусовое чувство, температурные ощущения и т.п. являются каналами получения информации об окружающем мире. Автор описывает доступные ему ощущения, однако иногда использует глаголы **видеть, слушать** и др. для описания собственных впечатлений.

В докладе предполагается проанализировать пример поэтического текста – стихотворения Ольги Скороходовой «Думают иные...» и указать на особенности авторского словоупотребления:

*...Я услышу запах и росы прохладу,
Легкий шелест листьев пальцами ловлю*

*Но слова без звука — чувства трепетанье
Я ловлю и слышу быстрою рукой...*

*Гибким и послушным, жгучим вдохновеньем,
Я соткала жизни красочный узор.*

Проведенный анализ позволяет сделать предварительный вывод: тексты слепоглухонемых авторов часто основаны на шаблонах – устойчивых сочетаниях слов (особенно в области зрительных и слуховых впечатлений). Авторские словоупотребления чаще встречаются, когда автор использует лексику, связанную с тактильными и вкусовыми ощущениями, восприятием запахов и т.п. Именно в этой области слепоглухонемой автор может опереться на собственные впечатления. Языковая картина мира таких авторов основана на передаче тактильных, вкусовых ощущений и восприятию запахов, на метафорическом переносе этих впечатлений на другие сферы восприятия окружающего мира.

Литература

1. Гейльман И. Ручная азбука и ручные жесты глухонемых. М. 1957.
2. Скороходова О.И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М. 1972. (первое издание в 1947 г.).
3. Мецераков А.И. Слепоглухонемые дети (развитие психики в процессе формирования поведения). М. 1974.

Волошина Оксана Анатольевна
доцент филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Категории пространства и времени в живописи передвижников, представителей модерна и авангарда

Исторический контекст развития эстетической мысли передвижников: отмена крепостного права, либерализация общественной жизни и реформы. **Философия направления:** для художников-передвижников искусство социально значимо, обращение к изображению острых социальных конфликтов, демонстрация борьбы народа за социальную справедливость и национальное освобождение, обличают общественные порядки, многие картины обращены к русской истории. **Время** в живописи передвижников имеет ярко выделенный исторический сюжет, зритель может понять, о каком времени идет речь, читается контекст картины. Это связано с тем, что художники начинают прорабатывать сюжет своих картин в архивах. **Пространство:** у передвижников остается еще академический взгляд на построение пространства холста, «написание» картины по правилам. Живопись, графика и скульптура развиваются отдельно друг от друга. **Приемы** передачи пространства и времени: проработка сюжета, строгая композиция, соотношение правой и левой сторон, трехслойная живопись.

Исторический контекст развития модерна как нового эстетического направления: усиливающийся промышленный рост, наращивание темпов фабричного производства. **Философия направления:** художник обращается к древнерусскому и народному творчеству, начинает складываться неорусский стиль, направленный на переосмысление культурных традиций прошлого. Время становится универсальным понятием. Теряется единая координата: художники пишут вневременные произведения, пронизанные покоем и бесконечностью; или наоборот пытаются уловить симультанное и мимолетное настроение меняющейся жизни, связанное, в том числе, с изменяющейся социальной и исторической жизнью. **Пространство** становится более гибким: мифологичное, сказочное. Меняется угол зрения, меняется композиция, становится более свободной. Художники обращаются к декоративности, фантазийности. Создается особая предметная среда, наполненная своей эстетикой. **Приемы** в живописи: свободная композиция, пастозность, обращение к графике, западноориентированность в сочетании с самобытностью, декоративность, поиск интересных текстур.

Исторический контекст развития авангарда: революция 1905-1907 гг., Первая мировая война, Гражданская война, НЭП. **Философия авангарда:** эксперимент, вызывающий, нарочито грубый, он ориентирован на новаторское понимание того, как следует писать и жить. Смысл эстетической позиции авангардного искусства – в активном и агрессивном воздействии на публику. Как явление авангард появился во всех сферах русской культуры в 1910-е гг. и стал целой системой проникающих друг в друга стилей, концепций, теорий, школ и направлений.

Время: художники пытаются запечатлеть время на холсте, ставят эксперименты в лаборатории, которые потом переносят на холст. Художники русского авангарда используют совершенно иные художественные приемы для изображения **пространства** – это пятно, которое заменяет объем, это линия, которая является выразителем, они ломают предметы, человеческие фигуры для того, чтобы создать их заново. Пространство ломается и собирается заново.

Приемы: художники авангарда перестают писать станковые работы, обращаются к натюрморту, коллажу, конструкциям, макетам, контррельефам.

Исследование является междисциплинарным: история, философия, искусствознание. Показ точек интереса на примере коллекции Национальной галереи РК.

И. В. Галактионова (Москва)

Один год из жизни одного молодого человека 140 лет назад

Предлагаемый доклад является продолжением серии сообщений, посвященных жизни Ивана Каллиниковича Голубева (1862–1924) и основанных прежде всего на его дневниках. Если в первом сообщении речь шла о биографии этого человека и общем обзоре дневников, а во втором – о начале его работы книгоношей Общества для распространения Священного Писания в России и первом путешествии в этом качестве на Амур, то сейчас предлагается остановиться на частной жизни Ивана Голубева.

Возможно, что И. К. Голубев вел дневники всю свою взрослую жизнь, но сохранились они не полностью – даже за те годы, когда такие записи определенно делались. Из дневников можно узнать о фактах биографии, о взаимоотношениях с родными и друзьями, о работе, о путешествиях, о людях, с которыми его сводила жизнь, и о местах, в которых он побывал. И если путевые заметки потом находили отражение в отчетах о поездках, направляемых в Общество для распространения Священного Писания в России, и в очерках для журналов, например, для журнала «Русский паломник», то о личной жизни и переживаниях, разумеется, можно узнать только из дневников.

Частная жизнь обычно представляется человеку малоинтересной для окружающих. И первая тетрадка дневниковых записей, относящаяся к 1880 году, начинается с таких слов: «Немного могут составлять интересного мои записки, в особенности самое начало, когда я служил у своего родного дяди Петра Павловича Боченкова при его книжной торговле в Москве»^[1]. Именно о событиях 1880 года в жизни И. Голубева пойдет речь в предлагаемом докладе.

Тетрадка за 1880 год сохранилась полностью. Собственно, это не сам первоначальный дневник, а переписанные автором осенью 1892 года, когда он находился в Иркутске, «листки, набросанные <...> почти 13 лет тому назад».

Это был год, когда И. Голубев женился, что повлекло за собой череду разных как вполне ожидаемых, так и неожиданных для него событий.

В начале 1880 года ему семнадцать с половиной лет. На женитьбе настаивали дядя и тетя: «моя тетушка Пелагия Ивановна спала и видела меня семейным человеком, чтобы я не избаловался, как говорила она». И в 1879 году он «обручился с девицею Екатериной Федоровной», сиротой, живущей у своей крестной матери Веры Николаевны Шатовой. Кто и когда их познакомил, об этом в дневниках не сказано, однако семьи Боченковых и Шатовых явно были знакомы.

Венчание состоялось 14 января в церкви Трех Святителей у Красных Ворот, о чем в метрической книге этой церкви имеется соответствующая запись. В дневнике говорится о подготовке к этому событию, очень коротко – о самом венчании и чуть подробнее – о домашнем праздновании. И уже начиная с этих записей читатель постоянно сталкивается с указанием точных сумм и того, на что они потрачены: «купил себе новую сюртучную пару за 20 руб., венчальные свечи 60 к.». Возможно, это связано с работой в книжной лавке дяди и ставшей привычкой необходимостью вести учет полученных и израсходованных денег.

Молодые поселились в доме у дяди, заняв две небольшие комнаты в мезонине. Иван Голубев приступил к своим «занятиям торговлей». Но жизнь под одной крышей со старшими родственниками не складывалась. Жена Катя все больше раздражала дядю с тетей.

Раздражение распространилось и на самого Ивана. 16 июля он пишет: «Очевидно, что капля терпения моих почтенных стариков переполнилась и совместная жизнь стала им

в тягость <...>, и потому дядя отказал мне от службы у него, и, чтобы облагородить свой бесчеловечный поступок, он обвинил меня чуть не в краже или растрате». Дядя отказал не только от службы, но и от квартиры. Основную причину этого автор дневника характеризует так: «не поладили дома две бабы – старая да молодая, ну и ступай на все четыре стороны».

И. Голубев покинул дом дяди с беременной женой и с тремя рублями капитала в кармане. Он надеялся на помощь крестной матери своей жены, которая имела собственный дом и «хорошие средства», но надеялся напрасно: поселить молодую семью в своем доме она отказалась, а «вместо ожидаемой помощи <...> посоветовала заложить в ссудной кассе вещи».

Следующие четыре с половиной месяца семья пыталась как-то свести концы с концами. Чтобы платить за нанятую комнату «в нижнем этаже в 2 окна, которые выходят в переулок в уровень с тротуаром», и иметь деньги на прочие расходы, пришлось заложить все приличные вещи. Иван Голубев организовал свою книжную торговлю, для чего «снял постоянное место № 1 у Краюшина для воскресной торговли на Сухаревской площади, за 4 месяца 13 рублей». Но особой прибылью эта торговля не приносила.

Мытарства закончились в конце ноября. В записи за 28 ноября сказано: «Мы сошлись с дядей, и я снова с первого <декабря> поступаю к нему». Семья вернулась в дом дяди, и уже 1 декабря жизнь вошла в прежнее русло: «По-прежнему обыкновению утром мы пили чай в трактире Макеева, потом я взял ключи и отправился в лавку торговать. Удивительная выдержка, ни слова о прошлом – будто я никуда и не отлучался. И я без всяких разговоров приступил прямо к делу. Как 4 ½ месяца тому назад, я стал распоряжаться по-прежнему всем, только вместо <...> красного лицо мое похудело и стало зеленым, и страдания положили на лицо свою неумолимую печать пережитого».

12 декабря родился первый сын Ивана Голубева – Василий. Благодаря дяде, оплатившему услуги акушерки, жена Катя родила дома, а не в больнице, в Воспитательном доме, куда собирался везти ее стесненный в средствах муж.

В записях за этот год отражены в основном перипетии семейной жизни и связанные с ними денежные трудности, отношения с дядей и родственниками жены. Из событий государственного масштаба в дневнике упомянуты кончина императрицы Марии Александровны («На лицах народа заметно сильное уныние»), ее погребение и торжественное открытие памятника А. С. Пушкину.

В целом год оказался для Ивана тяжелым, и он провожает его записью за 31 декабря: «Прощай, немилый, прощай, нехороший, дурной 1880 год. <...> Что-то ждет новый 1881 г., чем он порадует».

1881 год оказался лучше: именно в этом году И. К. Голубев начинает сотрудничать с Обществом для распространения Священного Писания в России, что в значительной мере определяет его дальнейшую жизнь.

Галактионова Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет

Е. В. Гладышева (Москва)

Маргинальные иллюстрации на полях старопечатной Псалтири Симона Азарьина 1634 года: старое и новое

В Музее книги РГБ хранится уникальная Псалтирь^[8], изданная на Московском Печатном дворе в 1634 году. Судя по записи на одном из переплетных листов, в 1659 году

эту книгу вложил в Троице-Сергиеву лавру монастырский келарь, небезызвестный старец Симон Азарьин. Помимо обычных старопечатных орнаментов и гравюры с пишущим псалмы царем Давидом, Псалтирь украшена на полях обширным циклом рисованных пером иллюстраций (по подсчетам А.А. Гусевой – 966). В отдельных случаях они довольно грубо раскрашены, вероятно, в более позднее время. В начальной части блока миниатюры снабжены дополнительными киноварными подписями, которые исчезают уже на 7-м листе, что свидетельствует о том, что оформление книги не было полностью завершено. Исходя из всех перечисленных обстоятельств, рисунки принято датировать 1650-ми годами.

Эти рисованные миниатюры выполнены очень искусной рукой, не исключено, что по какому-то недошедшему до нас образцу. Как ни парадоксально, но до сих пор они практически не привлекали внимание исследователей. Несколько изображений с комментариями было опубликовано Ф.И. Буслаевым^[21]; отдельные соображения по их поводу в связи с проблематикой более ранних циклов псалтирных иллюстраций высказывались автором этих строк. Между тем, рисунки в Псалтири Симона Азарьина заслуживают самого пристального изучения, не только и не столько из-за их высокого художественного качества.

По принятой терминологии, миниатюры принадлежат к типу маргинальных, располагавшихся на полях Псалтирей. Такие миниатюры уподоблялись святоотеческим толкованиям, иногда помещавшимся рядом с основным текстом, и были необходимы для разъяснения читателям смысла псалмов. Если в греческой традиции рукописи с «толковыми» циклами изображений получили распространение начиная с IX века, то в русской – только с XIV столетия. Самым ранним и «чистым» по типологии примером в отечественном искусстве является Киевская Псалтирь (РНБ, ОЛДП. Ф. 6), выполненная писцом Спиридонием в 1397 году и украшенная изображениями на полях несколькими художниками, которые следовали византийскому протографу. В XV и XVI веках иконография циклов маргинальных иллюстраций так или иначе ориентировалась на рукопись Спиридония, чему свидетельством – Угличская Псалтирь 1485 года (РНБ. F.I.5) и серия Годуновских Псалтирей 1590-х годов.

Сюжеты, представленные на полях Псалтири Симона Азарьина, демонстрируют абсолютно новый подход к толкованию значения текста псалмов, что отражает решительные «сдвиги» в русской культуре XVII века после Смутного времени. Миниатюр становится значительно больше, комментируется едва ли не каждый стих; вводятся новые, раньше никогда не востребованные в подобном контексте иконографические схемы («Архангел Михаил – Небесных сил воевода», «Богоматерь Неопалимая Купина», изображения церковных таинств, сцены адских мучений и др.). При этом в композиционных схемах многих иллюстраций очевидна преемственность по отношению к более ранней традиции, что особенно интересно для исследователя, поскольку позволяет проследить пути и способы переосмысления старых схем.

Гладышева Екатерина Васильевна
главный научный сотрудник
Государственной Третьяковской галереи

М. В. Головизнин (Москва) [тезисы №1]

«Новые левые», Маркузе, Мисима в контексте мировоззрения В.Т. Шаламова

Несмотря на «общественно-политический» заголовок, речь в данном сообщении пойдет о двух коротких заметках В.Т. Шаламова от 01.1971 года, текстологический анализ

которых вызвал интересный научный спор. Первая заметка гласит: «У меня формула очень простая: то, чему ты учишь, делай сначала сам <...> Но моя формула в своем существе иная — антивоенная, чуждая и даже противопоставленная духу подчинения и приказа. Поэтому «новые левые» +, Мисима +, а Гароди и Сахаров — минус». Анализ текста позволил установить, что Шаламовым упомянут именно японский писатель Ю. Мисима, а не В. Максимов, как это считалось ранее. Это подтверждается текстом второй заметки, помещенной в той же самой тетради: «Мисиму можно уважать. Это — аргумент, характер. Но Бжезинский и прочие хитрожопые подстрекают. Им надо обязательно крови ... далее неразборчиво» (чтение предложено В.В. Есиповым, 2015 г.). Надо сказать, что если упоминание Шаламовым Сахарова, «Новых левых» и французского философа Гароди не вызвало особого удивления, т.к. в дневниках писателя имеются более развернутые отзывы и комментарии о Э. Че Геваре, Г. Маркузе и др., то упоминание З. Бжезинского (тогда 42-х летнего политолога, ставшего лишь через 7 лет влиятельным политиком США) и, особенно, Юкио Мисимы, японского писателя-традиционалиста, совершившего харакири при неудачной попытке захвата военного объекта японских сил самообороны, весьма запутали дело, позволив некоторым шаламововедам констатировать аморфность политического мировоззрения Шаламова 1960-70-х годов, где, дескать, остался лишь «советский патриотизм», позволивший ему порвать с диссидентством, и некие реликты левизны в виде симпатии к партии эсеров, сошедшей с политической сцены в 1920-е годы.

По нашему мнению (см. Головизнин М.В. Образ революции и революционера у Варлама Шаламова // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции. — М., 2007. — С. 318-327) целостное левое мировоззрение сохранялось у писателя и в 1970-е годы, о чем свидетельствуют не только очерки и мемуарно-биографическая проза, но и то, что он (в отличие от немалого числа его тогдашних сверстников) считал сталинизм не продолжением, а отрицанием большевистской революции 1917 года. И дело не в том, что Шаламов «в ущерб другим» отдавал предпочтение эсерам. Он столь же уважительно пишет об анархистах, о большевистских лидерах Ленине, Троцком, Раскольникове об «обновленцах» - сторонниках церковной реформы, понимающих обрядность «в духе критического разума». Другое дело, что Шаламову был чужд партийный фетишизм, он никогда не стратифицировал революционеров «по степени революционности» или по степени вклада в революцию.

Однако, вернемся к упомянутым выше заметкам. Откуда Шаламов, никогда не слушавший «радиоголоса» и уже не общавшийся с диссидентами, мог получать о «новых левых», Р. Гароди и тем более, о Мисиме, информацию, позволяющую расставить «плюсы и минусы»? Цензура брежневского СССР исключала распространение их произведений. Большая статья о Ю. Мисиме под названием «Конец самурая», в которой подробно рассказывалось о его гибели и давалась в высшей степени негативная характеристика его как «фашиста» и «путчиста» была напечатана в «Литературной газете» от 9 декабря 1970 г. Известно, что Шаламов был ее подписчиком в эти годы. Действительно, просмотр подшивок «Литературки» за 1969-1970 года не только позволил нам выявить все упомянутые выше персонажи, включая З. Бжезинского, но и предложить объяснение шаламовских заметок именно с учетом левых убеждений писателя.

Литературная газета тех лет, ориентированная в том числе на «друзей СССР» из числа писателей по всему миру, позволяла несколько больший «плюрализм» чем партийная пресса. Более того, массовые студенческие протесты, охватившие США и Европу, война во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, с другой стороны - разгорающийся советско-китайский конфликт, вынуждал идеологов СССР лавировать, что выражалось в частности в появлении в прессе квалифицированных обзоров международной политики, содержащих большое количество «фактов и аргументов». В ЛГ появлялись огромные, на целую полосу статьи, посвященные взглядам Г. Маркузе, идеологии и практике «новых левых», где наряду с идеологизированной критикой было немало правильной

информации. Шаламов как читатель ЛГ не мог пройти мимо того, что и сторонники Маркузе, и «Новые левые» («с мелкобуржуазных позиций», как писала ЛГ) критиковали не только империализм, но и «сталинизированное перерождение КПСС», социальное неравенство в СССР, а главное – пытались «явочным порядком» организовать массы снизу. Это позволило Шаламову сказать: «Маркузе. Великой пробы анархизм. XIX век был веком победы коммунизма — призраком коммунизма». С другой стороны, ЛГ немало писало и о «реформистах» из числа западных левых, к которым причислялся упомянутый Р. Гароди, разделявший «буржуазную теорию конвергенции» (между «капитализмом и социализмом» М.Г.), главным апологетом которой в 1970 году на страницах ЛГ был представлен ...Збигнев Бжезинский. С учетом негативного высказывания Шаламова о конвергенции: «Запад поторопился отгородиться от нас барьером из атомных бомб, обрекая нас на неравную борьбу в плоскости всевозможной конвергенции <...> Говорить, что конвергенции сработались, могут только авантюристы» становится понятным, почему разделявшие ее Гароди и А. Сахаров получили «минус», а «новые левые», стремившиеся уничтожить социальное неравенство и капиталистическое государство как таковое – «плюс».

Как оказалось, загадка Шаламов - Мисима также имеет решение в политическом ракурсе. Начнем с того, что ярлык фашиста был приклеен Мисиме в ходе внутривнутрипартийных разборок в Японии, имевших нередко сектантский характер. Сам он написал «Размышления о новом фашизме» (Син фасидзуму рон), где возражал против того, что он фашист, и называл левых оппонентов «товарищами». Этого Шаламов вряд ли знал, но, читая ЛГ, он знал и понимал другое. В 1970 году, ожидая расторжения военного договора между США и Японией, советская пресса писала о резком обострении японо-американских противоречий. В ЛГ были опубликованы три огромных статьи Д. Петрова о «Технологии японского чуда» и другие, где недвусмысленно говорилось, что быстро развивающаяся Япония не будет «таскать каштаны из огня» для США и мириться с национальным унижением в виде военных баз США на ее территории. 01.01.1969 года в ЛГ вышел материал «Три интервью в храме Яскуруни». Интервью были сделаны с оставшимися в живых летчиками-камикадзе, чьи товарищи «гибли за родину», топя во время Второй мировой войны американские линкоры, и чей командир, адмирал Ониси, сделал себе харакири в день капитуляции Японии. Неделю спустя спецкорр ЛГ Т. Чеботаревская рассказывала, что «в Японии как нигде в мире берегут традицию» и как японская традиционная культура сопротивляется «заокеанским образцам модернизации литературы и искусства». 17.06.70 года в статье «Японские диалоги» целая колонка была посвящена Мисиме. Там без инвектив говорилось, что Мисима «очень талантлив, кумир молодежи, тонкий живописатель природы, даже те, кто не разделяет его идей, признают его искусство полемиста...». В статье довольно спокойно повествовалось про создание Мисимой «личной гвардии» (которая в день его гибели участвовала в захвате военной базы). Дело в том, писал корреспондент ЛГ, что он «начинал с утверждения культа красоты и довольно быстро пришел к утверждению культа императора, в чем, по его мнению, проявляются как раз самые красивые черты японского национального духа...». Прочитав эти статьи, Шаламов мог вполне представить акцию Мисимы и его последующее самоубийство как протест против американского военного присутствия и унижения Японии в условиях «кризиса 1970 года», охватившего страну. Что же касается обвинений в фашизме из ЛГ, то писатель, знавший цену подобным вердиктам на собственном опыте, мог в них попросту не поверить. Таким образом, шаламовские оценки деятелей политики и культуры 1970 гг. вполне объяснимы с точки зрения его идейности и его взглядов на мировую политику.

Головизнин Марк Васильевич
к.м.н. доцент МГМСУ им. А.И.Евдокимова
член Совета Ассоциации медицинских антропологов

М. В. Головизнин [тезисы №2]

Документы о первой публикации «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова во Франции

История первых зарубежных изданий «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова, как и других авторов, чьи произведения находились на родине под запретом, до сих пор не прояснена и не документирована, что оставляет место для ее произвольных толкований, в которых имеют место крайности, в частности, попытки представить все опубликованные в 1960-е-70-е годы за рубежом тексты «Колымских рассказов» как «пиратские», изданные вопреки воле автора, «никогда не вступавшего в контакты с границей». Этой точке зрения отчасти способствовало письмо Шаламова в Литературную газету от 15.02.1972 года, где он отрывается от сотрудничества с выходящими на Западе «Посевом» и «Новым журналом». Вместе с тем, за последние десятилетия накопились факты, свидетельствующие, что отношение Шаламова к вопросу о передаче своих текстов за рубежом было не однозначным в разные периоды советской истории. В середине 1960-х годов, в т.н. «Письме старому другу», Шаламов, цитируя П. Долгорукова, замечал: «Многие из соотечественников наших говорят: “Не нужно рассказывать иностранцу истину о России, следует скрывать от них язвы отечества”. Эти слова, по нашему мнению, совершенно противны и здравой логике, и личному достоинству, и отчизнолюбию, истинно просвещённому».

В 1969 году во Франции, вскоре после антикапиталистических студенческих волнений, в сборнике «Les Lettres Nouvelles» вышла книга Шаламова «Récits de Kolyma» (Колымские рассказы), где имелась по-видимому первая биография Шаламова, достоверно описывавшая и его лагерную судьбу, в частности, ее начало, связанное с участием в «левой оппозиции» 1927-28 годов. Издатель – Морис Надо (Maurice Nadeau) (1911-2013) до 1945 года был активистом троцкистского движения во Франции, лично общался с Л.Д. Троцким. После окончания Второй мировой войны он сосредоточился на литературной критике и издательской деятельности, придерживаясь до конца жизни левых политических взглядов. В 2008 году в телефонном разговоре М.Надо сообщил, что рукопись «Колымских рассказов» была получена им и опубликована с ведома и с согласия автора. Несколько позже он передал в Россию следующее письмо: «Я опубликовал в «Les Lettres Nouvelles» в 1969 году «Колымские рассказы» Варлама Шаламова после того, как получил микрофильм, переданный мне моей подругой Жанной Леви. С ее слов, она получила пленку у сотрудника французского посольства, который скрыл ее в пакете с продуктами, чтобы провести через границу. Супруги Жанна и Рауль Леви были моими давними друзьями, которые поддерживали отношения с советскими диссидентами. Сам я поддерживал отношения с Борисом Пастернаком, опубликовал письмо, которое он мне направил, а также имел контакты с Солженицыным и некоторыми другими (Николаем Боковым), тексты которых я также публиковал в «Les Lettres Nouvelles». Что касается Шаламова, то я имел основания отнестись к материалу с недоверием, опасаясь провокаций ГПУ с учетом предыдущих попыток спецслужб скомпрометировать мою деятельность на посту главного редактора журнала. Я попросил Жанну Леви предоставить мне доказательства 1. существования Шаламова, 2. его желания быть опубликованным во Франции в левом издании. Несколькими месяцами позже эти доказательства были мне предоставлены в виде: 1. фотографии автора — человека с очень изможденным лицом, которая имела дарственную надпись, 2. его согласия быть опубликованным во Франции. Эти документы стали частью архива Lettres Nouvelles, принадлежащего редактору Рене Жиляру (René Juilliard). У меня не было ни желания, ни средств, чтобы опубликовать весь

сфотографированный текст. Я проконсультировался с двумя друзьями, переводчиками-русистами, которые осуществили отбор текстов, опубликованных мной под названием «Колымские рассказы». Хочу добавить, что сведения обо мне можно получить из «Советской энциклопедии», где я фигурирую как «враг СССР», «слуга капитала» и «опасный троцкист».

Данный текст, написанный через 40 лет после выхода книги, при всей его однозначности, не удовлетворил исследователей полностью. Документ, относящийся непосредственно к изданию «Récits de Kolyma» в 1969 году, был неожиданно обнаружен переводчиком книги Жан-Жаком Мари (выступавшим под псевдонимом Оливье Симон) в конце 2020 года в своем личном архиве. Он представляет собой письмо Мориса Надо Жан-Жаку Мари, написанное на бланке издательства «Les Lettres Nouvelles» и относится к началу 1966 года. Ниже мы приводим оригинал письма с русским переводом.

<p>13 février. Cher Jean-Jacques Marie, J'ai fait poser la question - de vive voix - à Chalamov sur l'opportunité de publier le manuscrit que vous saves sous son nom. Il est formel: il veut absolument le signer, et comme il est assez malade, il voudrait le voir publier ici assez vite, afin dit—il de “connaître cette joie avant de mourir” En URSS le manuscrit circule sur une grande échelle, tout lecteur étant tenu d'en polycopier 4 exemplaires et de les faire circuler à leur tour. J'ai sous les yeux une biograpbie – peut-être est-elle sur le film - où il est qualifié comme “le plus important des écrivains de la littérature contemporaine russe et chef de file d'un groupe où l'on trouve A. Soljenitski (?), Dombrovski et d'autres écrivains qui demeurent à ce Jour inconnus dans les colonnes de la presse officielle”. Il détient également des lettres de félicitations de Pasternak que Je pourrais me procure. Vous comprenez mon excitation. Je suis pendu à votre appréciation sur l'ensemble de ce que vous avez lu et j'attends votre verdict avec impatience. Bien à vous Maurice Nadeau</p>	<p>13 февраля. Дорогой Жан-Жак Мари. Лично у меня был вопрос к Шаламову о целесообразности публикации известной вам рукописи под его именем. Он категоричен: он абсолютно хочет ее подписать, и, поскольку он очень болен, он хотел бы, чтобы это было опубликовано достаточно скоро, поэтому, по его словам, «познать эту радость перед смертью». В СССР рукопись распространяется в большом количестве, все читатели должны скопировать по 4 копии и передать их по очереди. Перед моими глазами также (его М.Г.) биография - возможно, она есть в фотопленке, в которой он квалифицируется как «наиважнейший среди писателей современной русской литературы и лидер группы, в которой мы находим А Солженицкого (так в тексте М.Г.) Домбровского и других писателей, которые до сих пор остаются неизвестными в колонках официальной печати». Еще у него есть поздравительные письма от Пастернака, которые я смог достать. Вы поймете мое волнение. Я поддерживаю вашу признательность за все, что вы прочитали, и с нетерпением жду вашего вердикта. С уважением» (Морис Надо)</p>
--	---

В качестве комментария мы считаем нужным сказать 1) Состояние здоровья Шаламова в середине 1960х годов действительно ухудшилось, что проявлялось стойкими нарушениями слуха, зрения и равновесия при отсутствии точного диагноза болезни 2) 1966 год, не указанный в письме, воссоздан по свидетельству Ж-Ж. Мари о начале переговоров по изданию. Оригинал данного текста нами передан в музей «Шаламовский дом» в Вологде. На наш взгляд, трудно представить, чтобы данное сугубо деловое письмо не отражало реальности переговоров Шаламова с французским издателем, которые шли через русскоговорящих посредников примерно в то самое время, когда автором было написано упомянутое нами ранее «Письмо старому другу», где Шаламов не только

отстаивал свободу слова, но и говорил о гласности как средстве исцеления социальных болезней России.

Р. М. Голубев (Самара)

Маргиналии в печатных изданиях как экспозиционный материал в музейной деятельности.

В 2019 году на базе Самарского литературно-мемориального музея им. М.Горького автором статьи был реализован выставочно-исследовательский проект «Вторжение: выставка «испорченных» книг и вещей», ключевыми темами которого стали практики взаимодействия человека с печатным текстом и искусственной предметной действительностью.

Основной выставочный материал представляли т.н. маргиналии – рукописные записи, рисунки и читательские пометки, оставленные на различных предметах печатной продукции, хранящейся в фондах музея (книги, периодические издания, открытки – все коллекции очерчены весьма объемным историческим периодом от середины XIX в. - до конца XX в.).

Посетителям были продемонстрированы не просто экспонаты различной печатной продукции, но именно разнообразные владельческие текстовые записи, рисунки, символы. Содержательно материал носил весьма разнообразный характер - неизвестные авторы вступали в спор с авторами печатного текста, правили или хвалили его, шутили, оставляли послания или просто фиксировали свое актуальное настроение и состояние (например, записи вроде «Гая + Коля» в книге М. Горький «Ранняя революционная публицистика» 1938 года издания и др.). Часто записи и рисунки не имели никакого отношения к основному тексту, были произвольны или служили специфичным декоративным элементом. Так на полях и форзацах книг в ходе поисковой работы были обнаружены арифметические подсчеты, бытовые записи, хаотичные и геометрически правильные узоры, рисунки высокого и низкого качества.

Особый акцент был сделан на уникальности выставленных материалов, - даже издания с многотысячными тиражами за счет подобного «нелегального» творчества их бывших владельцев и временных пользователей приобретают особую историческую и музейную ценность для исследователя.

Часть тематических блоков выставки имело больше рефлексивно-аналитический характер и носило следующие названия: «Вторжение на территорию чужого смысла», «Предмет испорчен – предмет преображен», и помимо демонстрации вышеуказанных предметов приглашала посетителя к первичному анализу подобного рода человеческой деятельности. Также на выставке действовал блок с коллекцией фотографий уличных граффити, представляющих собой маргиналии в современном урбанистическом пространстве.

Сама выставка предстала в некотором роде как маргинальная практика для классической деятельности литературного музея, акцент в ней был смещен на необязательность, случайность и анонимность материала, вместо привычных для музея мемориальности и энциклопедичности. Концепция и тема выставки выходили за рамки сугубо музейной специфики в рефлексивное поле философии, социологии и психологии, часть материалов, не представляя собой зрелищные экспонаты для выставки классической, в данном случае становились отправной точкой для размышления о стихийности и маргинальности творческих практик как таковых.

М. А. Графова (Москва)

«О новых кадрах пролетарских писательниц» или опыт изучения наивной, но классово обусловленной женской прозы в 1920-х годах

Рассказ М. Ершовой «Две матери» был издан в 1929 году и представляет собой образец «женской прозы» на новый коммунистический лад: тут и тайно рожденный просватанной за хорошего жениха барышней ребенок, едва не убитый ее матерью, и усыновление этого младенца молодой работницей, и любовные перипетии, и судебные страсти, и попытки самоубийства, и обретение классово правильного счастья обеими девушками. В своем предисловии к этой книжке М. Горький хвалит автора за «социальную чуткость» и «созвучность эпохе». При этом похвала несколько нивелируется критикой: тут и «бедность языка и беззаботное отношение к нему», и явно гендерно ориентированные намеки на то, что «рукодельницам»-писательницам стоит думать не только о совершенствовании языка, но и о своем месте в новом мире, об освобождении от «пустяков быта».

И нельзя сказать, что женщины с писательскими амбициями не старались! Даже те, кому по профессиональным критериям было далеко и до М. Ершовой. В журнале «Коммунистка» за 1929 год обнаруживается материал, посвященный «Литературному кружку «8 марта», уже три года как функционирующему при отделе работниц МК ВКП(б) и насчитывающему в своих рядах тридцать пять человек! Среди них были и работницы, и служащие, и даже домохозяйки. Немало вопросов, встающих перед начинающими писательницами, разрешались в ходе заседаний этого кружка. Например: как понять, есть ли у тебя призвание? Да достаточно, чтобы тебя «тянуло к этому делу», это и значит, что ты – писатель, а там – практика все поставит на свои места. Или, допустим, есть те, кто пишет неграмотно, но художественно, и те, кто, наоборот, грамотно, но нехудожественно. Все это непринципиально, дело наживное, ибо главное, что кружок дает пролетарке «приобщиться к искусству», «выйти на широкий путь пролетарской культуры», «подняться на вершину художественного творчества». А это возможно только в классовых рамках, потому что для пролетариата не существует внеклассового искусства, оно есть не только забава, но и средство агитации и пропаганды соответствующих идей.

Любопытно, что некоторые члены кружка (всего десять человек) печатались, и не только в прессе, но и отдельными книжками, которые послужат источниками для доклада. Названия этих произведений характерны сами по себе, часто они «говорящие» и несут очевидный «гендерный» оттенок: «Корыто», «Глашкина правда», «Лизавета на курорте», «Как тетка Дарья узнала о МОПРе», «Делегатка Анна». Их темы – невзгоды жизни простой женщины, работницы и крестьянки, ее путь к освобождению, просвещению и самоуважению при Советской власти. Очень любопытна автобиография А. Семеновой «История одной жизни», после революции решившей учиться на художника во ВХУТЕМАСе, а заодно писать и читать. В наивности и безыскусности этой прозы есть порой свое обаяние, даже проблески способностей, но конкуренции с профессиональными литераторами даже средней руки «пролетарские писательницы» выдержать явно не могли, а Агрипина Семенова, даже если и обучилась грамоте, едва ли стала серьезным театральным декоратором. Имена их исчезают из каталога библиотеки в районе 1930 года, когда в момент «Большого перелома» были свернуты многие социокультурные и

просветительские эксперименты раннего периода Советской власти, в том числе и эта курьезная и любопытная для исследователя инициатива.

Графова Мария Александровна
кандидат искусствоведения, доцент департамента международных отношений
факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

А.И.Грищенко (Москва)

Какие зловердные еретические идеи скрывали пермские маргиналии в рукописях московских «жидовствующих»?

Представители московского круга «ереси жидовствующих», будучи профессиональными писцами, оставляли на переписанных ими рукописях маргинальные пометы, зашифрованные буквами древнепермской азбуки — алфавита свт. Стефана Пермского, созданного просветителем средневековых коми в конце XIV в. Известны многочисленные пометы великокняжеского дьяка и руководителя кремлёвского скриптория Ивана Чёрного [1] на полях созданного под его надзором библейско-хронографического сборника 1480-х гг. (РГБ, Собрание В. М. Ундольского (ф. 310), № 1) и переписанного им же Еллинского летописца 2-й редакции 1485 г. (РГБ, Собрание Д. В. Пискарёва (ф. 228), № 162), две его пермские пометы на библейском сборнике пер. четв. XV в. (РГБ, Основное собрание Троице-Сергиевой лавры (ф. 304/1), № 728), а также копии аналогичных маргиналий на книге Толковых пророчеств в западнорусском списке пер. четв. XVI в. (РНБ, F.I.3; сам Иван Чёрный, судя по всему, умер между 1487 и 1490 гг. в Литве, куда сбежал от преследований в связи с подозрением в ереси) [2]. Маргинальные пометы Ивана Чёрного («зри», «удобно», «дивно», «страшно», «чюдно», «смотри») на *Унд. 1* и *Писк. 162* были изданы с фрагментами текста, к коим они относятся, Я. С. Лурье [3], полагавший, что этими пометами книжник-«еретик» выражал своё особое отношение к выделенным местам, особенно библейским, в которых содержались различные ветхозаветные дисциплинарные постановления. Комментируя тайнописную запись Ивана Чёрного на внутренней стороне переплётной доски кодекса *Унд. 1*, А. И. Клибанов находил в ней антитринитарные мотивы: «...в свою благодарственную формулу автор ни с какой стороны не вводит троицу, формула его монотеистична, как и те, которыми заключил свой труд переписчик Еллинского летописца. [...] Они оба монотеисты, избегают троицы, оба возносят “славу”: один — богу-“совершителю”, другой — “содетелю и творцу”» [4].

Несмотря на неоднократно высказывавшиеся сомнения в еретическом характере тайнописных маргиналий, сделанных пермской азбукой, мнение о том, что они действительно содержали некие идеи «ереси жидовствующих», продолжает бытовать у специалистов по этому движению конца XV в., напр.: «Сохранились свидетельства, что жидовствующие выступали против монашества. Их критика этого института основывалась на ветхозаветных представлениях о том, что отсутствие потомства у человека свидетельствует о его греховности и неугодности Богу. Такая позиция еретиков отразилась в пометах Ивана Черного в переписанном им по заказу великого князя Ивана III “Еллинском и римском летописце”, а также в глоссах, сделанных, вероятно, тем же книжником или другим еретиком тайнописью (буквами пермской азбуки) в списке ветхозаветных пророчеств»; «Тайнописные глоссы, сделанные им в нескольких рукописях буквами пермской азбуки, свидетельствуют об осуждении книжником “мздоимательности” духовенства» [5].

Однако с таким же успехом можно обвинить в ереси и главных оппонентов и гонителей «жидовствующих» — участников Геннадиевского переводческого кружка, известного своим масштабным проектом по подготовке полного библейского свода славянской Библии. Дело в том, что тайнопись пермскими буквами обнаружилась у писца Тимофея Вениаминова (помощника католического монаха Вениамина, переведившего недостающие части Библии с латинской Вульгаты), а также у Кузьмицы Златоустского, переписавшего специально для отправки игумену Иосифу, также обличителю «жидовствующих», на Волок двух томов с переводами с Вульгаты, причём записи Кузьмицы были выполнены не просто в пермской графике, а ещё и на древнепермском языке (в числе прочих они будут скоро опубликованы [6]). Таким образом, использование пермской азбуки было показателем высокого профессионализма московских и новгородских писцов, знаком их принадлежности к интеллектуальной элите книжников.

Литература

1. Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 30–51.
2. Турилов А. А. Иван Чёрный // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2006. С. 638–639; Калугин В. В. Толковые пророчества в Литовской Руси (списки первой половины XVI века с пермскими глоссами) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 81. С. 46–66.
3. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — нач. XVI вв. М.; Л., 1955. С. 277–299.
4. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 55.
5. Алексеев А. А. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 450, 452.
6. Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // Урало-алтайские исследования. 2021 (в печати).

Грищенко Александр Игоревич
канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры славянской филологии ПСТГУ
старший научный сотрудник отдела славянского языкознания
Института славяноведения РАН и ИКВИА НИУ ВШЭ

С. В. Друговейко-Должанская (Санкт-Петербург)

«Что остается от сказки потом — после того, как ее рассказали»

Благодаря книге М. И. Пыляева «Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы» стал широко известен исторический анекдот: императрица Екатерина Великая пила кофий такой крепости, что опивки его заново варили и пили лакеи, а их опивки еще раз варили и пили истопники. Подобно тому, как кофия императрицы хватало не на одну переварку, так и образцы высокой культуры могут многократно перевариваться масскультом. Продолжая эту метафору, зададимся вопросом, что же остается на дне чашки — иначе говоря, что из всего объема творчества того или иного классика, будучи процеженным через сито массового сознания, остается в масскульте в виде «окаменевших цитат».

Так, некоторые строки Анны Ахматовой весьма часто используются в виде эпиграфов, становятся принтами на открытках и чашках, футболках и сумках-шоперах: «Смуглый отрок бродил по аллеям» (эпиграф к текстам на тему «Пушкин в Царском Селе»), «Когда б вы знали, из какого сора...» (эпиграф к текстам об источниках вдохновения), «Я не любви твоей прошу...», «Рухнул в себя, как в пропасть», «Какая есть, желаю вам другую. Получше», «Я улыбаться перестала», «Ни отчаянья, ни стыда, ни теперь, ни потом, никогда» (популярные принты) и проч. «Средний читатель ищет в

Ахматовой прежде всего ахматовщину», — заметила О. Г. Базанкур-Штейнфельд, автор резкой статьи «Что такое ахматовщина», написанной в начале 1920-х. «Средний читатель, жаждущий усадеб, адмиралтейских игл и царскосельских парков..., нашел в стихах Ахматовой хорошее руководство, чем ему нужно любоваться и как ему надо чувствовать. <...> Но более всего среднего читателя привлекает в стихах Ахматовой, конечно, ее женская личность».

Текстам, которые входят в канон, обозначаемый термином «ахматовщина», и посвящен этот доклад.

Литература

Базанкур-Штейнфельд О.Г. Что такое ахматовщина / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. М.Д. Эльзона // “Я всем прощение дарую...” Ахматовский сборник / Под общ. ред. Д. Макфадьена и Н. Крайневой; сост. Н.И. Крайнева. М.; СПб.: АльянсАрхео, 2006. С. 135—138.

Друговейко-Должанская Светлана Викторовна
к. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка СПбГУ

С. М. Евграфова (Москва)

Дознание о корнях маргинальной полипредикативности

Не секрет, что суффиксы *-ниј-*, *-ениј-*, *-тиј-* – это церковнославянизмы, которые давно и прочно обосновались в русском языке, причем они проявляют активность в новейшем словообразовании: их способность превращать глагол в имя действия оказалась весьма востребованной. Такая успешность группы этой морфемы кажется не стоящей внимания, однако она тесно связана с очень важной способностью русского синтаксиса – способностью сокращать высказывания, заменяя явные предикаты с разветвленной структурой актантов и сирконстантов на скрытые предикаты, выраженные неизосемической лексикой.

Неизосемическая лексика меняет синтактику слова, обусловленную его частеречной принадлежностью: *Учитель постоянно проверяет тетради – Проверка тетрадией надоедает; Закат необычайно красив – Красота заката потрясает* и т. п. Иногда от одного и того же слова, в первую очередь глагола, образуется несколько неизосемических лексем (*бесцельное хождение по комнате, ход поршня, спортивная ходьба, после первой ходки*). Иногда процессуальность свойственна альтернативным дериватам: *глажение – глажка (белья), собрание – сбор (образцов)*, но чаще они расходятся в значениях, причем процессуальность больше свойственна именно моделям с церковнославянскими суффиксами.

Особенно активны неизосемики в официально-деловой, научной и публицистической речи (*Массовые столкновения с полицией начались на юге Брюсселя после сообщения о якобы проведении музыкального фестиваля во время действия жесткого карантина*). В художественной речи неизосемики за счет скрытой предикативности делают текст более емким («*За глиняной стенкой, в тревожном сне, слышу я тяжелую поступь и треск колючего сушняка...*»). В официально-деловой – наоборот: отглагольные существительные либо образуют трудно воспринимаемые цепочки родительных падежей, либо сопровождаются неполнозначными глаголами (*В регионе внедрена система по управлению лекарственным обеспечением, создана автоматизированная система по приему и обработке вызовов скорой и неотложной медицинской помощи*).

Когда и почему в истории русского языка произошла экспансия полипредикативных конструкций, основанных на отглагольных существительных?

В новгородских грамотах полипредикативные конструкции чаще всего включали в состав личную форму глагола или предикатив, реже – причастие (деепричастие), а в роли скреп до XIII в. обычно выступал союз *а* (*али чимо есемо виновата а восоли отроко 644, а ци цето ти товара надобе, а то восолу 624* – Зализняк 1995: 244, 173), позже – *и*, в конструкциях с причастиями – *же*. При таких конструкциях скрепы семантически не дифференцированы, но указывают на смысловую соотнесенность предикативных конструкций. В дальнейшем все большую роль стала играть дифференциация союзов. Иными словами, магистральный путь развития полипредикативных конструкций в письменной речи – это сложные, нередко многосоюзные предложения (в разговорной речи много случаев бессоюзной полипредикативности, и более чем вероятно, что она существовала там и в древности).

При этом отглагольных имен действия с обсуждаемыми суффиксами в берестяных грамотах практически нет: на 89 страницах словоуказателя к Зализняк 1995, кроме

частотной лексемы *покланяние*, дважды встретившегося *челом бития* и *благословения* (все – в этикетном приветствии), по одному разу встретились *чтение*, *целование*, *погребание*, *повеление*, *веданье* и *клепанье* в значении «кованые изделия». Отглагольные имена, образованные другими способами (*бои* «побои», *гадка* «предположение», *доведка* «дознание», *извет* «заявление о правонарушении», *изрост* «проценты», *купля*, *лов*, *недобор*, *остать* «остаток», *перевара* «натуральная пошлина с пива или мёда», *ловец*, *борец* «сборщик пошлины» и проч.), активны, но лексикализируются и постепенно утрачивают процессуальность, хотя отсылка к ситуации сохраняется (*бог даст лов* 481, *в Шуе ни лодки, ни лова* 131, *у насо коупля есте беле* «у нас есть спрос на беличьи шкурки» – Зализняк 1995: 408, 524, 422).

Аналогичная картина и в новгородских пергаменных грамотах XV в. А вот в «Распросных речах бобыля Первушки Харитоновна и суздальских посадских людей» (1626) отглагольные имена представлены шире, и наряду с ожидаемыми моделями (представлены словами *роспрос*, *припись*, *покупка*, *пытка*, *переставка*, *порча*, *пропажа*, *ворожба*) встречаются церковнославянские: *воровство*, *рукодел(и)е*, *матерное* (т.е. перенятое от матери) *учение*, *сонное привидение* (толкование сновидений), «*а шептания никакова не умеет и кореня не знает и никово не порчивал*». Появляются церковнославянизмы и в челобитных: таможенный голова Олферка Данилов сын Третьяков пишет государю Михаилу Федоровичу, что «*Прокофеи не радет о таможенном зборе а тот гсдрь Раман пьет тако ж ни в чем раденя нет*» (1624). Таким образом, в деловых документах XVII в. «девербативная предикативность» уже стала реальностью.

Конечно, поведение девербативов требует более тщательного исторического исследования, но уже сейчас можно предположить, что экспансия церковнославянских суффиксов началась не позже первой четверти XVII в. Но вот когда и почему эта экспансия привела к той странной манере использования отглагольных существительных, которую мы наблюдаем в современной «канцелярской прозе», остается загадкой, требующей дознания, или, как говорили древние новгородцы, *доведки*.

Евграфова Светлана Маратовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
(РГГУ; РАНХиГС)

А. В. Егорова (Москва)

Ойкодомонимы: пути естественной номинации

Бум многоэтажного жилищного строительства, с конца прошлого века охвативший крупные российские города и не прекращающийся до сих пор, породил множество забавных наименований жилых комплексов («Одинбург», «Влюблино», «Счастье» в Тушино и т.д.), эти названия сразу же привлекли к себе внимание специалистов, занимающихся ономастикой, в частности современными урбанонимами. Являясь коммерческими неймами, такие ойкодомонимы образованы в результате осознанного и целенаправленного номинативного акта, т.е. искусственной номинации. Хотелось бы сразу подчеркнуть, что, на наш взгляд, термин «ойкодомоним» никак нельзя назвать удачным, поскольку легшее в его основу греческое слово *οικοδομική* означает не строение, а стройку как процесс возведения любого сооружения. Дело в том, что к моменту возникновения необходимости ввести в научный оборот термин, обозначающий собственное имя дома/здания, более верный термин «ойконим» оказался уже занят, под

ним в ономастике понимается любой населенный пункт, поэтому в настоящее время нам приходится довольствоваться ойкодомонимом.

Насколько нам известно, в поле зрения лингвистов пока редко попадают неофициальные собственные имена домов – прозвища, приобретенные ими в ходе естественной номинации, под которой понимается процесс стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы. Любой городской житель легко приведет примеры такого рода онимов: москвич назовет, например, дом Пашкова, а петербуржец – дом Зингера.

В данной работе, ограничившись рассмотрением устойчивых словосочетаний, включающих слово *дом* (часто в широком смысле ‘здание, строение’), на примере известных московских зданий мы попытались выявить пути естественной номинации, в результате которой архитектурный объект получает собственное имя-прозвище. Номинация может происходить по имени владельца (*дом Пашкова, дом купца Игумнова*); по имени архитектора, являвшегося одновременно владельцем (*дом Нирнзее, дом Мельникова*); по названию организации-заказчика (*дом страхового общества «Россия», дом Наркомфина*); по местоположению: *Дом на набережной* (к сожалению, в настоящее время большинством москвичей не прочитывается прецедентное имя, ставшее основой для трансонимизации, – название романа Юрия Трифонова «Дом на набережной»). Наиболее продуктивным способом номинации является именование по особенностям архитектурно-планировочных решений и объемно-пространственной композиции. Этот способ может подразделяться на несколько подтипов, при этом именование, как правило, происходит путем метафорического или метонимического переноса: по форме (*Дом-ларец, Дом-паровоз, Дом-яйцо, Дом-пингвин*); по особенностям декора фасада (*Ажурный дом*); по отдельным характерным декоративным деталям (*Дом со львами, Дом с рюмкой*); по особенностям конструктивных решений (*Дом на ножках, или Дом-сороконожка*); по стилевым решениям (*Помпейский дом, Римский дом*).

Далеко не всякие дом или здание удостоиваются чести получить прозвище, для обретения собственного имени архитектурный объект должен выделяться среди себе подобных, обладать ярко выраженной индивидуальностью. Именно в названиях-прозвищах проявляется истинная лингвокреативность горожан, выражаются их вкусы и предпочтения, дается оценка всему архитектурному образу.

Егорова Анастасия Владиславовна
кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка
Московского архитектурного института «МАРХИ»

А. Г. Едовин (Архангельск)

Центр и периферия культурного пространства Двинской земли в эпоху средневековья (IX-XIII вв.) Археологический аспект

Двинская земля или «Двина» русских летописей XIV-XV веков складывалась как административная единица в пределах Новгородской земли в более раннюю эпоху на территории бассейна Северной Двины и Южного Беломорья. Для того, чтобы понять развитие поселенческих структур и выяснить средневековые центры и периферию, необходимо привлечение археологических источников. Данные археологии показывают, что для обозначенного периода существовало два региона, наиболее насыщенных поселениями и сопровождающими их могильниками – нижнее течение Северной Двины с прилегающими участками притоков Пинеги и Ваги и правый приток Вычегды – река

Вымь. Первый из этих регионов рано попал в орбиту Новгородского освоения и стал ядром волости, называемой Заволочьем. Здесь сформировалось русскоязычное население. Вымские поселения стали ядром формирования народности коми (зырян).

Огромные северные просторы предопределили существование больших по территории периферийных участков, обусловленных промысловым типом хозяйства, которое вело средневековое население. Более того, сама эта периферия была неоднородна на всей территории. В частности, ее можно разделить территориально на собственно периферию и контактную зону взаимодействия с периферией другой культурной традиции. Для Северной Двины это выглядело следующим образом – массив плотного населения Нижнего Подвинья при продвижении вверх по реке становился все менее обитаем. В районе устья Вычегды находилась контактная зона, где разреженные археологические объекты имели маргинальный инвентарь, присущий как населению Северного Подвинья, так и вымским могильникам и поселениям предков коми. То же самое можно сказать и о периферии вымской культуры, которая под названием «нижневычегодский вариант» располагалась ниже устья Выми.

Археологически это с точки зрения анализа инвентаря выглядит следующим образом. В центре мы видим бытование всего многообразия форм материальной культуры, причем доля драгоценных металлов (серебряные гривны, височные кольца, перстни, браслеты и пр.) и монетных кладов (например, Архангельский клад) здесь наиболее высока. Периферия неизмеримо беднее по разнообразию форм, но те, которые встречены, не оставляют сомнения в культурной принадлежности памятников. Здесь мы встречаем поселения с бедным культурным слоем, бронзовые и железные изделия. Присутствующие здесь клады объясняются торговыми взаимосвязями регионов. Контактные зоны характеризуются смешением элементов материальной культуры. Например, в устье Вычегды и ее окрестностях найдены типичные как для Нижнего Подвинья, так и для вымской археологической культуры конусовидные пронизки, бронзовые литые звенья цепочек, плоские непрорезные птицевидные подвески и ряд других украшений.

Находки сельскохозяйственных орудий в материалах селища Байка на Нижней Вычегде, относящиеся к кругу славянских изделий XIII века, характеризуют начало нового периода. С этого времени указанная территория включается в зону хозяйственного освоения Устюжского княжества и становится периферией уже другого центра, находящегося на слиянии Сухоны и Юга.

Едовин Алексей Геннадьевич
к. ист. н., ГБУК Архангельской области
«Архангельский краеведческий музей», ученый секретарь

В.А. Ефремов (Санкт-Петербург)

Тело и телесность: блокадные тексты Л. Я. Гинзбург

Языковая репрезентация «человека телесного» составляет одну из особенностей идиостиля дневниковых и мемуарных текстов Л. Я. Гинзбург. Доклад посвящен многовекторному анализу вербализации телесности в цикле «Четыре повествования»: эти гетерожанровые эго-тексты позволяют эксплицировать особенности телесного восприятия и воплощения в военное время, а также трансформации телесности блокадного человека.

Военный нарратив помещается в повествование о жизни частной, подробно описанной через телесные ощущения людей, травмированных не только войной, но и голодом, холодом, болезнями, – людей, потерявших связь с собственным телом. Более

того, телесный опыт блокадного человека описывается практически как телесный опыт умирающего человека.

К наиболее ярким элементам идиостиля Л. Я. Гинзбург, связанным с вербализацией телесности, следует отнести широкую метафоризацию соматизмов, подробное описание переживаний травмированного тела, материально-образное переосмысление эмоционального состояния («физиологизация эмоций»), неординарные семантические трансформации ключевой лексики *тело*.

Ефремов Валерий Анатольевич
д. фил. наук, профессор кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена

Анна А. Зализняк

Вводное *кажется* в нарративе

Слово *кажется* обозначает ментальную установку говорящего относительно вводимой пропозиции: это может быть неточное знание или воспоминание (*Кажется, мы где-то встречались*) или вероятное предположение, сделанное на основании интерпретации нечетких перцептивных данных (*Кажется, я заболела*; *Кажется, кто-то стучит в дверь*), ср. [Булыгина, Шмелев 1997: 299]. Вводное *кажется* употребляется в прямой речи, ср.:

(1) — Там есть пивной ларёк, — сказал Шлиппенбах, — даже, *кажется*, не один. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

(2) Он серьёзно спросил: «Печорин и Грушницкий? Это, *кажется*, из Тургенева?» [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]

(3) «Очень уж ты одинок, — сказала она и после паузы добавила: — Эта тихоня, *кажется*, подбирается к моему мужу, если уже не подобралась». [Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980-1990)]

Вводное *кажется* может появляться также в перволичном нарративе, где в роли говорящего выступает внутритекстовый повествователь, ср.:

(4) У меня была няня Луиза Генриховна. Как немке, ей грозил арест. Луиза Генриховна пряталась у нас. То есть попросту с нами жила. И заодно осуществляла мое воспитание. *Кажется*, мы ей совершенно не платили. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

В отличие от глагола пропозициональной установки, допускающего субъект во всех трех лицах, а также употребление в прош. времени (ср. *мне/тебе/ему кажется/казалось/показалось, что...*) вводное *кажется* является «первичным», или «жестким», эгоцентриком (по [Падучева 2018]), т.е. выражаемая им установка принадлежит говорящему и не может передаваться другому лицу (в нарративе – персонажу). (Заметим, что вводное *казалось* обладает другими свойствами; форма прош. времени сов. вида *показалось* вводного употребления вообще не имеет.)

В третьеличном нарративе, где повествователь не присутствует в мире текста (является «экзегетическим» по [Падучева 2018] или «недиегетическим» по [Шмид 2000]), вводное *кажется* может появляться в двух случаях. А именно, оно возможно в рамках повествовательной формы свободного косвенного дискурса, т.е. при описании событий с «внутренней точки зрения» (по Б.А.Успенскому) некоторого персонажа; так в примере (5) субъектом вводного *кажется* является Бах, в (6) – буфетчик.

(5) Придерживая полы великоватого все же полушубка, чтобы ненароком не шорхнуть о стену или не задеть стул, и стараясь не глядеть на кровать, где спали Клара с младенцем, Бах вошел в спальню. Сквозь закрытые ставни сочился слабый утренний свет. Дыхания Клары слышно не было, только попискивание младенца раздавалось в полутьме – *кажется*, дите проснулось. (Гузель Яхина. Дети мои).

(6) Помещеньице было старинное, но очень, очень уютное. Запомнилось буфетчику, что первой попалась ему на глаза старенькая нянька, которая хотела взять у него шляпу, но так как шляпы у него не оказалось, то нянька, жуя пустым ртом, куда-то ушла. Вместо неё оказалась у зеркала и, *кажется*, под какой-то аркой, женщина средних лет и тут же сказала, что можно записаться только на девятнадцатое, не раньше. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

С другой стороны, вводное *кажется* может появляться в комментариях от лица экзегетического повествователя, ср.:

(7) Дом назывался "домом Грибоедова" на том основании, что будто бы некогда им владела тётка писателя — Александра Сергеевича Грибоедова. Ну владела или не владела — мы того не знаем. Помнится даже, что, *кажется*, никакой тётки-домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так называли. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

За пределами этих двух случаев появление вводного *кажется* в третьеличном нарративе как будто невозможно. Так, аномальным (по крайней мере, с точки зрения современной нормы), является употребление *кажется* в начальном фрагменте романа Достоевского «Идиот», в котором дается интродукция главных героев глазами фиктивного наблюдателя, условно присутствующего в мире текста:

(8) <...> Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. <...> В руках его болтался тощий узелок из старого, полинялого фуляра, заключавший, *кажется*, всё его дорожное достояние.

В докладе будут проанализированы некоторые примеры употребления вводного *кажется* в нарративе, нарушающие сформулированный выше принцип.

Литература

Булгыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М., 2018.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Зализняк Анна Андреевна
доктор филол. наук, г.н.с. Института языкознания РАН

П. Ю. Зарайченко (Сольвычегодск)

Динамика градостроительства Сольвычегодска на планах города 2 пол.XVIII– нач. XX вв.

Сольвычегодск – скромный по своим габаритам и численности населения город на юго-востоке Архангельской области, на правом берегу реки Вычегды, недалеко от её

впадения в Северную Двину. Является историческим поселением федерального значения, а с 2020 г. входит в число «Самых красивых деревень и городков России». История города, впервые упомянутого в летописи под 1492 г., неразрывно связана с династией Строгановых, предприимчивость и деятельность которых сделала его одним из крупнейших поставщиков соли в стране в XVI-XVII вв. Тогда в Соли-Вычегодской ежегодно производилось до 500-600 тысяч пудов поваренной соли, а в отдельные годы и более того. Благодаря присоединению Сибирского ханства на здешнюю торговую площадь хлынули потоки мягкой рухляди (ценных шкур битого лесного зверя) из-за Уральского хребта, что придало городу ещё и значение крупного торгового центра. В этот же период здесь строится множество деревянных православных храмов, три кирпичных (кстати доживших до наших дней), мужской Введенский и женский Сретенский монастыри. Датировка основания древнейшего Борисоглебского монастыря нуждается в уточнении, однако, по косвенным данным, его основание относят ещё к концу XV в.

Сегодня можно лишь догадываться, как жилые, административные постройки и храмы соседствовали с крупными производственными комплексами – солеварнями, кузницами и пр., поскольку к концу XVII в. промышленность была свёрнута из-за выработки соляных источников, следом торговый путь в Сибирь переместился к югу, а ранние сохранившиеся и обнаруженные планы города датируются 2 пол. XVIII в., когда город уже потерял своё былое значение, хотя и оставался центром Сольвычегодского уезда.

В истории Российского картографирования XVIII век отмечен целым рядом важных событий: созданием Семёном Ульяновичем Ремезовым Атласа Сибири (1701), Иваном Кирилловичем Кириловым Атласа Всероссийской империи (1726-1737), начальным этапом государственного Генерального межевания (1765 – кон. XIX в.), хотя разработка методики межевания началась ещё при Петре I. В результате градостроительной реформы Екатерины II столичные, губернские и уездные города приобрели генеральные планы для дальнейшей регулярной застройки и последовательной смены деревянных зданий кирпичными, чтобы снизить вероятность возникновения пожаров и последствий от них. Трудно переоценить значение этих планов для понимания исторических ландшафтов городской среды.

Картографические источники обладают большим потенциалом в исследованиях историков, антропологов, социологов, архитекторов-градостроителей и др., поскольку отражают то, как природная среда с определёнными ландшафтными, ресурсными и иными характеристиками планировалась и осваивалась различными по численности социальными группами, состав которых также наделён своими характеристиками.

Планы Сольвычегодска за 1767, 1784, 1789, 1819, 1872, 1911 гг. зафиксировали характерные черты городской застройки с системой архитектурных доминант, изменения планировки города. Это связано с разработкой плана регулярной застройки, а также с пожарами. В Сольвычегодске можно выделить пожары 1770 и 1819 гг., последствия которых были отражены на исторических планах.

Зарайченко Павел Юрьевич
научный сотрудник, ГБУК АО «Сольвычегодский историко-художественный музей»

Т.С.Зевахина(Москва)

«Все вокруг живое, даже снег»: роман «Асистолия» и дневники Олега Павлова

В «Дневнике 1998–2008 годов» Олег Павлов пишет: «Я начинал писать дневник много раз и уничтожал его, так как мне казалось, что становлюсь не искренним». Но все же он возвращается к написанию дневника, поскольку он «нужен как исповедь ... от него заводится и крепнет тот сокровенный мир, который многое о себе дает понять и очень многое ... в себе хорошего утвердить» [1, с.565].

В посмертном издании писателя 2020 г. «Отчет времени обратный» (Составители В.О. Отрошенко, Л.В. Павлова) помещены «Ашукинский дневник. 1995 год», «Дневник 1996-2008 годов» и «Дневник 2018-2014 [отчет времени обратный]». Они вместе составляют 112 страниц текста. Внутри каждого дневника отдельные записи отделяться пропущенной строкой, дат не имеется.

Роман «Асистолия» был опубликован Олегом Павловым в 2009 году в журнале «Знамя», а в 2010 вышел отдельной книгой, и, по мнению автора, не был оценен читателями и критиками [1]. Это был тринадцатый по счету роман Павлова. В «Дневнике» за 2018–2014 гг. он пишет: «Вся моя ”Асистолия” – это один монолог о моральном садизме. Но кто понял? Услышал? Ну да... Только жертвы этого садизма могли понять» [2, с.662].

И, действительно, колорит романа крайне мрачный. Главный герой, которому автор не дает имени собственного, – человек неуравновешенный, переживающий смерть отца в своем раннем детстве; он находится в состоянии, можно сказать, «предасистолии», когда человеку грозит остановка деятельности сердца, чувствует страх смерти, погружается в болезненное одиночество, которое испытывает в кругу даже самых близких людей – матери, жены. В таком состоянии не надо «держаться удар», можно пользоваться свободой для созерцания и размышления. Герой оценивает друзей-художников, свое творчество и творчество вообще, предается детским воспоминаниям и воспоминаниям о своем мастере, дает нелюбимые самооценки.

Пронзительно звучат строки дневника последнего года жизни писателя: «умершие сюжеты, замыслы – сколько их? Могилы творчества. Раздать бы все свои сюжеты – с надеждой, что вдохновят кого-то и кто-то все же даст им жизнь» [2, с.662].

В докладе делается попытка показать, как, тем не менее, в «Асистолии» находят отражение светлые стороны жизни и внутреннего мира главного героя, и здесь автор добивается гармонии повествования, вызывая у читателя впечатление музыкальности стиля. Жесткий и циничный герой может заплакать от умиления и радости, обрести на миг детскую веру.

Интересны наблюдения автора над тем, как растет ребенок: «... в первый год ребенка ни во что невозможно вмешаться. Делает это кто-то другой, так это ясно. Вот скоро начнет ходить – как быстро, но ещё не сказал слово первое – как медленно» [2]. Пишет о своей внучке: «Радость, побеждающая страх смерти, – вот самое сильное человеческое чувство. Есть у меня такая радость – Алевтинка» [2, с.660]. Или вот такой фрагмент дневника: «Умер наш котейка Виля, православный русский кот. Смирный был такой, что даже всякую тварь, на которую обычная кошка бросится и загрызет, он-то заботливо вылизывал, согревал, обласкивал... В лечебнице за два дня до этого записали его как Вилю Павлова – так, оказалось, полагается. Плакал я сегодня впервые за много лет» [3, с. 599]. И, наконец, он пишет, что все мы должны почувствовать «утаенную в каждом из нас любовь».

Перифразируя слова главного героя романа, можно сказать, что проза О.О. Павлова трагична, потому что в ней нет никакой игры, т.е. она вовсе не обращается к читателю, «ведь для искусства игра то с массами, то со снобами стала чуть ли не единственным способом привлечь к себе интерес».

1. Павлов О.О. Отчет времени обратный: посмертное издание / Олег Олегович Павлов / Составители В.О. Отрошенко, Л.В. Павлова. М.: Время, 2020. – 672 с. – (Проза Олега Павлова).
2. Павлов О.О. Асистолия. М.: Время, 2010. – 384 с.

Зевахина Татьяна Сергеевна
к. филол. н., старший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;

Д. В. Зуев (Москва)

Альбом газетных и журнальных вырезок М.А. Булгакова как автобиографический текст

Булгаковские альбомы газетных и журнальных вырезок хорошо знакомы всем специалистам. Это богатейший источник документов для биографии писателя, изучения круга его чтения, истории постановки пьес и критической истории произведений. Однако убедительного ответа на вопрос, для чего эти альбомы были нужны самому Булгакову и какова их функция в творческой лаборатории писателя, до настоящего момента предложено не было.

С уверенностью можно говорить о том, что из всех альбомов Булгаков имел непосредственное отношение только к двум театральным по «Дням Турбиных» (хранятся в ИРЛИ) и большому альбому вырезок из ОР РГБ (562-27-2). Остальные составляла его жена Елена Сергеевна Булгакова, по опробованной писателем модели и, очевидно, уже после его смерти. В архивных описях альбомы датируются условно – по датам конкретных документов, входящих в их состав (они указаны либо в самих вырезках, либо надписаны Булгаковым сверху). Но очевидно, что датировка альбомов не совпадает с датировкой документов. А момент, когда писатель принял решение их вести, имеет особое значение. Так, начало работы над альбомами по «Дням Турбиным» – очевидно, август 1927 г.

Особый интерес в этом контексте представляет альбом, хранящийся в РГБ. Он не ограничивается материалами об одном произведении, а охватывает более продолжительный период жизни писателя, начиная с первой опубликованной статьи («Грядущие перспективы») до ноября 1934 г. Особенности его компоновки и типологическая связь с театральными альбомами дает основание предположить, что создавался он не синхронно, а задним числом. Опробовав метод на театральных альбомах связанных с «Днями Турбиных», Булгаков решил распространить его на всю свою писательскую жизнь, создав своеобразную монтажную творческую автобиографию.

7 мая 1926 г. у Булгакова был обыск, в ходе которого у него забрали дневник, после чего писатель решил больше никогда его не вести. В 1930-е годы по его просьбе это делала жена Елена Сергеевна. Журнал вырезок вполне мог восприниматься Булгаковым как функциональная замена дневнику или близкому автобиографическому жанру, относительно безопасная, поскольку автор пользуется готовыми материалами. Альбом, таким образом, может быть прочитан как единый текст, созданный из чужих высказываний.

В докладе речь пойдет о большом альбоме газетных и журнальных вырезок М.А. Булгакова, хранящемся в РГБ. Будет предпринята попытка установить хронологические рамки работы над альбомом, объяснить, почему она прерывается в ноябре 1934 г., охарактеризовать использованные в ней приемы компоновки (монтажа) материалов, реконструировать образ автора, который пытается создать Булгаков, и определить функцию альбомов вырезок среди других автобиографических текстов писателя.

М. Ю. Игнатъева (Барселона)

На полях статьи о повести Д.С. Мережковского «Св. Иоанн Креста»

Несмотря на то, что в примечаниях к «Св. Иоанна Креста» Мережковского появляется около четырех десятков различных источников, анализируя их, я пришла к выводу, что писатель пользовался, помимо французских переводов сочинений испанского мистика, главным образом биографией о Брюно «Святой Иоанн Креста» и исследованием философа Жана Барюзи «Святой Иоанн Креста и проблема мистического опыта».

Однако, исследователя не устаёт удивлять несоответствие утверждений Мережковского цитируемым фрагментам. Отмечу, что неточности и оговорки Мережковского идут не от непонимания источников: французским он владел безупречно. Основным источником «Жизни святого Иоанна Креста» стало то, что сам писатель в примечаниях называет «Апокрифом»: «Для того, чтобы составить себе какое-нибудь, хотя бы только смутное понятие о жизни св. Иоанна Креста необходимо соединить уцелевшие в исторических свидетельствах отдельные точки этой жизни воображаемыми линиями, которые могут быть названы “Апокрифами”». Примером такого апокрифа может стать вымышленная фигура Матеротца или идея Богосупружества.

Вот каковы основные способы обращения Мережковского с фактами биографии и текстами Иоанна Креста:

1) Собрание событий в ракурсе единой метафоры. Так, с образом колодца (в детстве мальчик Хуан — будущий Иоанн — упал в колодец и был чудесным образом спасен от гибели) связываются побег из тюрьмы, когда Иоанн повис на веревке в шаге от пропасти, и учение о пустоте «Ночи Духа».

2) Ассоциация идей, свойственных другим его персонажам, например, Лютеру, с учением Иоанна Креста: «Ужас человека в Ночи Духа, и может быть, и самого Иоанна Креста — ужас Лютера: “Бог хранит для нас великие искушения, в которых мы уже не знаем, не диавол ли Бог и не Бог ли Диавол” (Лютер, 31).

3) Деконтекстуализация. Цитата (иногда неточная) помещается в иной контекст.

4) Арифметизация: три кармелита, три церкви (Петра, Иоанна и Павла), шесть бездн и т.д.

5) Гиперболизация. Мережковский время от времени «повышает голос»: то прибегает к прописным буквам, то использует громкие определения. Например, во фразе: «великое открытие ИК — вечное взаимодействие Ничего и Всего» [с. 131], ложным будет не столько смысл (хотя и он не верен), сколько слово великое.

Протягивая воображаемые линии, Мережковский делает из Иоанна некоего экстатического безумца на краю бездны. Писатель примеряет маску поэта-мистика затем, чтобы самому стать таким поэтом-мистиком — и чтобы сразу обнаружить в себе отсутствие настоящего мистического опыта. Тогда он начинает внушать персонажу свои идеи. Экстаз перестает быть темой и становится принципом описания.

Я рассмотрела то, как это происходило, чтобы помочь возможному будущему критическому изданию этого текста, а также читателям этой художественной биографии Иоанна Креста. В окончательный вариант статьи не могли войти те несколько эпизодов, которые сами собой сложились в параллельный сюжет. Назову его «кармелитским».

Во-первых, весьма интересной оказалась фигура о. Брюно, автора биографии, на которую опирался Мережковский. Брюно (светское имя Жак Фруассарт) с 1935 по 1937-й год организовал несколько международных конгрессов по религиозной психологии. Отзвуки последнего, центром которого было учение Иоанна Креста, могли привлечь внимание Мережковского к знаменитому кармелиту. Брюно пережил духовный переворот после знакомства с «Историей одной души» Терезы из Лизье (это героиня третьей кармелитской повести Мережковского), «Мыслей» Паскаля и Евангелия. В Рождество 1916 года он прочитал Иоанна Креста, а в июле вступил в орден босоногих кармелитов. В 1929 году он издал биографию Иоанна Креста с предисловием философа Жана Маритена.

В выписанной мною книге Брюно оказалась листовка: в 1954 году сбор средств на издание на русском языке «Истории одной души» Терезы из Лизье, Мережковские лично почитали эту католическую святую.

Но первые шаги кармелитов в Россию были сделаны в Смутное время, когда они волей истории стали «единственными европейцами в статусе дипломатов, оказавшимися в самом эпицентре русской Смуты» (И.В. Магилина. Посольство монахов-кармелитов в России). Любопытно, что в 1625 году персидский шах Аббас I, по дороге к которому кармелиты застряли в России, подарил русским царю и патриарху ризу Господню, в честь которого на Донской улице в Москве был построен храм, чьей прихожанкой я являюсь.

Игнатъева Мария Юльевна
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Гос. Школы языков (Барселона-Драссанес)

Ю. Н. Ильина (Сыктывкар)

Средства выражения языковой личности автора в текстах дневника^[10]

Особый интерес в XIX – XX вв. к жанру дневника проявили как профессиональные, так и непрофессиональные, широко известные и малоизвестные авторы. В центре нашего внимания находится дневник, написанный в середине XX в. Его автор – Федор Павлович Бабилов (1933 – 2000), родившийся и проживший почти всю жизнь в деревне Ильинке Усть-Цилемского района Республики Коми. Ф.П. Бабилов проявляет себя в дневниковых записях в двух основных ипостасях: потомственного охотника, с одной стороны, и начинающего автора наивных поэтических текстов, с другой (ср. *Ходя в лесу и ~~еще~~ находясь подолгу один, у меня выродилась дурная привычка читать книги и я без них не смог жить. Я и сам не знал что эта читка может принести для меня плоды. После немногих (трех-четырех) лет читки у меня выработался свой талант писать. И писать не что иное, а стихи*^[11] (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1088-1089)). В тексте дневника проекции двух главных ипостасей личности автора воплощаются разными способами.

Охота и литература становятся моделями, по которым автор описывает в дневнике домашнюю, повседневную жизнь, отношения с родными, друзьями и односельчанами. Например, письмо от друга, полученное, но еще не прочитанное Ф.П. Бабилов сравнивает с дорогим зверем, которого уже видишь, но в которого еще не успел выстрелить, чтобы получить в свои руки: *И вот сегодня ночью разбудилась жена и говорит, что, мол, есть мне письмо от Васи. Меня сразу так поперхнуло, вроде я невзначай увидел в лесу дорогого зверя и еще не успел снять винтовку, чтоб добыть его* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1355). Или, например, повествование об одном из событий своей жизни автор дневника пытается определить как текст того или другого жанра литературы: *Продолжаю свою запись про эту повесть или как ей назвать; очерком не назовешь; романом тоже нет; вобщем назовем «длинный эпизод»* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1008).

Как «наивный» поэт, работающий со словом в том числе на письме, Ф.П. Бабилов проявляет себя в том, как он использует разные графические средства для передачи своего отношения к описываемому. Так, автор дневника использует кавычки в том случае, если употребляет слово в особом, как правило, ироничном значении: когда, например, ошибается в лесу в определении животного по следам или особенностям поведения. Ср. *Я подумал и успокоился, что это без сомненья дось. Но «дось» чтото в рассохе не остался, а завернул на север, потом на восток, после на запад, прошел мимо вышки и я увидел что он копал снег и ел мох* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1293) или *У Фетькова ручья у меня были ставлены четыре петли на случай, если пойдут волки, но попал такой «волк» что я сам его не рад. Леший занес в петлю оленя-самца-теленка* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1299).

Еще одной графической особенностью дневников Ф.П. Бабилова являются нередкие случаи использования им вместо кириллического письма латиницы. Графически «латинизируются» в дневнике разные слова и выражения, и, главным образом, такие, которые автор понимает как тайные, предназначенные не для всех. К таким словам относится в том числе и слово *поэзия*, увлечение которой родные Ф.П. Бабилова не разделяют: ср. *У меня дороги основные две: одна – охота, другая Poesiä* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1283). Латиницей записываются также номинации промыслового зверя – *лося и оленя: С утра и весь день пал снег. Ходить бродно. У крестов в новолоке видел losja, ружье дало два раза обсечку и ничего не вышло* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1012) или *И пришел за тем, что otez strelil olenej I ne mog sastrelit I ja prischol ich iskat. Bulo ich vsego zeture schtuki. Sawtra ja I pojdu* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1634). В такой форме записи, вероятно, можно усмотреть отголоски запрета на прямое называние лесных зверей, характерного для составляющей традиционной культуры, связанной с охотничьим промыслом.

Проявлением ипостасей личности автора в текстах дневника является также его отношение, сознательное или неосознанное, к некоторым группам слов. С одной стороны, Ф.П. Бабилов, много читающий (художественные произведения, газету «Литература и жизнь», журнал «Нева» и «охотничьи журналы») и сам создающий поэтические тексты, предпринимает попытку составить словарь непонятных слов, среди которых есть, например, слова *эпилепсия* и *штрейкбрехер* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1234). Как представитель литературы, автор дневника в некоторых случаях отдает предпочтение в письменном тексте лексеме литературного языка, сознательно отказываясь от слова диалектного: *Я взял ее у Котьки Нос и отправился на ~~на вершней~~ верхом* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1053).

С другой стороны, описывая свои будни, охотник свободно оперирует диалектными словами, привычными для данной местности и унаследованными им от его предков. Так он называет части рек (*вадега, рассоха*), места в лесу (*веретья, клоч*), ветер (*хиоз*), снег (*чир, пороха*), охотничьи тропы (*путик, ухожей*), ловушки (*очеп, кулемка*), рыболовные снасти (*сурпа, пуцальница*), животных и птиц (*маракуша, кукуша, жиган*), охотничью обувь (*тобоки, тюни*) и т.д. Описывая в том числе трудности писательской работы, Ф.П. Бабилов использует фразеологизм *лежать мертвым капиталом* ‘не использоваться, не находить применение’, атрибутируемый как диалектный: *...я писал уже и не мало рассказов и все пусто; они лежат пока мертвым капиталом никому пока ненужные* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1238). И в стихотворных строчках, связанных с описанием природы, автор использует диалектизмы: *Пусть не осудят меня потомки / что насулил я в дневнике / Тайга как крепкие постромки / Меня держит в своей руке* (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1304). Показателен фрагмент дневника, где автор, размышляя о своем возможном участии в конкурсе, сулящем поступление в Литературный институт имени А.М. Горького, в одном предложении употребляет как диалектное, так и заимствованное слово, тем самым обнаруживая в языке дневника обе свои ипостаси: *Мне*

даже *начинает уже декатся*, что я перед большим количеством лысых людей *дикламирую* свои стихи (ФА СГУ, ЭРФ 03-2017-1 № 1288).

Таким образом, реализация в дневнике проекций языковой личности автора определяет языковые особенности текста, который обусловлен социолингвистически, психолингвистически и дискурсивно.

Ильина Юлия Николаевна
кандидат филологических наук
доцент ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»
кафедра русской филологии, доцент

А. Б. Ипполитова (Москва)

Тайнопись в русских магических текстах: травники XVII-XIX вв. ^[12]

Как отмечает Д.М. Буланин, корпус средневековых тайнописных текстов не содержит ничего особенно «тайного»: это названия священных понятий и объектов, имена писцов и других лиц, указания на обстоятельства переписки рукописи, благочестивые изречения, инвокации, элементы, маркирующие структуру книги. Поэтому исследователь предлагает обратиться «к вопросу о функциях рассматриваемого явления в рамках славянской письменной культуры»^[13]. Еще ранее А.А. Архипов указал на важнейшую функцию тайнописи - выделение сакрально значимых сегментов текста, и предположил, что ее использование «заключало в себе определенную сакральную, иногда даже магическую силу»^[14].

В этой связи особый интерес представляет обращение к тайнописным текстам в низовой рукописной традиции XVII-XIX вв., в том ее изводе, который тесно связан с магией, - в частности, к травникам. Тайнопись здесь встречается, как правило, в статьях о волшебных, необычных растениях. Приемы шифрования в XVII-XVIII вв. довольно ожидаемые: в основном простая литорея и тайнопись по начальным буквам слов (как правило, не поддается дешифровке). Кодированию подвергались вполне определенные структурные элементы статей о растениях: описания функций растений (для чего и как они использовались), реже - заговоры и молитвы, помещенные внутри статьи травника.

Среди «сокрытых» функций растений в XVII-XVIII вв. наиболее частотна любовная магия; прочая магия представлена единичными примерами (на суд и власти, от удавления петлей, для мельника). Известно четыре тайнописных текста вербальной магии. Заговор на сбор растения *улик* (тайнопись по первым буквам слов) использовался для приворота; приведем тайнописный и обычный варианты:

«Как ты т: г: п: так п т к или м: к своей главу с в д: и р: с д ни от х: в: п д: д:».
(ГИАЭМЗ «Киж», КП-4281/1, л. 25, № 78).

«Как ты, трава, приклонила главу свою в землю, так бы приклонили оне ж меж себя главы свои всею душею и ретивым сердцем, думою и мыслию хотню век по веку до гробныя доски». (ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 705, л. 28 об., № 86).

В статье о *царь-траве* имеется приговор, который не удалось расшифровать, но он опять о любовной магии: «Аще ли схочешь спати со женою, сие слова говори: "Соколд янихает скидатися»» (РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 176. Л. 141 об.).

При сборе безымянного растения рекомендовалось читать молитву «Трисвятое», зашифрованную по первым буквам, при сборе травы *богородичной* – молитву Богородице^[15].

В XIX в. в криптографии травников появляются новации. Это новые для жанра приемы шифрования: использование латиницы, квадратный «лабиринт». Новые темы:

подшучивание над гостями (чтобы хозяйка всех выгнала вон); на удачу в торговле (дешифровка: «Хорошо ту траву носит в шапки, всяк тебя будет торговат. Продаш дорого, а купиш дешево»; РГБ. Муз. 4265, л. 31 об.); шифрование названий растений (трава *TREZWOST* помогала, чтобы человек не пил вина; фитоним *USKOP* явно отсылает к диал. *ускоп* – ‘импотенция’; РНБ. F.VI.16, л. 18).

Таким образом, обращение к тайнописи в травниках имело динамику во времени и было обусловлено различными причинами. Шифрованию могли быть подвергнуты следующие тексты:

- культурно табуированные, запретные по какой-либо причине (о любовной магии, о снискании благосклонности властей и судей);

- относящиеся к тайному знанию, закрытому для непосвященных (магия мельника; на удачу в торговле; заговоры - ср. в устной традиции запреты на произнесение заговоров вслух, передачу их другим лицам, чтобы не потеряли силу);

- представлявшие угрозу владельцу рукописи при ее попадании в чужие руки (например, текст заговора мог стать причиной доноса);

- тексты сакрального характера (молитвы).

В XIX в. шифруются также фитонимы (возможно, в подражание латинской ботанической номенклатуре для повышения ценности и значимости растения) и шутки.

Ипполитова Александра Борисовна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела фольклора ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Ю.В.Кагарлицкий (Москва)

(Не)постоянен/на в любви: Наблюдения над историей некоторых устойчивых речений

При изучении истории понятия *постоянство* возник маргинальный сюжет, который лег в основу настоящего сообщения. В «Луцидариусе» (XVI в.), в той его части, где разъясняется влияние планет на характеры родившихся под их знаком людей, читается: «...а которы(и) <человек> сухаго и горячего естества, то(и) есть дерзь и храбрь і имать любовь на всакія жены и непостояне(н) влюбви»^[16]; ср. в оригинале: *wer heißer and trockner Natur ist, der ist muthig und kuhn und hat gern viel Weiber und ist unstät in der Liebe*^[17]. Этот пассаж представляется интересным, помимо прочего, тем, что в нем впервые, насколько можно судить, употреблено выражение *непостоянен в любви*. Слова *(не)постоянный*, *(не)постоянно* и проч. являются на тот момент достаточно редкими книжными словами и употребляются, вплоть до XVI в., в переводных текстах, едва ли обращающихся к подобной тематике^[18]. В «Луцидариусе» точный перевод немецкого потребовал эквивалента оригинального *unstät*, и переводчик или воспользовался известным ему, довольно многозначным словом, или (что кажется маловероятным) сконструировал это слово самостоятельно.

Резонно задаться вопросом, не сыграл ли памятник, чрезвычайно популярный в XVII–XVIII вв., опосредующую роль в закреплении этого выражения в письменном и устном узусе. «Луцидариус» не только переписывался и читался широким кругом грамотных людей, но и содержал сведения астрологического характера, вызывавшие у читателей разных социальных страт живой интерес. Можно предположить, что этим обиходным выражением русский язык обязан «Луцидариусу», своду знаний о мире и человеке.

В настоящем докладе я рассматриваю эту возможность и прихожу к выводу, что история распространения устойчивого речения *(не)постоянен/на в любви* несколько сложнее. Прилагательное *(не)постоянный* и производные от него встречаются в значении 'неверный, переменчивый в своих любовных пристрастиях' или близком к нему, однако без поясняющего слова. Например, в «Повести о купце, заложившемся о добродетели жены своей» (XVII в.): «...жены, во младости и во всяком изобилии оставшиися, по своей воли живущия, зѣло друголюбны и не постоянны суть бывают»^[19]. Особенно много появляется таких эпитетов в переводной литературе XVIII в. (в «Верной Беландре», «Веселом Меландре» и т.п.). Аналогичное словоупотребление характерно и для лубочной литературы; в просмотренном насквозь пятитомном собрании Д. А. Ровинского встречаются подобные характеристики, но нигде нет поясняющего слова. Это касается и астрологических сочинений; так, в «Брюсовом календаре», опубликованном Ровинским, читается: «...будет празднлюбецъ вхотникъ гуля(т) скоро седѣть, непостоянень, движущійся кдобру или злу легко, куды хоцеть»^[20] — описание отчасти напоминает цитату из «Луцидариуса», но поясняющего «в любви» опять-таки нет.

Причина этого не так уж ничтожна; она состоит, по-видимому, в том, что *(не)постоянный*, *(не)постоянно*, *(не)постоянство* в этот период имеют широкое синкретическое значение и указывают на (не)подобающую, (не)добродетельную, (не)надежную натуру индивида в целом (потому и трудно сказать, насколько широко следует понимать это качество). Надежность человека как любовного партнера является лишь частью этого смыслового комплекса, который начинает распадаться только во второй половине XVIII в., когда и появляются *(не)постоянен/на в любви*, *в дружбе*^[21] и проч. Выражение же в «Луцидариусе» предвосхищает это привычное нам словоупотребление, но, скорее всего, не отражает тогдашнего узуса и в дальнейшем не влияет на языковые привычки ближайших поколений.

Кагарлицкий Юрий Валентинович
к. ф. н., старший научный сотрудник
Института русского языка им В.В. Виноградова РАН

А. Л. Касаткина (Москва)

«Стихи анакреонтические С.И.Г.» - отражение мифологизированного образа наставника в кружке московских масонов 1780-х годов.

Семён Иванович Гамалея (1743–1822), мастер стула в московской ложе Девкалиона, переводчик множества духовных сочинений, ближайший друг Н. И. Новикова — очень интересная личность и знаковая фигура для русского масонства. Существует устойчивая традиция считать Гамалею поэтом, однако стихотворение, приписывавшееся ему, всего одно — это «Стихи Анакреонтические С.И.Г.», опубликованные в масонском журнале за 1784 год. Это стихотворение Гамалею принадлежать не может. Против его авторства свидетельствует уже то, что он относился к поэзии в философско-религиозных жанрах более чем прохладно, по крайней мере, во второй половине жизни. Во-вторых, все произведения масонского журнала анонимны, включая речи-проповеди самого Гамалеи, так что инициалы не могут указывать на автора. В-третьих, из самого текста очевидно, что С. И. Г. — это не автор, а адресат этого стихотворного послания. Стихотворение делится на три части, из которых первая — это вступление, повествующее о лире и цветах (1–22), вторая — описание рождения и духовного пути «друга любезного», адресата стихотворения (23–52), и третья — описание отношений между адресатом и группой, от лица которой стихотворение написано (53–86), с дарственной формулой, посредством

которой это стихотворение преподносится адресату (65–68). Это произведение достаточно прозрачно для того, чтобы не быть воспринятым в качестве «лирической исповеди» автора. Текст, в котором идет речь о преподносимом подарке (собственно, самом тексте) и описывается рождение адресата, неизбежно наводит на мысль, что перед нами стихотворное поздравление с днем рождения.

Поскольку есть расхождения в определении даты рождения С. И. Гамалеи, то это стихотворение способно послужить к уточнению датировки.

«Стихи анакреонтические» показывают, что восторженное отношение, которое Семён Иванович Гамалея, «возлюбленный сердцами», вызывал в младших братьях по ордену (стихи 43–68), проявилось очень рано; уже за год существования логи оно было вполне сформировано. Этот восторженный взгляд, конечно, мифологизирует объект преклонения, и видно, что основой для мифологизации является выделение определенных черт в характере и поведении мастера. Эти черты сами по себе, очевидно, реальны, мифологизация состоит именно в их отборе и выстраивании в структуру узнаваемого, архетипического образа.

Касаткина Анна Леонидовна
преподаватель кафедры классической филологии
Института восточных культур и античности РГГУ
преподаватель кафедры всеобщей истории ШАГИ ИОН РАНХиГС

И. Б. Качинская (Москва)

Солдатский песенник Федора Николаевича Семушина 1904–1905 гг.

1. Во время диалектологической экспедиции в деревню Ямская Гора Шенкурского района Архангельской области в июле–августе 1997 года мы познакомились с солдатским песенником 1904–1905 гг. Документ принадлежал Юрию Федоровичу Давыдову, журналисту, писателю, фермеру (1938–1997). Юрий Федорович провел детство в Архангельской деревне, в 1975 г. закончил факультет журналистики МГУ и вернулся на Север. Последние годы жил в д. Ямская Гора, увлекшись идеей фермерства, а также собирал материалы по этнографии, фольклору, истории северного края, подолгу беседовал с односельчанами. Его архив (дневники, очерки, записи, рассказы, собранные им документы, в том числе и солдатский песенник) завещан одному из шестерых детей Давыдовых — Андрею Юрьевичу Давыдову.

Деревня Ямская Гора (ее официальное название, «по хозяйственным книгам», — Одинцовская) находится в 30 км. от г. Шенкурска, на р. Ледь, притоке Ваги; одна из частей этого достаточно разбросанного поселения стоит на левом берегу р. Ваги (деревни Верхнее и Нижнее Золотилово).

2. Песенник велся **Федором Николаевичем Семушиным**, есть приписка с указанием его «домашнего адреса»: *табель всехъ етихъ губере проежалъ етотъ стрелокъ 5и роты архангилскои губерны шенкурскаго уезда емскогорскаго волости*. Фамилия до сих пор существует в с. Ямская Гора и в ближайших деревнях, один из кустов соседней деревни даже называется *Семушино*.

3. Песенник создавался в 1904–1905 гг.: дата 1904 г. встречается трижды, дважды упоминается дата 1905 г., заканчивается документ Манифестом 17 октября 1905 г. Рукопись ветхая, дефектная, без первого и последнего листа, без обложки, с пропуском листов внутри. Почерк в начале тетради каллиграфический, четкий, к концу — более небрежный.

4. Автор последовательно нумеровал каждый записываемый им текст. Всего в документе 75 текстов, из них 6 неполные: 5 из-за отсутствия листов — и один не дописан автором. Все тексты имеют заглавия, иногда в качестве заглавия используется первая строка.

5. В жанровом отношении тексты достаточно разнообразны. В основе своей это фольклорные тексты, большая часть их связана с солдатским фольклором, 5 текстов связаны с событиями в Порт-Артуре, где, судя по всему, служил Ф.Н. Семушин; 8 текстов не относятся к фольклору: в том числе *Табель Губерень* и 7 текстов в конце документа, 6 из которых связаны с трагедией Порт-Артура; заключительный текст — Манифест 17 октября.

6. В презентации доклада будут показаны страницы рукописи Солдатского песенника; дана расшифровка некоторых текстов; рассмотрена графика документа, отражение в текстах памятника особенностей говора.

Начало содержания песенника:

№ п/п	№ в док.	заглавие	лист в док.	1-я строка
1	[1]	[Солдатское Отче наш]	1	некакъ неть ваше привосходиталство
2	2	Нашъ Фелфебель	2	просто булатъ а несалдать просто
3	3	Песня паша	4	паша Ангель непорочной неробчи
4	4	Песня Пленика	5	Неслышу шуму Городскаго не
5	6	Деревенски	5 об.	мужиц ^е къ жиль въ деревне
6	7	Писмо	6 об.	Писмено адъ замужной сестры что
7	8	Сметливои Салдать	7 об.	однажды въ немецкую кирку
8	9	Пяници песня	9 об.	въ сегда спохмея хочу занятца
9	10	раскаяние девицы	10	отець духовной спокаянемъ
10	11	Песня казака	13	кончиль кончиль далной путьЪ
11	[14]	[Воздушный корабль]	14	пустыньи и мрачныи грозной

Качинская Ирина Борисовна
к.ф.н., м.н.с. каф. Русского языка Филологического ф-та МГУ

С. А. Кожина (Москва)

Из девицы в лисицу из лисицы в девицу: реализация мотива превращения в романе И.Кратохвила «Лисица-женщина»

И. Кратохвил (р. 1940 г.) является одним из самых известных и обсуждаемых авторов современной чешской литературы. Один из немногих постмодернистских писателей, не только открыто причислявших себя к данному направлению, но и занимавшихся философско-теоретическими исканиями в этой области (примерами являются сборник рассказов «Любовь моя, постмодернизм!» / *Má láska, Postmoderno* (1994), который является, с одной стороны, примером художественного произведения, которое тематически и композиционно отсылает к сборнику рассказов и зарисовок П. Альтенберга, с другой, - игрой с читателем, ставящей перед ним онтологические вопросы о природе текста. Сборник эссе «Признание рассказывания» / *Vyznání příběhovosti*, жанрово колеблющийся между сочинением-рассуждением и критическим литературоведческим обобщением). Художественные произведения Кратохвила демонстрируют сложную структуру нарратива, отличаются

полижанровостью и интертекстуальностью, направленными на игру с читателем и усиление его роли в процессе рецепции текста. Огромную роль в постмодернистских текстах Кратохвила играют также фантастические миры, вопросы смерти и бессмертия, путешествия в пространстве и времени, а также мотив превращения.

Уходящий корнями в фольклорную и мифологическую традицию, мотив превращения (метаморфозы) играет большую роль в литературе на протяжении всего ее существования. Как отмечает в своих исследованиях специфика романа М.М. Бахтин, метаморфоза является наиболее показательным способом осмысления человеческой души, оказавшейся в точке перелома: становлении кем-то другим^[22]. Она выполняет в тексте сразу несколько ключевых функций: создание коллизии по типу инициации, служит способом остранения привычных объектов, создавая гротескное состояние разрушения тривиального восприятия миропорядка, формирует комический эффект и т.д. Метаморфоза персонажей Кратохвила представляет собой эксперимент над понятием «человеческое». Например, в произведении «Медвежий роман» / *Medvědí román* (1987) центральный персонаж одной из повествовательных линий – Урсин – воспитывается другом Савом как медведь: благодаря создаваемому трагикомическому эффекту автору удается в гротескной форме показать деструктивность тоталитарного общества, в котором находятся Урсин и Саво, доводя ситуацию до абсурда. В новом, опубликованном в 2019 году романе Кратохвила «Лисица-женщина» / *Liška v dámu*, главной героиней становится лисица, отловленная прямо из норы маленьким лисёнком и по воле Хозяина превращённая в женщину в Ленинградском институте им. Павлова. На протяжении романа мы наблюдаем, какие события способствуют становлению лисицы девушкой (владение языком, затем – иностранными языками, удочерение Хозяином и наконец любовь к другому человеку), задаваясь вопросом о сути бытия человеком.

Семантика превращения в романе «Лисица-женщина» усиливается за счет очевидных сюжетных отсылок на роман Дэвида Гарнетта 1922 г. «Женщина-лисица» / *Lady into Fox*, в котором мы становимся свидетелями обратного процесса: постепенного утрачивания человечности главной героиней, превращающейся в лисицу, несмотря на старания любящего мужчины. Героиня романа Кратохвила, научившись говорить, сама выбирает себе имя Сильвия – такое же, как и у героини произведения Гарнетта. Таким образом, семантика метаморфозы как эксперимент над понятием «человеческое» в романе Кратохвила усиливается за счет и внетекстовых отсылок.

Кожина Светлана Анатольевна
младший научный сотрудник Института славяноведения РАН
старший преподаватель РГГУ

А. В. Козлова, А. Ю. Козловская (Санкт-Петербург).

**«Уникальное событие» и «любой кипез кроме голодовки»:
стили культурной жизни в городах постсоветской России
в перспективе исследований счастья^[23]**

Изучение удовольствия, которое могут приносить человеку соприкосновение с искусством и посещение культурных институций, чаще всего производится в теоретической рамке “культурного потребления” (где акцент ставится на способности посетителей производить суждения о конкретных жанрах и произведениях искусства [Bourdieu, Darbel 1997, Bourdieu 1984]) или “общества переживаний” (где впечатление от события признается самоценным и зависит от того, насколько необычным и удивительным оно является для человека [Schulze 1995]). Во время полевой работы нам

встретились две группы активных участников культурно-досуговых практик, которые считают посещение культурных мероприятий неотъемлемой частью своей жизни и получают от них огромное удовольствие, но только предпочтения и модели поведения членов одной из них могут быть описаны в терминах теории культурного потребления или переживания.

Так, члены “Клуба любителей оперы” в Перми действительно стремятся формировать компетентные суждения о произведениях искусства, углублять и оттачивать свою экспертизу, тяготеют к определенным стилям и жанрам и демонстрируют высокую избирательность при отборе культурных событий, достойных посещения. С другой стороны, модель поведения не менее погруженных в культурную среду города жителей Выборга (объединенных посещением клуба исторических танцев “Выборгское бальное общество”) не объясняется ни одной из этих характеристик. В отличие от любителей оперы выборжане не склонны формулировать свое мнение о посещенных культурных мероприятиях в формате суждений или саморефлексии, а ограничиваются выражением эмоциональной реакции – главным образом односложной, конвенциональной и восторженной. Во-вторых, их культурное потребление включает в себя огромный репертуар разномастных культурных активностей, принцип формирования которого не связан с индивидуальными предпочтениями в жанрах, стилях и направлениях искусства или оценкой престижности/уникальности мероприятия. И наконец, в центре их понимания культурной жизни находится не произведение искусства как таковое, а творческая активность и самореализация человека. Поэтому “проживание” этой жизни сочетает в их случае зрительский опыт с участием в культурном производстве в роли исполнителей-любителей.

Как нам кажется, все вышеперечисленные характеристики являются маркерами единой системы, организующей культурное поведение, которую можно описать понятием “стиль культурной жизни”. Следование одному из этих двух разных стилей (которые представляют собой некие универсалии, встречающиеся за пределами рассматриваемых групп) обнаруживает корреляцию с определенными нравственными ориентирами, которые в свою очередь формируют две различающиеся модели счастливой жизни (“good life”/ “life worth living” в happiness studies [Walker, Kavedžija 2015]). Если любители оперы ориентированы на непрерывное саморазвитие и воспринимают свое участие в культурной жизни как один из путей к “достойной жизни” и “счастью” (что в целом соотносится с гуманистическим пониманием культуры), то для “бального общества” ценность культурных практик заключается в том, что они позволяют им поддерживать баланс гармоничного существования между “материальным” и “духовным”, жить “нескучно” и “разговаривать не только о картошке” (в отличие от их погрязших между домом, работой и семьей друзей и знакомых).

В докладе мы постараемся показать, что наш материал позволяет пересмотреть и уточнить теоретическую рамку happiness studies, поскольку демонстрирует представления о нравственном образе жизни, в котором отсутствует идея стремления и развития.

Литература

- Schulze G.* The Experience Society. London, 1995.
Bourdieu P., Darbel A. The Love of Art: European Art Museums and Their Public. Cambridge, 1997.
Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Routledge, 1984.
H. Walker, I. Kavedžija. Values of happiness // Values of happiness. Toward an anthropology of purpose in life. Edited by I. Kavedžija and H. Walker. Chicago, 2015. pp. 1-29.

Козлова Анна Владимировна
младший научный сотрудник центра прикладных исследований
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Козловская Ангелина Юрьевна
младший научный сотрудник центра прикладных исследований

И. В. Козлова (Москва)

**«Мутный праздник. Совершенно непонятно, как себя вести в этот день»:
8 марта как маргинальный праздник современной России**

Праздничный календарь современной России сочетает праздники традиционной русской культуры, советские и появившиеся в постсоветское время. Праздники, ведущие свою историю из СССР до сих пор составляют большую часть «красных» (то есть нерабочих) дней календаря. Но не многие из них, пожалуй, только Новый год и День победы безусловно признаются и празднуются большинством россиян, большая часть, оставаясь официальными выходными (23 февраля, 8 марта, 1 мая), воспринимается по-разному разными группами людей. Пожалуй, самым спорным праздником оказывается для россиян 8 Марта. Праздник, имеющий более чем столетнюю международную историю, начинавшийся с женских протестных маршей в США, в Советской России в 1921 году был признан официальным праздником, с 1966 года в СССР стал выходным днем и остается таким до сих пор, в современной России часто вызывает дискуссии о том, что же мы празднуем.

Со времени своего появления как значимый день календаря, 8 марта претерпело множество трансформаций. Если до официального признания это был день протеста, то в позднесоветское время сложилась традиция поздравления женщин дома и на работе с цветами, конфетами и другими подарками. Из дня борьбы за права он превратился в день цветов и комплиментов. Постсоветское время отчасти унаследовало эту традицию, но в то же время в такой форме у многих женщин он стал вызывать неприятие как «странный» праздник. Неприятие этого праздника как дня поздравления женщин вызвало две тенденции. Первая – отказ считать это день праздником («да какой это праздник, просто выходной, возможность поработать дома за компьютером» сказала в 2003 году в ответ на ритуальную фразу «с наступающим праздником» моя знакомая, преподавательница вуза около 50 лет), вторая – стремление переосмыслить праздник, вернуть ему первоначальный смысл. Обе эти точки зрения накануне и в сам день 8 марта обсуждаются в средствах массовой информации и в социальных сетях, однако обе до сих пор кажутся достаточно маргинальными, если смотреть в масштабах всей страны. Несмотря на множество дискуссионных публикаций вокруг 8 марта, поздравлений с женщинами «праздником весны» и пожеланиями им любви и счастья оказывается больше.

Начиная с 2008 года в Москве, а затем и в других крупных городах проходят согласованные или несогласованные политические акции, поднимающие повестку гендерного равноправия. Так, в Москве в 2008 году согласованный митинг носил название «Против гендерных стереотипов, ущемления прав женщин и гомофобии», анонс пикетов в 2018 году содержал прямую историческую отсылку «Выйди на улицу! Верни себе 8 марта!», а в 2021 году в Санкт-Петербурге проходили несогласованные «Гуляния и пикеты за женские права». Этот несогласованный митинг прошел без задержаний, что для части его участниц стало указанием на маргинальность своей повестки, в том смысле, что феминизм в отличие от других политических требований, таких как «свободу Навальному», кажется неопасной и, следовательно, незначительной повесткой. На митинги выходят сотни людей, но для городов-миллионников это количество незначительно, а в малых городах феминистских митингов и вовсе не проходит.

В докладе я хочу рассмотреть маргинальность 8 марта как современного российского праздника на основе интервью с участницами митингов (за 5 лет посещения

митингов я записала больше 50 интервью), интервью с женщинами, не считающими, что 8 марта это праздник (планирую специально собрать для доклада), а также публикаций в СМИ и социальных сетях последних десяти – пятнадцати лет, современные стихи о 8 марта публикуемые в интернете. Для контекста планирую использовать также публикации в СМИ и стихи о 8 марта советского времени. В результате я попытаюсь ответить на вопросы: в самом ли деле в современной России 8 марта воспринимается как маргинальный праздник? Почему он так воспринимается? Есть ли динамика в восприятии этого праздника в сторону большей или меньшей маргинализации в последние годы (5-10 лет)? Если есть, то в какую сторону и почему она происходит?

Козлова Ирина Владимировна
к. ф. н., старший научный сотрудник
Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС

М. В. Корогодина (Санкт-Петербург)

Строгановская Кормчая и мечты об Устюжской епархии

Расцвет Сольвычегодска связан с деятельностью Строгановых, семья которых со второй половины XVI века начала масштабное строительство в Сольвычегодске. С их именем связано строительство Благовещенского собора с росписями, которые свидетельствуют о высоком статусе этого храма. Стараниями Строгановых к концу XVI века в далекий Сольвычегодск было привезено немало книг, создана книгописная школа, до сих пор вызывающая споры: действительно ли создатели удивительно тонких по оформлению книг работали в Сольвычегодске, или Строгановы делали заказы у лучших московских писцов.

Один из книжных вкладов братьев Строгановых в сольвычегодский Благовещенский собор привлекает внимание не богатством оформления, а своим содержанием. Рукописная Кормчая книга конца XV века (ГИМ, Муз. 798) была приобретена Строгановыми в Москве вместе с «архивом» писца – несколькими листами черновых записей. Вкладчики заказали переписать дополнительные тексты из иного списка Кормчей, принадлежавшего одному из находившихся в Москве епископов, и отдали в переплет древнюю рукопись вместе с выбранными ими дополнениями. По имени вкладчиков рукопись получила у исследователей название Строгановской Кормчей. Помимо традиционного состава Кормчей, в книгу вошли все новинки, привлекавшие внимание и вызывавшие споры на протяжении XVI столетия: выписки из Кормчей книги осужденного Вассиана Патрикеева, включая его «Слово о еретицех»; соборное постановление 1572 г., разрешившее Ивану Грозному вступать в четвертый брак вопреки церковным правилам; «Сказание о Новгородском Щилове монастыре» о том, что бывает, если архиепископ неправильно толкует церковные правила (наиболее ранний и не привлекавшийся исследователями список); «Написание» Григория Скрипицы о вдовствующих попах, опротестовывавшее решение московского собора 1503 г., и многие другие.

В числе прочих дополнений в Строгановскую Кормчую был переписан текст, предназначенный для совершения архиереем хиротонии («Свидетельствование в дьяконство, иерейство»). Этот небольшой текст русского происхождения, выполнявший функцию ставленной грамоты и известный с конца XV века в Новгородской и Коломенской епархиях, был необходим только для архиерейского служения. Списки Кормчей книги, со второй половины XV века распространявшиеся по монастырям и нередко дополнявшиеся сочинениями, необходимыми для монастырского обихода или

приходской жизни, могли использоваться как архиереями, так и игуменами или «белым» духовенством. Однако в данном случае комплекс дополнений однозначно указывает на то, что Строгановская Кормчая была предназначена для архиерейского служения.

Сольвычегодск относился к епархии Вологодского архиерея, простиравшейся далеко на восток. Развитие вычегодско-устюжских земель, в первую очередь стараниями Строгановых, делало необходимым каменное церковное строительство и развитие монастырских земель. Поддерживать церковное хозяйство из Вологды, несомненно, было нелегко. В 1589 г., после учреждения патриаршества, была принята соборная грамота об открытии ряда новых епархий, в том числе епископии в Великом Устюге. Несомненно, это решение не было внезапным и готовилось на протяжении предшествующего времени. С мечтами о собственной епархии можно связать монументальное строительство Благовещенского собора с архиерейским местом и вклад в этот собор архиерейской Кормчей книги.

Мечтам о епископии в Сольвычегодске или Великом Устюге не суждено было сбыться до конца XVII века. Несмотря на решение московского собора, в этих землях в конце XVI века так и не появилось архиерея. Однако его продолжали ждать на протяжении первой половины XVII века, когда со Строгановской Кормчей было сделано несколько копий (сохранилось четыре) и разослано по окрестностям: в Пыскорский монастырь и Соликамск.

Корогодина Мария Владимировна
д.и.н., заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей
Библиотеки Российской академии наук

П. В. Королькова (Москва)

Начала хорватского путевого очерка: особенности становления жанра

Зарождение и развитие травелога в литературах многих народов представляет собой процесс взаимодействия документального и художественного начал, объединенных образом рассказчика (путешественника), а категория художественности может проявляться в путевом очерке по-разному и в разной степени. Обычно познавательные цели декларируются в путевом очерке как основные, в то время как эстетические, политические, публицистические, философские и т.д. – как дополнительные, однако в действительности ситуация может оказаться сложнее.

На протяжении веков свои путешествия описывали мореплаватели, паломники, шпионы, миссионеры, ученые, дипломаты и, конечно, писатели; эти люди обладали очень разными литературными способностями, их читательская аудитория могла сильно различаться. Однако в любом случае вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. европейский читатель не воспринимал литературу путешествий как собственно литературу – скорее, как источник информации о странах, народах, их обычаях, природе.

Не была исключением и хорватская литература: в путевых заметках читатель искал сведения о жизни и традициях других народов. Такими текстами интересовались интеллектуалы, философы, политики, но также торговцы и чиновники. Чтобы отвечать читательским ожиданиям, тексты должны были быть написаны живо и интересно, но по возможности беспристрастно и без тени вымысла (последнее удавалось авторам далеко не всегда). Возникает тип научного травелога, написанного в форме трактата для кругов, близких к власти (примером могут послужить заметки об Албании и Черногории (1614 г.) Марияна Болицы – венецианского аристократа хорватского происхождения, писавшего на итальянском языке.

Вопрос о принадлежности М. Болицы хорватской литературной и культурной традиции остается открытым, но уже в эпоху Просвещения появляются авторы, которые пишут на хорватском языке и осознают свою принадлежность к хорватской культуре. Таким писателем становится Яков Плетикоса, создатель «Путешествия в Иерусалим» (1752). Текст этого произведения является важным памятником хорватского языка середины XVIII в., однако он интересен и в качестве литературного памятника, в том числе с точки зрения становления и развития жанра травелога. Создается впечатление, что чуть ли не единственной задачей автора является как можно более подробное описание увиденного. Парадокс этого произведения в том, что автор (крайне верующий человек) ни разу не обращается к описаниям чудес, не упоминает апокрифические легенды, не старается передать чувства, охватывающие его при виде святых для каждого христианина мест. Рамки жанра, какими понимал их путешественник, оказались в данном случае сильнее даже религиозного восторга. Не удивительно, что исследователи хорватского путевого очерка^[24] единодушно отказывают «Путешествию в Иерусалим» в литературности (т.е. художественности).

Самым известным последователем Плетикосы стал хорватский этнограф и писатель Иван Ловрич, оставивший заметки о путешествии по Далмации (на итальянском языке, 1776). В центре его внимания находятся край и его жители, в то время как авторское «я» полностью отступает на второй план. В травелог эпохи Просвещения, несмотря на его практическую ориентацию, проникает все больше элементов художественности, хотя собственно ориентации на изобразительность в нем еще нет (путевой дневник известного хорватского ученого Руджера Йосипа Бошковича).

В докладе будет рассмотрен вопрос о том, как эти и некоторые другие тексты, а также общеевропейский литературный процесс повлияли на становление травелога в Хорватии.

Королькова Полина Владимировна
к.ф.н., доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований
Института филологии и истории (ИФИ)
российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

А. Г. Кравецкий (Москва)

Политкорректность на службе благочестия: к истории исправления богослужебных книг в XIX-XX веках

Одним из направлений правки богослужебных книг в XIX-XX вв. было исключение пассажей, оскорбительных для представителей тех или иных конфессиональных групп. Причины, по которым такие исправления предпринимались, бывали разными. Так, в 1867 году Синод выпустил определение, согласно которому в богослужебных книгах, отправляемых православным, живущим на территории Османской империи, перепечатывались страницы, «на коих помещены оскорбительные для Магометанской веры выражения и слова». Например, в Месяцеслове редактировалось упоминание о совершении памяти святого Георгия Нового, «пострадавшего от безбожного царя Селима Турскаго». Книги предназначались живущим в Османской империи сербам и болгарам, которым было небезопасно называть так султана Селима I.

Такого рода правка осуществлялась и в книгах, предназначенных для внутреннего пользования. Так, в 1865 году по инициативе митр. Филарета (Дроздова) было смягчено чтение Постной Триоды, где речь шла об осуждении тех, кто, подобно армянам, постится в Неделю о мытаре и фарисее. В актуальной на тот момент редакции читалось: «подобает

ведати, яко в сей седмице постоят трехклятии армени мерзкий их пост, глаголемый арцивуриев». В новой редакции текст меняется на «подобает ведати, яко в сей седмице иномудрствующие содержат пост, глаголемый арцивуриев».

Интересный материал для нашей темы дают исправления, вносимые в чины присоединения к православию. Эти чины содержат формулы отречения от прежней конфессии. В ходе исправлений характеристики иноверия смягчались. Кроме того, в чинах присоединения из иудаизма лексемы «жид», «жидовин» (не имеющие в церковнославянском языке негативных коннотаций) последовательно заменялись на «иудей». Так, в издании 1849 г. новокрещаемый отрицается «от всего суеверия, всех суеверий и басней жидовских и всех богоборных их хулений», а в издании 1915 г. - «от всего зловерия иудеев и от всех хулений их».

Любопытно в этом отношении появление в церковном обиходе службы Гавриилу Белостокскому, составленной архиеп. Антонием (Храповицким). В почитании младенца Гавриила антисемитская составляющая несомненно присутствует. По инициативе митр. Антония (Вадковского) в тексте были исправлены три пассажа (например, «Гавриил младенец от иудей страсть приимаше» исправлено на «Гавриил младенец за Христа страсть приимаше»). При этом значительное число обвинений в адрес евреев было сохранено.

В 1975 г. в интервью самиздатовскому журналу «Евреи в СССР», священник Александр Мень выразил надежду, что из богослужебных книг будут изъяты резкие выпады против евреев, а Гавриил Белостокский будет деканонизирован. Вскоре после этого служба Гавриилу была включена в основной круг богослужебных книг. Среди других служб, прежде отсутствовавших в минеях, она вошла в Зеленые минеи (печатались в 1978-1988 годах). А в 1993 г. появляется издание «Чина присоединения иудеев», исправленное в прямо противоположном направлении, по сравнению с правкой XIX века. В новом издании (не официальном, но имеющем благословение митр. Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева)) были усилены антисемитские мотивы и лексема «иудей» исправлена на «жид». Конечно же, это маргинальное издание, но его появление очень хорошо иллюстрирует разнонаправленность правки тех фрагментов богослужебных текстов, в которых характеризуются иноверцы.

Кравецкий Александр Геннадьевич
к.ф.н., Институт русского языка РАН им. В.В.Виноградова

Т. Ю. Кравченко (Москва)

«Задворки литературы»: крестьянский литературно-общественный журнал «Жернов» в 1925-1927 годах

Крестьянские писатели и поэты-самоучки – литературный феномен, появившийся в пореформенной России в последней трети XIX века. Они не находили признания в литературных кругах и не раз пытались создать собственное литературное объединение. Так в 1905 году возник «Суриковский кружок писателей из народа», названный в честь Ивана Захаровича Сурикова (1841-1880).

В 1920-е годы, в соответствии с новой политикой, происходит централизация литературного процесса под надзором государства. Художественные достоинства произведения отходят на второй план, главное требование к литературе – правильная идеологическая направленность. Писателей делят по трем категориям: пролетарские, крестьянские и «попутчики». Творчество бывших «суриковцев» и крестьянских поэтов-самоучек теперь востребовано, оно становится инструментом идеологической борьбы. В

1921 году, на Московской конференции крестьянских писателей, принято решение об образовании на основе «Суриковского кружка» Всероссийского Союза крестьянских писателей (ВСКП). Основным органом Союза становится журнал «Жернов», первый номер которого выходит в 1925 году. Название журнала символично: это и орудие крестьянского труда, и «жернова истории», которые «мелют медленно, но неумолимо».

Главная задача «Жернова» - «борьба на литературном фронте за классовость пролетарской и крестьянской литературы», с оговоркой, что «эта литература должна быть интересна для читателя». Помимо «широкого культурно-просветительского обслуживания масс», журнал должен был стать «литературной школой» для «крестьянских самородков-писателей», в которой им предстояло научиться «владеть пером так же, как мы научились побеждать штыком врагов советской власти».

Главный редактор «Жернова» - председатель ВСКП Григорий Дмитриевич Деев-Хомяковский, один из руководителей «Суриковского кружка». К публикации в журнале принимались материалы, соответствующие «Литературной платформе ВСКП», в разработке которой Деев-Хомяковский принимал самое активное участие.

В 1925 году публицистика и критика в «Жернове» явно доминируют над художественной литературой. В 1926-м и особенно в 1927-м соотношение меняется, площадь журнала заполняют в основном рассказы. Но в каждом номере непременно есть мемуарная страница: воспоминания о деятелях и событиях относительно недавнего прошлого, так или иначе затрагивающих крестьянскую жизнь. Много внимания уделялось текущим событиям в ВСКП: заседания, пленумы, выездные литбюро, уездные собрания крестьянских писателей и т.п. Обязательно рецензируются и рекламируются вся продукция издательства ВСКП.

Что касается авторов: с самого начала в «Жернове» печатали как ветеранов «Суриковского кружка» (Петр Травин, Семен Шкулев), так и молодых крестьянских писателей (Ф. Чернышев, П. Замойский, М. Роги и др.) Но особое внимание уделяли селькорам: ставка делалась не столько на поиски самобытных талантов, сколько на воспитание и обучение классово подходящей молодежи.

«Жернов» выходил с 1925 по 1927 год. Конец журналу положили борьба двух группировок в руководстве ВСКП («старики-суриковцы» Деева-Хомяковского и «молодежь», возглавляемая П. Замойским) и письмо М. Горького в ВСКП с резкой критикой «Жернова» и его главного редактора. В ноябре 1927 года на Пленуме ВСКП Деев-Хомяковский был отставлен, а Союз переименован во Всероссийское Общество Крестьянских писателей.

Кравченко Татьяна Юрьевна
член Союза российских писателей
хранитель книжных фондов ГМИРИ (ГЛМ)

М. Ю. Кукин (Москва)

Граница видимого и невидимого в изобразительном искусстве: Крест в "Несении креста" Питера Брейгеля

Доклад посвящен проблеме соотношения видимого и невидимого в произведении изобразительного искусства, в качестве объекта наблюдений выбрана картина Питера Брейгеля Старшего «Несение креста» (1564 г.), одно из наиболее значительных произведений в наследии художника.

Связь с общей темой конференции, так наз. «маргинальность», вытекает из самого материала: мы попробуем понять, какие процессы происходят на границе и за границей

того, что можно считать изображением – в невидимом, но все же принадлежащем изображению «смысловом поле», которое становится частью картины, но которое не изображается художником буквально.

Некоторые идеи доклада можно считать развитием гипотез и замечаний, высказанных современными (Юрген Мюллер, Томас Шауэрте, Ларри Сильвер, Манфред Селлинк и др.) брейгелеведами, при этом основная часть доклада опирается на самостоятельные исследования автора.

«Несение креста» находится на условной вершине брейгелевского творчества: картина написана после ряда юмористическо-сатирических картин раннего периода («Фламандские пословицы» и т.п.) и связанного с Босхом цикла картин, изображающих битвы (Падение мятежных ангелов, Безумная Грета и Триумф смерти). В трех последних, как принято считать, в образной форме отражена окружающая Брейгеля историческая реальность: политические и религиозные столкновения – войны, пытки и казни.

За год до «Несения креста» была написана «Вавилонская башня» – картина, по мнению большинства исследователей, явно связывающая библейский образ с современными художнику политическими и религиозными процессами.

Именно на этом фоне в 1564 году появляется «Несение креста» – еще одна многофигурная картина большого формата, изображающая одновременно евангельское событие и злободневную современность.

Давно замечено, что в «Несении креста» Брейгель прибегает к своему излюбленному приему: «прячет» главного персонажа, в данном случае – Христа, несущего крест. Обычно за этим наблюдением следует вывод о том, что Брейгель показывает нам, зрителям, как слепы люди, спешащие посмотреть на казнь и не замечающие Мессию, Спасителя мира, шедшего и упавшего среди них.

К этой устоявшейся трактовке можно добавить и еще одну мысль: зритель, не сразу замечающий Христа (хотя Тот никем не заслонен и находится в ее центре) оказывается подобен участнику события, условному древнему иудею или римскому воину.

Это уподобление тех, кто смотрит на картину, и тех, кто на ней изображен, еще больше усиливает ее назидательную силу, тот самый вопрос «а видишь ли ты?», обращенный к зрителю. Брейгель не просто рассказывает про человеческую неспособность увидеть (напомню слова Евангелия: «слыша, не слышат, видя, не видят, и не понимают», сказанные Христом о слушателях Его притч) – Брейгель дает нам эту незрячесть буквально физически ощутить, почувствовать на себе.

Сказанное относится не только к «Несению креста», но и ко многим, если не ко всем картинам Брейгеля: тему слепоты человека (читай: человечества, рода людского) можно считать главной темой Брейгеля, художника-философа.

Однако слепое человечество, то есть все мы, не видит – или видит не сразу – не только главного персонажа. Что еще находится на границе и даже за границей нашего видения?

При внимательном разглядывании «Несения креста» мы замечаем, что слепы все же не все. Например, группа святых на переднем плане (три Марии и апостол Иоанн), развернутая к Христу спиной, и небольшое число окружающих их людей – они явно видят, т.е. понимают, смысл происходящего.

Статичность их поз, вторящая статичности упавшего Христа, резко контрастирует с зеваками, идущими и едущими верхом к месту распятия. Для группы святых распятие как будто уже совершилось – они именно знают все наперед, им не требуется следить за событиями, смотреть на них.

Брейгель, согласно гипотезе Мюллера-Шауэрте, противопоставляет здесь «внутреннего» и «внешнего» Христа, следуя за Эразмом Роттердамским: группа святых у Брейгеля располагается у подножия невидимого Распятия. Здесь изображена еще одна Голгофа, незримо происходящая в сердце знающего человека.

После внимательного рассмотрения картины, анализируя расположение ключевых фигур и композиционные линии, возникающие между ними, к «незримому кресту Мюллера-Шауэрте» можно добавить еще два креста. Первый образован четырьмя женщинами (две рыдающие и две молящиеся фигуры), окружающими группу святых. Второй образован пересекающимися «осями» композиции: линия «Мельница – Христос – Группа святых» и линия «Симон из Кирены – Христос – Голгофа».

Интересно, что два верхних окончания второго – большого – креста (Мельница на скале и Голгофа) дают массу дополнительных подсказок для интерпретации явно символического образа Мельницы. С другой стороны, два реальных и видимых нам евангельских эпизода - 1) призвание Симона и 2) само распятие, Голгофа – противопоставлены паре двух визуальных символов, скрывающих смысл от наших глаз: 3) Мельнице и 4) «Незримому кресту».

Эти невидимые кресты (а, по нашему мнению, в композиции картины их три, т.е. ровно столько же, сколько и видимых) логично вписываются в общую концепцию картины с ее призывом «видеть невидимое». С другой стороны, не изображенные буквально, но постепенно становящиеся для нас видимыми, т.е. открытыми мысленному взору, кресты прекрасно вписываются и в общую концепцию творчества Брейгеля, демонстрирующего зрителю его слепоту и призывающего вдумываться в видимое изображение для постепенного прояснения скрытых смыслов – ровно так же, как слушатель евангельской притчи, вслушиваясь в ее слова, должен расслышать их скрытое, переносное, значение.

Кукин Михаил Юрьевич
культуролог, к. филол. н., доцент РАНХиГС

И. П. Кулакова (Москва)

Образованный разночинец как маргинал в России 2 пол.18 – нач.19 в. (деятельность и жизненные стратегии)

В фокусе нашего внимания – фигура условного «разночинца», который существует в условиях протекания уникального социального эксперимента, начатого Петром I, в обстановке разворачивания Просвещения в России. Ставится задача выявления особенностей типов индивидов данной эпохи (своеобразие и «инакость» человека эпохи раннего Нового времени). Необходимо выявить основные тенденции времени, которые формировали новый для России культурный контекст. В рамках его, с одной стороны шел поиск путей создания «среднего сословия» со стороны «власть предержащих», а с другой, - стихийное появление людей, выходящих за рамки старых поведенческих стереотипов. Важнейшей сферой здесь выступает сфера интеллектуальной деятельности, где осуществлялись (не)стандартные стратегии поведения индивида-разночинца и его субъективного выбора в условиях господства установок дворянской культуры.

Микроистория, «персональная история» являются теми важными направлениями, которые помогают объяснить поведение индивида, уделяя внимание сплетению различных социальных связей вокруг человека, реконструировать поведенческие императивы, выявить микрогруппы, в которые он встраивался, придавая значение житейским обстоятельствам, заставлявшим принимать то или иное решение, а также интригам, ссорам, конфликтам и другим обстоятельствам, которые выявляют социальные противоречия и новые социальные «конstellации».

Важной поведенческой установкой для разночинца становится получение «высшего» образования, и здесь Академический и Московский университеты становятся

теми пространствами, которые «защищают» таких учащихся, выводят многих из них на путь «социального лифта». На протяжении 18 века складывается относительно тонкий слой образованных разночинцев, получающих этот лифт именно благодаря «учености», способных к рутинной работе и обслуживающие интеллектуальную сферу. Получив академическую подготовку такие люди обращаются к литературной деятельности, встраиваются в среду преподавателей учебных заведений, становятся секретарями и переводчиками, служащими государственных учреждений, выполняя важнейшую функцию поддержания и трансляции «нового знания» и новых установок поведения.

Однако, и здесь на пути немало препятствий. Среди высказываний современников можно увидеть, например, такие: «...Один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены, а небрежением того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию. При таком недостатке смело утверждать можно, что прямого в науках и художествах успеха и третьего степени людей в государстве ожидать всеу и себя ласкать. По сему ясно, что корень всему злу и добру Воспитание» (И.Бецкой).

«Просвещенное» дворянство и образованных разночинцев связывают отношения патронажа, покровительства и «ласкательства». На примерах реализации различных «культурных проектов» можно выявить не только варианты таких отношений, но и попытки эмансипации, связанные со становлением новой для России интеллектуальной инфраструктуры, появление практик сотрудничества и партнерских отношений.

Кулакова Ирина Павловна
к.и.н., доцент кафедры истории России до начала 19 века исторического факультета МГУ
им.М.В.Ломоносова

С. С. Кульпинов (Иркутск – Санкт-Петербург)

Ставленнические автобиографии обновленческих «иерархов», как источник по церковной истории (на материалах автобиографий, отложившихся в Государственном архиве Иркутской области)

В настоящее время официальные архиерейские биографии пишутся по определенному шаблону (можно даже сказать, канону). Разительное отличие от современных биографий и документов, связанных с архиерейскими хиротониями, представляют материалы, подготовливавшиеся для хиротоний обновленческих «архиереев» в 1920-х – 1930-х гг. Любопытными памятниками эпохи, наряду с предоставляемыми рукополагаемыми в «епископский» сан эссе на темы предполагаемых планов «борьбы с тихоновщиной» и личного «церковно-политического кредо», представляются и составлявшиеся, вероятно, в свободной форме ставленнические автобиографии. Следует отметить, что данный вид автобиографий ранее не исследовался, как в церковной, так и в светской науке.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем две ставленнические автобиографии, отложившиеся в Государственном архиве Иркутской области (далее – ГАИО), составленные перед хиротониями «епископами» Георгием Петровичем Георгиевский и Иоанном Иоанновичем Житовым.

«Епископ» Иоанн Житов, рукоположенный 17 января 1926 г. в Киренского викария Иркутской обновленческой епархии, которому на момент хиротонии было 59 лет, в ставленнической автобиографии очень значительное внимание уделил своей жизни в

дореволюционный период. С ностальгией «архиерей» вспоминал о своем детстве, описывая быт сельского духовенства и церковнослужителей Рязанской губернии 1860-х – 1870-х гг. [ГАИО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 41. Л. 8], а затем учебу и пение в хоре в Рязанских духовном училище и духовной семинарии [там же]. Далее довольно подробно «епископ» Иоанн рассказывал о своем служении в Уфимской епархии, куда вынужден был переехать, поскольку не имел достаточных родственных связей для получения хорошего прихода в Рязанской епархии [там же. Л. 8-9].

События революций 1917 г. и Гражданской войны в автобиографии «епископа» Иоанна почти не упоминаются, однако довольно подробно описывается быт и положение беженца духовного звания, оказавшегося в Иркутске в сентябре 1919 г. [там же. Л. 17-19]. Примечательно, что служению в первой половине 1920-х и собственно переходу в обновленчество в автобиографии уделено крайне мало внимания, здесь автор переходит от довольно пространных описаний к скупому перечислению дат и событий [там же. Л. 23 об., 26 об.].

Автобиография «епископа» Георгия Петровича Георгиевского также представляется весьма интересным памятником. В первую очередь, следует отметить, что автор являлся горячим сторонником Октябрьской революции и проникновения коммунистических идей в Церковь [ГАИО Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 3]. Особенное внимание в автобиографии уделялось служению будущего «архиерея» на рубеже XIX – XX вв. [там же. Л. 14]. Значительного внимания заслуживает и описание участия будущего обновленческого «архиерея» в Русско-Японской войне, на которую он добровольно призвался в качестве полкового священника, оказавшись в осажденном Порт-Артуре, где «окунулся в море крови и страданий человеческих» [там же].

Таким образом, ставленнические автобиографии обновленческих «архиереев» передают личные впечатления от пережитой авторами церковной и общественной действительности, что, несомненно, является важным свидетельством эпохи и заслуживает пристального внимания церковных и светских историков.

Кульпинов Сергей Сергеевич
диакон, соискатель Санкт-Петербургской Духовной Академии
член Русского религиозно-философского общества

П. С. Куприянов (Москва), М. Л. Лурье (Санкт-Петербург)

Культурная среда как модус культурной жизни^[25]

Исходя из понимания культуры не (только) как совокупности институций и практик, но (и) как процессов воображения, рефлексии и социального конструирования, производимых в том числе на дискурсивном уровне, в своем докладе мы делаем попытку обосновать понимание *культурной среды* где среда понимается скорее не как *environment*, а как *milieu*.

Материалом и одновременно отправной точкой в этих размышлениях для нас послужили многочисленные интервью с жителями нескольких российских городов и сел, различных по многим параметрам, от количества населения до насыщенности культурной среды в ее институциональном понимании. Темой этих разговоров была культурная жизнь в ее персональном и локальном измерениях и то, в какой степени и каким образом она становится фактором счастья, источником удовольствия и мерой благополучия. В одном из таких интервью наша собеседница, руководитель молодежного клуба в Тутаеве, в разных контекстах разговора произнесла две фразы, довольно наглядно описывающие интересующую нас взаимосвязь *культуры* и *счастья*: «Вот кратковременный эпизод

абсолютного счастья был в прошлом году в театре Ермоловой с лицезрением Олега Меньшикова – вот это абсолютное счастье, вот это стопроцентное попадание», — и: «...Я надеюсь, что мы когда-нибудь начнём получать удовольствие от среды, которую здесь мы создаём».

Несмотря на то, что обе реплики об одном – радость от культуры – за ними стоят представления о двух различных моделях «взаимодействия с культурой» и двух различных типах «культурного наслаждения». Различия между ними можно описать в нескольких позициях.

1. Культура по умолчанию мыслится как нечто отличное и отделенное от повседневности, отстоящее от нее на некоторой дистанции, имеющей темпоральное, пространственное, и экономическое воплощения. Приобщение же к культуре, во-первых, происходит в разовых актах, а во-вторых, подразумевает преодоление этой дистанции и переход в особое состояние, отличное от «обычного» / «нормального». Концепт среды задает радикально иную модель: не дискретную, а континуальную, в рамках которой культура присутствует не на дистанции, в определенном месте и времени, а повсюду, всегда и в непосредственной доступности. Соответственно и взаимодействие с культурой в этой модели воображается не как «*поход за*» культурой, а скорее как «*нахождение среди*» нее.

2. Темпоральная и пространственная непрерывность среды во многом определяет особенности связываемого с ней «культурного наслаждения». Описание взаимодействия с культурой в терминах производства и потребления в случае со средой представляется затруднительным: здесь разделение на производителей (подателей) культуры и ее потребителей (получателей) оказывается нерелевантным, хотя бы в силу отсутствия самого акта «приобщения к культуре». По той же причине «счастье» как эмоциональное переживание (как в приведенной цитате) едва ли может описывать эффект от культурной среды: с ней связывают скорее *удовлетворенность* как выражение процесса или состояния.

3. Культура конвенционально признается ценностью, приобщение к (или обладание) которой само по себе оценивается положительно и воспринимается как символический капитал. Культурная среда едва ли может выступать объектом престижного потребления. При этом она также воображается как символическая ценность, но не в персональном, а в локальном ключе: ее наличие / насыщенность / разнообразие и т.п. определяют престиж места, а не человека.

4. Культурная среда, как и культура в институционально/событийном понимании, может описываться и оцениваться в параметрах насыщенности, разнообразия, дефицита, воображаться в различных видах и регистрах: как пространственное окружение, как коммуникативная среда (культурное сообщество), как ощущение динамичной культурной жизни. Существенная (и отчасти парадоксальная) особенность культурной среды заключается в том, что удовольствие от нее не обусловлено напрямую обязательным активным участием. Зачастую это лишь набор возможностей, далеко не всегда реализуемых, но даже в этом — потенциальном — качестве доставляющий удовольствие или по крайней мере удовлетворение.

Этот ряд характеристик может быть дополнен, однако и в таком виде он позволяет говорить о культурной среде как об особом модусе (воображения) культурной жизни, предполагающем особый характер «культурных наслаждений».

Куприянов Павел Сергеевич
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН

Лурье Михаил Лазаревич

Т. В. Левицкая (Москва)

“Институтка” о проститутках: лекция Н.А. Лухмановой «Проституция и отношение к ней общества»

«В плачах-то о нравственности и лежит корень проституции. <...> В основе “хлева” лежит идея “свиньи”, которую усердно все в себе, в других поддерживают»^[26]. На эти размышления В.В. Розанова натолкнула лекция «Проституция и отношение к ней общества», прочитанная Н.А. Лухмановой в Соляном городке в 1903 г. Лекции Надежды Александровны Лухмановой (1841-1907) пользовались большим спросом. Тематика ее публичных выступлений в основном касалась «женского вопроса»: она читала лекции о воспитании детей, о положении незамужней дочери в семье, о недочетах женского образования и тяжелых условиях труда женщин («О положении незамужней дочери в семье», 1896; «Причина вечной распри между мужчиной и женщиной», 1901; «Недочеты жизни современной женщины», 1904). Однако наибольшее внимание слушателей и журналистов привлекло выступление писательницы, посвященное проблеме проституции. Свое выступление Лухманова охарактеризовала как «документированную историю проституции»^[27] – оно представляло собой разбор и анализ газетного материала, освещавшего заявленную тему. То, что о «делах полусвета и даже кромешной тьмы»^[28] публично заговорила «мать семейства» стало успешной рекламной акцией: толпа не оставила незамеченной столь пикантную ситуацию, и лекция в Соляном городке собрала такое количество слушателей, что «было трудно сидеть, нечем дышать»^[29]. Особую роль сыграла и репутация Лухмановой: после успешной дебютной повести об институтской жизни («Двадцать лет назад. Воспоминания из институтской жизни», 1893) на писательнице было поставлено несмыслимое клеймо «институтки». Лекция получила большое количество негативных отзывов, наиболее известными из которых стали статьи А.В. Амфитеатрова и В.Г. Короленко. В.Г. Короленко (оценивающий работу лишь на основании газетных отзывов) назвал лекцию Лухмановой «бездушием добродетельных женщин»^[30], а для А.В. Амфитеатрова это выступление стало «квинтэссенцией надменного буржуазно-институтского “юродства”»^[31]. Лекцию о проституции восприняли неумелой компиляцией газетного материала на «заданную тему» при полном незнании обсуждаемого предмета. Найденный в архиве писательницы текст лекции дает возможность менее предвзято оценить ее работу, а также найти истоки негативного восприятия ее деятельности.

Литература

1. *Абадонна*. Отклики // Русь. 1904. № 204. 4 июля.
2. *В.Г. Короленко* «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой» // Русское богатство. 1904. № 6. Июнь. С. 253 – 257.
3. РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 93. Л. 78 – 99 (оборот).
4. Розанов В.В. Г-жа Лухманова о проституции // Новый путь. 1903. Декабрь. С. 123 – 127.

Левицкая Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, кафедра истории новейшей русской литературы и современного
литературного процесса МГУ им. М.В.Ломоносова

Е. Е. Левкиевская (Москва)

Детектив как повествование с итеративной схемой

В докладе будут рассмотрены один из важных жанровых принципов создания детектива – асексуальность его главного героя-сыщика, а также эволюция отношений героя с противоположным полом, произошедшая к началу XXI в. В классическом детективе начала XX в. сыщик принципиально асексуален (Шерлок Холмс, мисс Марпл, Эркюль Пуаро, Ниро Вульф, пастор Браун, доктор Фелл и пр.). В частности, потому, что изначально сформированная жесткая жанровая структура детектива превращала его в чисто интеллектуальный конструкт, избавленный от нежелательных, «низменных» примесей (Рональд Нокс, сформулировавший десять основных правил создания детектива, сравнивал его с разгадыванием кроссвордов и игрой в крикет, а Эдгар По – с игрой в шахматы или в шашки). В основе данного конструкта лежит, с одной стороны, честное интеллектуальное единоборство между сыщиком и преступником, а с другой, – честная интеллектуальная игра между автором и читателем. Однако это не объясняет главной проблемы – почему интеллектуализм героя не совместим с его способностью любить и быть любимым?

В 30-х гг. XX в. Дороти Сейерс делает попытку совместить интеллектуальную игру в расследовании преступления и развитие глубокого любовного чувства в серии романов о лорде Питере Уимзи, но данный опыт кончился крахом – после вступления в брак главных героев (Питера Уимзи и Хариет Вейн) роман перестал быть детективным и превратился в классический семейный. Последний текст о Питере Уимзи (новелла «Толбойз», 1942 г.) – это рассказ о семейном счастье, а не о расследовании кражи персиков из соседского сада. Почему же нельзя совместить детективное расследование и личное счастье сыщика? Вернее, почему его личное счастье меняет жанровую природу повествования?

Наилучшим объяснением этого феномена нам представляется итеративная теория повествования, предложенная Умберто Эко в его работе «Роль читателя» для описания сериальных героев типа Супермена. Кроме высокого интеллектуализма всех великих сыщиков объединяет то, что это, как правило, герои сериального типа, чье существование во времени и биография строятся принципиально иначе, чем у героев классического романа. Сравнивая классического и сериального героев в их отношении к категории времени, Умберто Эко выделяет несколько различий: классический герой существует в последовательно текущем времени, имеющем направление от начала к концу, в котором действуют причинно-следственные связи и в котором предыдущие события вызывают к жизни события последующие. Поэтому у такого героя есть полноценная биография, включающая возможность изменяться и развиваться как личность, а также полноценно переживать события, предусмотренные жизненным сценарием, в том числе и любовь, брак, рождение детей. Но именно поэтому классический герой обладает существенным недостатком: его биография конечна, поскольку каждое переживаемое им событие, в том числе и любовь, неизбежно означает пройденный этап в его биографии и приближает его к смерти, а значит, автор лишен возможности «использовать» такого героя сколь угодно долго. Умберто Эко называет это «потреблением/расходованием» персонажа. Чем больше событий происходит в жизни классического героя, тем быстрее он «расходуется» автором и «потребляется» читателем, а значит, тем быстрее приближается к своему концу.

Отношения героя сериального типа со временем и со своей биографией строятся принципиально иначе. Умберто Эко называет такой тип повествования итеративной схемой (схемой повторения) – в сериальном повествовании разрушается идея последовательно текущего времени: в каждой новой серии (новом романе) повествование

начинается не с той точки, где закончилось предыдущее, а произвольно возвращается к одной и той же линии событий, всякий раз штампуя одно и то же означаемое. У сериального героя, действующего в некоем непрекращающемся настоящем, отсутствует полноценная биография (как проживание жизненных событий, следующих во времени одно за другим). С этой точки зрения мы имеем дело с сюжетом, который «не расходуется», и с героем, который обладает неисчерпаемым ресурсом своей воспроизводимости, что дает автору возможность «использовать» такого героя в неограниченном количестве текстов. Именно таковы все великие сыщики «золотого века» детектива: Шерлок Холмс, мисс Марпл, Эркюль Пуаро и пр.

Очевидно, что любовь (не говоря уже о браке и рождении детей) является таким жизненным событием, которое может быть присуще лишь персонажу с полноценной биографией, поскольку это чувство, во-первых, требует развития личности в конкретных временных координатах, а во-вторых, втягивает героя во взаимоотношения с другим человеком или людьми. Любовь несовместима с итеративной схемой повествования, т.к. она автоматически делает героя «биографичным», а значит, конечным во времени, «растрачивающим» свой временной ресурс. Герой детектива не может себе позволить любовь не потому что он чересчур интеллектуален, а потому что он в рамках итеративной схемы повествования как личность не может развиваться и изменяться (а это непереносимое качество любви). Любовь вписывает героя в последовательно развивающееся время, а значит, превращает сыщика из сериального персонажа в героя биографического романа, что и доказал опыт Дороти Сейерс, проделанный над лордом Питером Уимзи.

На рубеже XX-XXI вв. появляется значительное число детективных сериалов, казалось бы, опровергающих правило итеративной схемы. В них действуют уже два сыщика разного пола («Секретные материалы», «Расследование Мердока», «Леди-детектив Фрайни Фишер» и пр.), проявляющие друг к другу нежность и явную благосклонность, которая, как наивно ожидает зритель, вот-вот должна развиться в настоящую любовь и закончиться соединением героев. Однако их отношения почему-то застревают на уровне флирта (или мечты о предстоящем браке), все время прокручиваются на одном месте, как заезженная пластинка, и ничем не кончаются. Их отношения – абсолютный симулякр, технический прием, преследующий чисто коммерческие цели расширения зрительской аудитории и поддержания интереса зрителей к сериалу. Такой прием обозначается термином UST (unresolved sexual tension – нереализованное сексуальное влечение); одним из первых его использовал американский писатель Гарднер в серии романов об адвокате Перри Мейсоне и его верной секретарше Делле Стрит в 30-50 гг. XX в. Использование UST не опровергает итеративную схему повествования, в которой существует герой детектива, но является ее (относительно новой) частью, которая штампует уже известное означаемое, не предусматривающее личностных изменений героев во времени.

Левкиевская Елена Евгеньевна
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ

Варвара Левонтина (Москва)

Фольклор маргиналов: о приметах курильщиков

Одним из основных предметов исследования в современной фольклористике и смежных областях гуманитарного знания (социальная антропология, культурология) становится современный городской фольклор, или постфольклор. Последний обычно характеризуется

принадлежностью набора текстов и ритуализованных практик конкретной социальной группе или субкультуре. «Постфольклор «полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы» [Неклюдов <https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>]. Особый жанр – жанр приметы. Помимо старых общеизвестных примет вроде черного кота или бабы с пустым ведром, рождаются и новые. Например, профессиональные – будь то актерское «сядь на текст, если уронил» или «если первый посетитель – женщина, чаевых не будет» у официантов.

В отдельную группу, имеющую собственный фольклор, можно выделить и курильщиков. Вообще курение – тема, располагающая к фольклору. Здесь и страшилки, которые рассказывают в основном с целью отвадить от курения. Есть и совершенно особый жанр «присказок», сопровождающих зажигание сигареты другому человеку вроде «сначала друзьям, потом бл*дям» или «красивые девушки сами себе не прикуривают». Очень интересно рассматривать с точки зрения фольклорных механизмов, как курение обрастает мифами, приметами и поговорками, прямо на наших глазах наполняясь дополнительным символическим содержанием. Важно, что курение задает определенный образ жизни, и целый пласт ритуалов, и определенную общность людей – курильщиков. Такое явление требует и своего языка, и своего фольклора.

Одна из примет формулируется так: «Желтый крикет – к мусорам» или «Желтый крикет – тебя примут». Согласно этой примете, использование желтой зажигалки фирмы Cricket может привести к встрече с полицейскими. Первоначально легенда про желтый крикет, по-видимому, возникла среди наркоторговцев, от них перешла к другим представителям курящего сообщества, не заинтересованным в подобной встрече – несовершеннолетним.

Проведенный опрос (возраст информантов 16-24 года) показал следующее: 33% опрошенных слышали о том, что желтая зажигалка предвещает что-то плохое; 12% знают, в чем именно состоит примета. Опрос также показал, какая часть курильщиков не готова пользоваться желтой зажигалкой именно из-за приметы. Попутно выяснилось, что есть и вариант этой приметы, состоящий в том, что желтыми зажигалками пользуются наркоторговцы (то есть характерным образом сохраняется связь между объектами, но утрачивается суть этой связи). Ср. текст исполнителя PlanLine «Чекаем»:

Напрягают очень мусора на обочине
В руках желтый крикет, пацы дайте сигу
Мусор махает ксивой, ГИБДД России...

Здесь не очевидно, у кого зажигалка, у героя или у полицейского, и не факт, что «мусора на обочине» следствие именно желтого крикета, остается только зловещий образ: желтый крикет – полиция – беда.

Возникновение подобных примет обусловлено желанием человека хоть как-то обезопасить себя в мире, где он почти ничего не может предвидеть и контролировать. Интересно, что существует и другая примета, связанная с желтой зажигалкой, распространенная уже среди автомобилистов: «Желтая зажигалка – к аварии». Еще встретились несколько упоминаний приметы «Желтая зажигалка (в быту) – к безденежью». Трудно сказать, почему именно в желтых зажигалках людям видятся причины всех бед, хотя, безусловно, существует стигма, связанная с желтым цветом: «цвет безумия», «болезненный цвет», «желтый дом» – все эти стереотипы формируют тревожное и осторожное отношение к желтому.

Ирина Левонтина (Москва)

Маргинальные отрицания

В русском языке, помимо самого слова *нет*, есть еще несколько единиц, некоторые из которых можно считать его словообразовательными или фонетическими вариантами; не все они даже фиксируются на письме. Так, по-русски можно отрицательно помычать или сказать что-то вроде *а-а*, обязательно со специфической гортанной смывкой, с ударением на первом [а] и чтобы оба [а], особенно первый, были краткими. Вместо [а] могут также быть звуки типа [у], [э], [ь]. В докладе рассматриваются некоторые из отрицательных выражений. Как оказывается, обычно они отличаются от *нет* не только стилистически, но и семантически.

Слово *нетушки* имеет гораздо более узкое значение, чем *нет*. Оно выражает идею отказа, причем сопряженного с какими-то эмоциями. Нормально:

- *Пойди помой посуду!*
- *Нетушки, я уже вчера мыл;*

При этом невозможно:

- *У нас стаканов-то хватит?*
- **Нетушки!*

Это слово, связанное именно с отказом в пустяковых просьбах и слегка детское, в разговоре взрослых может звучать несколько кокетливо. Но при всей детскости это весьма решительное слово, полемичное, даже, возможно, конфликтное. *Нетушки* подразумевает, что говорящий видит, что против него строятся какие-то козни, но уверен, что его никто не сможет обхитрить; часто это слово фигурирует и во внутренней речи.

Гораздо шире значение слова *не-а* (*неа*). Оно выражает не только отказ, но и отрицание истинности утверждения или отрицательный ответ на вопрос; ср.

- *Пойди помой посуду!*
- *Не-а, я уже вчера мыл;*
- *У нас стаканов-то хватит?*
- *Не-а!*

Не-а, однако, невозможно в ряде контекстов, где употребляется *нет* (**Не-а, ну какой подлец!*). Разумеется, *нетушки*, выражающее отказ в просьбе, здесь тем более невозможно.

Неа, в отличие от *нетушки*, не полемично и не конфликтно. Неправильны сочетания **Ан неа*, **А вот и неа*, зато *неа* хорошо сочетается с такими «равнодушными» единицами, как *да ну* и *неохота*. Особенно характерны для этого слова контексты пассивного сопротивления и незнания.

Совсем иная ситуация с разговорным *не* в значении ‘нет’ (Существует и эмфатический растянутый вариант *нее*)^[32]. Разница между *не* и *нет* скорее стилистическая. *Не* фигурирует и в собственно отрицательных контекстах (– *Придешь?* – *Не, неохота*), и в фатических (*Не, ну какой дурак!*). *Не* в современном языке, особенно в интернет-коммуникации, часто используется в конце высказывания в значении ‘не так ли?’ (*Это довольно странный поступок, не?*). Заметим, что растянутый вариант в последних двух примерах неуместен.

Стоит отметить и еще одно обстоятельство. Русское *нет* может выступать не только в роли частицы, но и в функции отрицательного глагола с экзистенциальным или посессивным значением (*Их там нет; У меня нет денег*). Все рассмотренные выше варианты соотносятся только с *нет*-частицей, но не с *нет*-глаголом (**Их там нетушки, *У меня неа/не денег*). Зато у *нет*-глагола есть свой вариант – *нету*. *Нету*, в свою очередь, не может использоваться в контекстах типа: – *Ты его знаешь?* – **Нету; Это странный поступок, *нету?* и т. п. Нельзя, однако, не вспомнить хрестоматийный пример из «Евгения Онегина», в котором *нету* все-таки используется в качестве отрицательного ответа:

Представь меня. — Ты шутишь. — Нету.

До середины XIX в. такое иногда встречается.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольский, Левонтина 2009 — *Добровольский Д. О., Левонтина И. Б.* 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) // *Арутюнова Н. Д. (отв. ред.).* Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 400-410.

Левонтина Ирина Борисовна
к.ф.н, в.н.с. ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН

В. И. Легких (Мюнхен, Германия)

Радуйся, граде Муроме: гимнография муромским святым

Первым святым, связанным с Муромом, был св. Глеб, Муромский князь. Однако, так как он был канонизирован вместе со старшим братом, Муром в службе не упоминается. На Макарьевском соборе 1547 г. были канонизированы Муромский князь Константин с чадами и свв. Петр и Феврония. В 1620 – 1630-х гг. началось почитание Иулиании Лазаревской. Кроме того, к «муромской» гимнографии можно отнести акафист «муромской» иконе и службу св. Василию Рязанскому.

К «ранней муромской» гимнографии можно отнести службы св. Константину с сыновьями и свв. Петру и Февронии. Обе службы были написаны гимнографом Макариевского круга Михаилом и состоят по большей части из заимствований. Служба св. Константину Муромскому, видимо, относится к наиболее ранним творениям гимнографа и составлена по модели служб свв. Борису и Глебу и св. Владимиру. Кроме того, в службе встречаются заимствования из службы св. Христине, память которой празднуется в 24 июля вместе со свв. Борисом и Глебом. Служба свв. Петру и Февронии состоит из двух пластов, один из которых написан монахом Пахомием, а второй – монахом Михаилом. При анализе первого пласта можно говорить о некоторой оригинальности, но второй пласт практически целиком состоит из заимствований, преимущественно из апрельской минеи. Модели выбраны бессистемно, поэтому здесь сложно говорить об адаптации песнопений для новых святых. Эта служба впоследствии была практически целиком заимствована в службу свв. Владимиру и Агриппине Ржевской.

Служба св. Иулиании Лазаревской известна по рукописям XVII – XVIII вв. Эта служба показывает более тщательную адаптацию заимствований. Канон службы и стихиры на «Хвалитех» взяты из общей службы преподобной, также есть заимствования из служб другим преподобным. При этом каждое песнопение адаптировано к образу преподобной и, в отличие от службы свв. Петру и Февронии, здесь не встречаются песнопения, противоречащие житию св. Иулиании.

Прославление муромских святых способствовало сакрализации и самого города, но особенно ярко это проявилось в начале XXI в. после появления праздника любви и верности, приуроченного к памяти свв. Петру и Февронии. Несмотря на то, что праздник был учрежден относительно недавно, уже можно говорить о формировании определенных традиций и суеверий, связанных с этим днем. Особенно интересны с этой точки зрения русский эквивалент «валентинок» - «февроньки», а также стихотворное творчество, посвященное свв. Петру и Февронии.

Легких Виктория Игоревна
канд. филол. наук. Technische Universität, München

Алексей Лидов (Москва)

«Сакральный остров» в биографии и иеротопии патриарха Никона

Деятельность патриарха Никона по созданию на Руси иконического образа «Святой Земли» с центром в подмосковном Новом Иерусалиме достаточно хорошо известна. Это, несомненно, один из самых грандиозных проектов создания сакрального пространства в мировой истории, включающего практически всю страну, которая покрывалась сетью новых монастырей и храмов, воспроизводящих топонимику священных мест христианства (Иверский Валдайский, Кийский Крестный, Воскресенский Новоиерусалимский и многие другие). Однако в этой глобальной теме есть свои маргинальные сюжеты, которые на поверку оказываются главными и имеющими абсолютно принципиальное значение для понимания явления в целом. Одним из таких сюжетов является удивительная приверженность патриарха Никона теме «сакрального острова», который становится своеобразным камертоном всего его духовного творчества.

Пережив жизненный крах (смерть троих детей) благополучный московский священник Никита Минин расстается с женой, уходит из мира в самый дальний и суровый монастырь того времени на Соловецких островах, но и там не остается в обжитом главном комплексе, но погребает себя в полной безвестности в ските на острове Анзер, так сказать в «пустыне пустынь». Оттуда начинается его восхождение к высшей власти.

В 1639 г., смертельно поссорившись с настоятелем скита Елеазаром Анзерским, Никон самовольно уплывает на материк вместе с крестьянином на маленькой лодке. Попадает в страшную бурю и чудом спасается на маленьком и безлюдном Кий-острове в Белом море недалеко от устья Онеги, где устанавливает мемориальный крест и дает обет основать на острове большой Крестный монастырь. Оттуда Никон отправляется в Кожеозерский монастырь, где остается несколько лет, правда, живет отшельником на одном из островов Коже-озера.

В данном контексте не удивительно, что оказавшись в ссылке в дальнем Ферапонтовском монастыре, одной из первых инициатив Никона становится создание на примыкающем к монастырю Бородавском озере искусственного острова, на котором устанавливается поклонный крест и келья, куда опальный и низложенный патриарх отправляется, как отшельник, для усиленной молитвы во время постов.

Однако главным островом патриарха Никона стал проект «Богоявленской пустыньки» около Новоиерусалимского монастыря на берегу реки Истры-Иордана, которая стояла на иконическом месте Богоявления (Крещения Господня). Речь идет о «Ските» или «Отходной пустыни», куда, по свидетельству современников и монастырских описей, Никон удалялся во время постов для уединенной жизни, молитв и аскетических подвигов. Она была начата и закончена в присутствии Никона в 1657-1662 гг.

Пустынь расположилась на специально для нее созданном искусственном острове: от реки был вырыт канал, образовавший ров с водой, окруживший остров. Место понималось как своего рода райский сад, там росли экзотические растения и находились редкие птицы – «павлины, павы и лебеди». Никон задумал пространство исключительной святости, которое по сакральному статусу было выше находившегося рядом монастыря. Работы над проектом происходили в период разрыва Патриарха и Царя в 1658-1662 гг., и в разговоре с ближними боярами Никон просит у Алексея Михайловича разрешения постоянно жить не в Воскресенском монастыре, а именно в своей маленькой «пустыньке».

Это приобретает особый смысл в контексте эсхатологических представлений, которые возникают у патриарха в связи с конфликтом с царем. Он не раз апеллирует к тексту Откровения Иоанна Богослова и образу апокалиптической «Жены, облеченной в солнце», в традиционном богословском истолковании - христианской Церкви в период гонений, которая прячется от преследований в пустыне, где истинная святость сохраняется от поругания (Откр.12:1-17). В этой связи замысел «Отходной Пустыни» как не только избранной символически значимой резиденции опального патриарха, но и центра русской святости приобретает особый религиозно-политический смысл. Кажется вполне допустимым, что Патриарх Никон мыслил свою «Пустыню» как новую духовную столицу «Святой Руси», которая одновременно должна была восприниматься как рай на земле.

В замысле Пустыни удивительным образом переплетались идеи и образы, воплощающие как общехристианские богословские, так и актуальные религиозно-политические смыслы, которые в сознании Никона были не отделимы от его личной судьбы.

Центром Отходной Пустыни было уникальное сооружение, не имеющее аналогов в древнерусской архитектуре и названное в древнейших монастырских описях «столп каменный о четырех апартаментах». С огромной вероятностью архитектурно-символический замысел принадлежит самому Никону, что делает «Столп» - важнейшим и до сих пор не вполне оцененным источником по истории русской культуры. Оно выглядит как четырехэтажный столп, на первом этаже которого располагаются хозяйственные помещения, на втором - комнаты клириков, на третьем - церковь Богоявления и покои Патриарха, на четвертом, открытом и находящемся на крыше этаже - круглая восьмигранная церковь св. апостолов Петра и Павла, маленькая келья Патриарха, в которой он уединенно молился, маленькая звонница, и гульбище на крыше, окруженное каменной балюстрадой. Именно четвертый этаж на крыше был задуман как высший в иерархии святости и предназначался лично для Никона.

Особый статус этого пространства подтверждается еще одной особенностью, которая была обнаружена относительно недавно в ходе реставрационных работ. Вся крыша Пустыни была покрыта белокаменными плитами от русских надгробий XV-XVI вв., разбитых на части и положенных вниз лицом (всего 148 фрагментов разного размера при общей площади крыши-гульбища). Они были принесены из неизвестного кладбища и использовались как особый сакральный материал. Ясно, что это было связано не с отсутствием обычного белого камня, но являлось специальным заказом Никона. По всей видимости, перенесенные на крышу надгробные плиты были призваны создать пространство исключительной святости, как бы находившееся между небом и землей. С другой стороны, в духе византийской традиции они же напоминали о призрачности и тщете земной жизни по отношению к Царству Небесному.

Наиболее очевидной частью замысла Патриарха была идея столпа, недвусмысленно воплощенная в четырехэтажном вытянутом по вертикали здании. Пребывающий в келии-затворе, служащий одинокую литургию в Ротонде, в окружении только изразцовых херувимов на стенах, ходящий по могильным плитам на крыше, Патриарх Никон легко мог себя представить между небом и землей, подобным древним

столпникам, изобретшим этот высший тип аскезы. Здесь можно вспомнить, что соименным святым-покровителем Никиты, так звали Никона до принятия сана, был русский столпник св. Никита Переяславский.

На наш взгляд, «Отходная Пустынь» в Новом Иерусалиме представляет собой важнейшую пространственную икону своей эпохи, за которой стоял глобальный религиозно-политический замысел. Пустыня должна была стать духовным центром «Святой Руси», вдали от погрязшей в суетливых интригах и других грехах Москвы. Мы точно знаем, кто был автором абсолютно оригинального архитектурно-пространственного и художественного решения. Патриарх Никон, соединивший в своем проекте видимое и мыслимое, материально конкретное и воображаемое, создал иконический образ-посредник такой глубины и силы, перед которым отступают все иконы на плоскости на Руси XVII века. В этом смысле Никон может быть впервые увиден как гениальный художник, продолживший и преобразивший великие традиции византийской и древнерусской иеротопии – особого вида творчества по созданию сакральных пространств.

Лидов Алексей Михайлович
Институт мировой культуры МГУ, акад. РАН

А. Л. Лифшиц (Москва)

О прагматике рукописных рецептов XVIII века

1. Усадебное хозяйство XVIII века сопровождается значительным числом текстов, которые должны были бы способствовать правильному его ведению. В соответствии со своими возможностями, образованием и предпочтениями владельцы усадеб заказывают издания «Флориновой» или списки «Лифляндской экономии», а иногда сами сочиняют «Инструкции о домашних порядках», как Тимофей Текутьев.

2. В качестве приложения к этим энциклопедическим наставлениям в рукописи попадают «домашние лечебники», «сельские коновалы» и многие другие незаменимые сборники советов и рецептов, которые отражают весь спектр европейской науки от эллинистических фантазий до средневековых алхимических трактатов и от «Травника Любчанина» до собрания заговоров.

3. Здесь наряду с безвредными ингредиентами соседствуют такие, которые привели бы в замешательство графа Дракулу, а традиционные рецепты фитотерапии перемешаны с советами приложить сырой хлебный мякиш или тушку свежеразорванного голубя к укусу бешеной собаки.

4. «Купоросный дух», например, входящий в иные рецепты спиртовых настоек в изрядном количестве, заставляют заподозрить, что то, что мы воспринимаем как гротеск у Гоголя, на самом деле является его немалой осведомленностью в практике русского XVIII, а затем уже и XIX столетий. Рецепты водок дополняют домашние справочники весьма нередко и позволяют сделать некоторые выводы об их актуальности и о том, как они могли использоваться.

5. Выясняется, что ботаническая номенклатура оказывается весьма подвижной и далеко не всегда может быть истолкована однозначно, даже если слово хорошо читается. Выбор между укропом и фенхелем, несомненно, скажется на вкусе напитка, но еще больше – выбор между физалисом и можжевельником, которые оба могут быть обозначены как «можуха».

6. Значительное количество неточностей добавляет разнообразия в конечный результат. Так, сходные рецепты могут содержать 6 или 60 золотников (примерно 25 и 250

граммов, соответственно) какого-нибудь перца-кубебы в результате ошибки переписчика, что может стать критическим при использовании относительно ядовитых трав и корневищ.

7. В результате неверного прочтения появляются невероятные названия. Если в траве «макран» можно увидеть искаженный майоран, если «мардамон» вызовет оторопь, поскольку идет следом за кардамоном, то опознать болотную мяту (*Mentha pulegium*) в написании «тулегу» гораздо сложнее. Некоторые названия не опознаются вовсе.

8. Часть рецептов, очевидно, происходят из европейской ученой книжности и представляют собой будто бы записанную со слуха латынь, которую можно угадать по характерным окончаниям существительных. В лучшем случае можно догадаться, что трава «перетрун» представляет собой одомашненный родственник *Piretrum*'а.

9. Замечательно, что в оригинальных сочинениях, как в той же «Инструкции» Текутьева, многокомпонентные рецептуры практически отсутствуют, уступая место простым настойкам, а подкрашенные «канцелярным семенем» «аптечные водки», подобные упоминаемым Иваном Посошковым «апоплектиковой» и «цефаликовой» или «алексиру витематиоли», во второй половине столетия выходят из употребления.

10. Собственно, сложность и практическая невозможность сначала опознать, а затем отыскать ингредиенты для большинства рецептов свидетельствуют, о том, что они больше отвечали идее полноты бытия в усадебном микрокосмосе и прежде всего были данью моде, нежели актуальными инструкциями.

Лифшиц Александр Львович
к.филол.н., доцент Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского
университета "Высшая школа экономики"

П. В. Лукин (Москва)

Маргинальные сюжеты в новгородско-ганзейских источниках XV в.

Отношения между Великим Новгородом и Ганзой изучаются давно и плодотворно, однако основное внимание уделялось торговым связям и дипломатии, отчасти также (особенно в последнее время) данным ганзейских источников о социально-политическом строе Новгорода. Однако в них имеются также сведения о неформальной стороне отношений между ганзейскими купцами и новгородцами. Как правило, о ней мы узнаём из переписки между немецкой купеческой общиной в Новгороде («ганзейской конторой») и властями ливонских ганзейских городов, внутриганзейской переписки и иных документов, которые возникали в связи с теми или иными конфликтными ситуациями – тайными или явными нарушениями запретов. Наличие такого рода документов выгодно отличает новгородско-ганзейские источники от тех, которыми обычно пользуются историки древней Руси (летописи, акты), поскольку фиксируют не только должное, но сущее.

В литературе уже обращалось внимание на то, что нормы, которые регулировали отношения между ганзейской купеческой общиной в Новгороде и новгородцами (устав двора св. Петра – Новгородская скра, договоры), соблюдались далеко не всегда и не полностью. Но обычно в связи с этим затрагивались «серьёзные» вопросы (например, о торговле в кредит, которая была формально строго запрещена, но тем не менее всегда существовала). В докладе будет сделан акцент на ситуациях, наиболее ярко характеризующих, во-первых, практику обмана в новгородско-ганзейской торговле (например, история булыжника-путешественника, который новгородцы подложили в проданный ганзейским купцам воск, а тот в конце концов оказался во Фландрии); во-

вторых, практику нарушений запретов, как ганзейских, так и новгородских, которые призваны были затруднить неформальные контакты между немцами – обитателями двора св. Петра в Новгороде и новгородцами (распитие новгородцами пива в трактире на Немецком дворе, посещение молодыми немецкими купцами бани в Новгороде, где они отдыхали в обществе местных женщин, играя в азартные игры).

Есть основания полагать, что на такого рода нарушения, формально строго запрещённые, на практике могли смотреть сквозь пальцы, воспринимая их как своего рода неизбежное зло. Также на основании таких материалов можно сделать и некоторые более общие выводы по поводу соотношения между образами «чужих» в источниках идеологического характера и в документах делового назначения.

Лукин Павел Владимирович
д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС

К. В. Лученко (Москва)

Доверие vs алгоритмы: правда и ложь в медиа

Эксперты «Ниман Лаб», одного из крупнейших аналитических центров, специализирующихся на медиа, назвали среди основных тенденций на ближайшие годы digital dissensus, цифровой диссенсус, смерть консенсуса: люди будут подвергать сомнению всё и ничто больше не будет правдой, они всё меньше доверяют традиционным институтам – журналистике, государственным учреждениям, экспертным сообществам, НКО и тд. А не верить никому так же иррационально и деструктивно, как и верить всем. И то, и другое – полюса постправды.

Главное, что характеризует постправду: сила эмоционального воздействия превалирует над фактическим содержанием. Это приводит к усилению слухов, мнений, распространению конспирологических теорий, тотальному скепсису, сегментации, дроблению информационных пространств. Катализаторами этих процессов выступают два фактора:

- политические и общественные перемены – например, кейс Трампа, рост правого популизма в Европе, Брекзит и так далее;

- развитие соцсетей, изменение всего информационного ландшафта, способов производства, переработки и потребления информации

Важную роль играет и вступление в активную жизнь выросшего «поколения Z», которое родилось уже в цифровое время и не застало классическую модель производства информации. Примерно с 2013-2014 постепенно стал происходить отказ от признания правдивости этой стандартной для XX-го века машины по производству новостей. И в 2016-м году, когда «постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря, этот кризис достиг своего пика и человечество продолжает жить внутри него.

Один из главных вопросов: конечный пользователь, сторона приёма информации, каждый конкретный человек в медийном пространстве – это объект манипуляций или субъект критического мышления? Превращается ли он из потребителя, аморфной, но сверхценной целевой аудитории, винтика в машине, в самостоятельного актора? Совершает ли человек этот выбор каждый день и какие у него для этого есть инструменты?

Вся классическая теория медиа – от Ласуэлла и Лазерсфельда до Маклюэна, Барта и Бодрийера – написана в той или иной степени медиадетерминистами, которые считают, что технологии воздействуют на человека. В теории медиа пользователь максимально объективирован. При этом те, кто занимается разработкой технологий, программисты и

математики, гораздо более скептически относятся к антиутопиям о порабощении человека машинами и массовых манипуляциях обществами. Их вера в человеческий разум и гуманистичность в среднем выше. Тут мы, вероятно, (непроверенная гипотеза) имеем дело с тревогой: гуманитарии плохо понимают, как устроены технологии, как они работают, и ими владеет тревога, страх будущего, а у «технарей» больше рационального понимания, отсюда их сдержанный технооптимизм.

Есть два способа описания отношений человека и алгоритма, подбирающего ему информацию, – через метафоры «эхо комнаты» и «пузыря фильтров» (echo chamber и filter bubble). В случае с пузырьком, алгоритм создаёт повестку дня и отбирает для пользователя информацию, управляет им. В ситуации эхо-комнаты пользователь своим поведением сам влияет на то, как настраивается алгоритм. С виду картинки (и, возможно, итоги) могут выглядеть одинаково. Но в пузыре субъектом становится машина, а человек бихевиористски реагирует на раздражители, в случае эхо-комнаты, субъект конструирует реальность под себя. Большие СМИ не всегда могут уловить эту самостоятельно сформированную повестку, их задача теперь отчасти состоит в том, чтобы попасть в границы интересов пользователей, проникнуть в их эхо-комнату. Доверие становится ресурсом. В цифровом мире оно исчислимо, может выражаться в конкретных величинах.

Лученко Ксения Валерьевна
к.ф.н., заведующая кафедрой теории и практики медиакоммуникаций
ИОН РАНХиГС

Е. Н. Марасинова (Москва)

Мораторий на смертную казнь и наказание покаянием в России XVIII века: трансфер идей и практик

Доклад посвящен феномену моратория на смертную казнь в России середины – второй половины XVIII века и использованию церковных практик для наказания преступников в контексте сложного трансфера идей Просвещения, пиетизма и православных догматов.

Негласная отмена смертной казни, выдержанная на протяжении всего двадцатилетнего правления Елизаветы Петровны, была непосредственно связана религиозным сознанием императрицы и ее клятвой перед образом Спаса, о чем свидетельствуют воспоминания современников и введенный после удачного переворота 1741 года обряд особого почитания иконы. Однако российский опыт оказал сильное влияние на просветительские идеи Чезаре Беккариа, который назвал его «блистательным примером, имеющим большую ценность, нежели победы, одержанные ценой крови сынов отечества». Осуществленный в России мораторий стал важным аргументом в борьбе философа за отмену казни в его родном городе Милане, где позднее на его монументе

были запечатлены слова: «Если я докажу, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, то я выиграю дело человечества».

В рассуждениях о пагубности смертной казни Екатерина ни разу не ссылается на мораторий Елизаветы Петровны, в Наказе глава X «Об обряде криминального суда» полностью заимствована из трактата Беккария и упоминание о примере России является лишь цитатой итальянского философа. В то же время ни в Наказе, ни в других публицистических произведениях, ни в переписке не встречается мотив актуализации церковных практик для увещевания преступника и его нравственного исправления. Между тем, высочайшие конфирмации приговоров Сената по делам убийц и законодательные акты, ограничивающие применение пытки при дознании, демонстрируют явное влияние на императрицу идей пиетизма. Использование слова Божьего при побуждении преступника к признанию и превращение покаяния в монастыре в одну из важных форм наказания становятся неотъемлемой частью уголовных разбирательств и приговоров именно в результате конфирмаций императрицы. При этом есть основания полагать, что постулаты пиетизма императрица усвоила не на родине во время своей юности, а уже в России под воздействием духовного наставника Симона Тодорского, который лично знал многих Галльских пиетистов и переводил на русский язык их труды.

Таким образом, мотивационные причины введения моратория на смертную казнь в России, влияние этого феномена на взгляды и деятельность Чезаре Беккария, а также использование текста его трактата «Преступления и наказания» в Наказе Екатерины II и опосредованное воздействие идей пиетизма на судебную практику показывают сложный механизм трансфера второй половины XVIII века.

Марасинова Елена Нигметовна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

К. А. Маслинский (Санкт-Петербург)

Сто лет счастья в детской литературе (1920—2020) — контексты и семантические трансформации

В современной антропологии и истории эмоции рассматриваются как культурно обусловленные категории, которые индивид осваивает и присваивает во многом в результате процесса социального обучения. Важнейшую роль при этом играет язык, предлагающий лексические категории для обозначения эмоций, и узус, указывающий уместные контексты для их употребления. В этом смысле эмоции оказываются категориями культурно обусловленными и исторически изменчивыми, а их конкретная семантическая нагрузка и контексты употребления — инструментом для анализа субъектности прошлых эпох.

Для российского случая счастье — одна из интересных в историческом отношении эмоциональных категорий. Особое политическое значение эта категория приобрела в сталинскую эпоху, когда счастье было сложным образом вплетено в дихотомию публично выражаемых и приватно переживаемых эмоций (Fitzpatrick 2004). Задача доклада — поставить этот момент в политической истории счастья в России в несколько более широкие исторические рамки. На материале Корпуса русской прозы для детей и

юношества (1920—2020) можно проследить семантические трансформации категории счастье в сталинскую и послесталинскую эпохи, а также проанализировать историческую динамику характерных контекстов, в которых это семантическое гнездо возникает в текстах.

В художественной прозе, адресованной детям и юношеству, счастье — достаточно часто упоминаемая категория, слова этого семантического гнезда (*счастье, счастливый, счастливо*) в среднем встречаются в корпусе 225 раз на миллион слов (это сравнимо с частотностью таких слов как *девчонка, сердце, камень*). Около 30% из этих употреблений приходится на устойчивые выражения, со значением 'удача' (*на счастье, к нашему счастью, счастливо!* и т.п.). Такой уровень частотности и общий объем корпуса позволяют использовать для анализа исторических изменений в семантике слова современные методы дистрибутивной семантики. Для этого тексты корпуса делятся на досталинский, сталинский и послесталинский периоды по каждому периоду строится модель, основанная на анализе совместной встречаемости слов (word embeddings). Сравнительный анализ ближайших семантических «соседей» счастья в этих моделях позволяет судить о сдвигах в семантике категории счастья в целом (Fomin et al. 2019). Автоматизированный синтаксический анализ контекстов позволяет отследить изменения в частотности глаголов, управляющих счастьем (искать счастья, бороться за счастье, пожелать счастья и т.п.).

В целом материал корпуса детской литературы и количественный подход к историческому анализу семантики категории дает новые данные для обсуждения вопросов о том, насколько значительной была семантическая трансформация категории счастья в литературе в сталинскую эпоху и есть ли в детской литературе свидетельства «десталинизации счастья» в последующий период?

Литература

Fitzpatrick 2004 — *Fitzpatrick S. Happiness and Toska: an essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia* // *Australian Journal of Politics & History*. 2004. Vol. 50(3). Pp. 357-371.

Fomin et al. 2019 — *Fomin, V., Bakshandaeva, D., Rodina, J., & Kutuzov, A. (2019). Tracing cultural diachronic semantic shifts in Russian using word embeddings: test sets and baselines. In Proceedings of the International Conference "Dialog" (Issue 17) (RSUH) (Moscow) (pp. 213-227).*

Маслинский Кирилл Александрович
к. и. н., заведующий Лабораторией цифровых исследований литературы и фольклора
ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН.

Т. А. Матасова (Москва)

Судьба текста древнерусского перевода «Географии» Помпония Мелы в средневековой Руси: маргиналии на рукописях и их интерпретации

На протяжении многих лет я исследовала рукописи, в которых содержится уникальный памятник переводной книжности – перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы^[33]. Это был один из самых любимых итальянскими гуманистами текстов древности, который они многократно переиздавали начиная с 1471 г. Перевод этого памятника был осуществлен в конце XV столетия, по-видимому, греками из окружения Софьи Палеолог. Античный автор-язычник запечатлел в своем произведении многие легенды, обычаи и верования древнего мира. Он описывал храмы и статуи античных богов, языческие традиции и прочие чуждые русской культуре элементы. Подобные свидетельства могли оказаться в своего рода маргинальном положении в русском мире.

Тем не менее, этого не произошло. Напротив, текст Помпония Мелы довольно скоро вошел в круг относительно распространенных памятников русской переводной письменности. На сегодняшний день известно семь (!) списков этого текста XV-XVII вв. Сравнительный анализ списков показал, что, по-видимому, каждый из них мог иметь свой протограф.

Такое количество копий говорит о том, что это памятник был важным «фактом» русской книжной культуры XV-XVII вв., оказывался предметом интереса и рефлексии. Он читается как в сборниках сугубо богословского характера (конец XV – середина XVII вв.), а также в сборниках исторического (середина XVII в.) и географического содержания (конец XVII в.).

Примечательно, что известия античного автора стихийно встраивались читателями рукописей в традиционное христианское, богословское, провиденциальное осмысление действительности. Об этом заставляют задуматься редкие, но показательные маргиналии в рукописях, содержащих списки рассматриваемого произведения. Это маргиналии разного рода. Некоторые маргиналии свидетельствуют о поиске библейских аналогий (например, помета «псалом» в одном из ранних списков напротив известий о природе Египта, говорящая о поиске читателями близких в образном отношении фрагментов библейского повествования для сопоставления с весьма колоритными, явно неожиданными для читателей той поры данными, которые приводит римский автор). Другие говорят о бытовании списков в отдаленных регионах России: одна из рукописей конца XVI столетия происходит из Усть-Сысольска (современного Сыктывкара), а один из ранних списков (дефектный список конца XV в.) происходит из библиотеки Соловецкого монастыря.

Подобные детали позволяют рассуждать о том, что текст, казалось бы, обреченный на маргинальность в русской традиции, превращается в важную составляющую интеллектуальной культуры средневековья. Некоторые списки этого памятника, переведенного, по-видимому, в одном из крупнейших книжных центров, где оформлялся вектор развития русской книжности эпохи завершающего этапа складывания единого государства (по всей видимости, Москва или Новгород), сравнительно быстро стал известен в периферийных, «маргинальных» в ту пору регионах страны – на Севере и Северо-Востоке. Это говорит о довольно быстром процессе вовлечения этих дальних краев в актуальные для той поры духовные и интеллектуальные искания.

Матасова Татьяна Александровна
кандидат исторических наук, доцент
заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Е. А. Мельникова (Санкт-Петербург)

Осуществление культуры или вопрос о том, куда втыкать зубочистку в музее коломенской пастилы^[34]

Программа одного из современных музеев, созданных в Коломне в недавнее время, включает дегустацию нескольких видов пастилы, изготовленных по старинным рецептам местной фабрики. Каждое утро перед началом экскурсионной программы два буфетчика готовят чаепитие, расставляя в зале чашки с чаем и блюда с коломенскими лакомствами. К этому времени ведущие программы, администратор, координатор, встречающий гостей у выхода, и оба буфетчика одеты в стилизованные исторические костюмы и полностью готовы к приему гостей. Последнее, что остается сделать, это воткнуть зубочистку в один из шести кусочков пастилы на каждом блюде, предназначенном для будущих участников

программы. Это малозначительное для постороннего наблюдателя действие не только не является произвольным в прагматике всего мероприятия, но определяет сценарий всех культурных программ этого дня. Прежде чем буфетчик воткнет зубочистку, ведущие должны решить, кто из них работает в первом зале, а кто во втором, какую именно историю будет рассказывать ведущая, приглашая гостей насладиться местным специалитетом, как именно коломенская пастила будет вплетена в ткань этой истории, и с чего начнется сама эта история. Только после того, как все эти вопросы решены, и буфетчику сообщили о принятом решении, он втыкает зубочистку в выбранный кусочек пастилы и относит блюда в дегустационный зал.

В своем докладе я обращаюсь к вопросу о том, как создается «культура». Наследие просвещенческой идеологии заставляет нас воображать «культуру» в форме ограниченного ресурса, владение которым и доступ к которому являются важными элементами социальной стратификации. «Культурность» или «культурный капитал» в терминах Пьера Бурдьё – это важный ресурс, конвертируемый в статус, авторитет и другие формы капитала. Как следствие, «культура» видится в форме выделенной сферы повседневной жизни и экономики. За «культуру» отвечают специальные институции – дома культуры, театры, музеи, галереи – и специальные люди – художественные кураторы, музейные сотрудники, преподаватели школ искусств и т.д. Границы же самой «культуры» оказываются объектом постоянного утверждения и манифестации. Люди, чей статус, авторитет и попросту работа непосредственно зависят от уровня дефицитности и недоступности предоставляемого ими ресурса «культуры» и «культурности», стремятся поддерживать и укреплять эти границы. Разделение культуры на «высокую» и «низкую», «настоящую» и не «совсем культуру», а также определение «культуры» как области производства, где есть те, кто ее создают и те, кто ее потребляют – все это особенности того взгляда, с которым мы сталкиваемся сегодня и в исследовательской литературе, и в разговоре с сотрудниками различных культурных учреждений. Такой подход неизбежно ставит перед нами каверзные вопросы о том, какое отношение к «культуре» имеет уборщица, протирающая стеклянные витрины в художественном музее, и можно ли рассматривать любительское Stand Up шоу в одном ряду с концертами Теодора Курентзиса.

В своем исследовании я хочу пойти другим путем, отказавшись от выделения «культуры» как ограниченной области жизни и производства значений. Вместо этого я предлагаю рассматривать множественные «культуры», которые осуществляются в разных местах, разных ситуациях и разными людьми, а также требуют разных процедур и разных инструментов. Не пытаюсь свести все это многообразие форм и контекстов к какому-то единому понятию «культура», я, наоборот, надеюсь показать их принципиальную несводимость к общему знаменателю. Источником вдохновения на этом пути для меня служит работа Аннмари Мол «Множественное тело», и, хотя в этой книге Мол говорит о медицине и болезнях, а вовсе не о культуре и городских ДК, предложенный ею подход позволяет решить многие проблемы и в этой области тоже.

Рассматривая те операции и взаимодействия, с помощью которых в совершенно определенных условиях осуществляется (*enacted*) «культура», мы можем понять, какую роль играет в ней зубочистка и буфетчик, в чьи обязанности входит воткнуть ее в кусочек пастилы.

Доклад опирается на материалы полевых исследований 2019 — 2021 годов в г. Коломне и ряде других городов.

Мельникова Екатерина Александровна
канд. ист. наук, заведующая отделом этнографии восточных славян и народов Европейской части
России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
доцент факультета истории Европейского Университета в Санкт-Петербурге

М. В. Мельникова (Москва)

Фотография в романе Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи»

Роман «Мастер Джорджи» (Master Georgie, 1998) посвящён судьбе врача-хирурга; повествование начинается в Англии и заканчивается на поле боя Крымской войны, где погибает главный герой. Действие произведения разворачивается во время Викторианской эпохи; «Мастер Джорджи» – неовикторианский роман, для которого характерно отождествление художественного вымысла и исторического прошлого, ностальгическое обращение к минувшим годам. Главный герой терпит кризис жизнеутверждения, поскольку не может найти своё место в обществе.

Формально текст разделен на 6 глав, это означает, что произведение распадается на 6 фотографий и описание событий, сопряженных со снимками. Таким приёмом Бейнбридж добивается формирования в сознании читателя не только словесного описания событий, но и визуального образа. Автор расширяет границы читательского понимания произведения, поскольку «...чувства, скорее, кристаллизуются вокруг фотографий, чем вокруг словесных лозунгов^[35]».

В романе о большинстве кадров упоминается, но их детального описания нет; известно, что основным фотографом является главный герой. Замысел Б. Бейнбридж изобразить жизнь и смерть человека во время военных действий успешно реализуется в «Мастере Джорджи» благодаря композиции произведения, которая «представляет собой серию кульминаций^[36]». В каждой главе описывается событие, ставшее для рассказчика эмоциональным потрясением. Характер главного героя даётся фрагментарно на основании впечатлений второстепенных персонажей, мастер Джорджи показан чужими глазами и только в критических жизненных ситуациях.

Принципиальное значение имеет увлечение Джорджи только появившимся фотографическим ремеслом. Фотограф – носитель сакральных знаний о том, как перенести реальность на медную пластинку и поймать момент, когда человек между жизнью и смертью. Все «участники» фотографии на время экспонирования замирают на длительный промежуток времени, словно мертвые; часто на снимках наравне с живыми людьми присутствуют трупы, что считалось в Викторианской Англии абсолютной нормой, но шокирует современного читателя. Пластинки главного героя постоянно темнеют раньше срока, скрывая изображение, что является логичным дополнением расплывчатого образа персонажа и символизирует отсутствие явной границы между жизнью и смертью.

Для героев романа фотографическая пластинка – материальное воплощение прошлого, возможность снова попасть в ушедший момент. Персонажей интересует не столько само изображение, сколько мысли и чувства, связанные с событием, отраженным на пластинке. Обладание на войне постепенно темнеющим дагерротипом с изображением событий мирного времени помогает героям не забывать, что «настоящая реальность» существует, а война, на которой жизнь и смерть соседствуют, рано или поздно закончится.

«Экзотическое» для Викторианской Англии ремесло фотографа позволяет реализовать мотив «присвоения». При акте фотографирования объект попадает на медную пластинку, которая принадлежит фотографу. Если возможности обладать самим объектом нет, то есть вполне реальный способ владеть его изображением.

Таким образом, фотография в романе Берил Бейнбридж «Мастер Джорджи» является: структурным элементом, позволяющим разделить повествование на 6 частей, способом раскрытия характера главного героя, средством, помогающим реализовать диалог прошлого и настоящего и мотив «присвоения».

Михаил Михеев (Москва)

Может ли *Хондакори* считаться жанром русского стиха?

От коллеги, который работает в Японии, я узнал, что у японцев существует стихотворный жанр, называемый *хондакори*: «Он состоит в том, что берется небольшой отрывок из какого-то известного стихотворения и к нему приделывается продолжение, причем это продолжение не должно полностью находиться в русле исходного стихотворения – смысл в придании ему другого развития (но не пародического). Жанр этот очень старый, но используется и современными поэтами. По-японски "хондакори" значит примерно "следуя основной песне" (т.е. стиху)»^[37]... – Отсюда следует сделать вывод, что сам жанр держится как минимум двумя ограничивающими друг друга противоречиями: не повторяй того, что уже сказано, продолжай тему, не возражая автору и не отходя от его замысла...

Вот как можно было бы иллюстрировать это на русском языке. Последуем, например, за строчками (ниже выделенными курсивом) – современного московского поэта Михаила Кукина:

Над шапками гортензий
столь проста
и столь легка
капустница витает (М.К.)
и крылышек своих не опускает
вспорхнет слегка
как будто неспроста
и ими шевелит
сев на главу куста
одолевая сон своих фантазий
лишь лето спит
и только время тает

Или же – за строчками в продолжение стихотворения Гавриила Державина «Ко второму соседу» (1791):

Надежней гроба
дома нет
богатым он отверст
и бедным (Г.Д.)
за ним на трапезе бесхлебной
возможно повстречаем всех
от самых ранних наших лет
до мест забвеньем прикровенных
с кем разлучила вдруг хвороба
иль жизни окаянной злоба

(Писать в условно-архаизированной манере, «попадая в стиль» автора, конечно, тем сложнее, что многие слова в русском языке имеют сейчас совсем не то значение, какой

имели раньше у самого Державина – как, к примеру, форма глагола *зря* в стихотворении «Ко мне ты страстью тлеешь...» (1776): *Я зря тебя прельщаюсь...*)

Встающий тут же вопрос: а есть ли (был ли когда-нибудь и сколько-нибудь развит) также в русской традиции сам жанр, сходный с японским *хондакори*, т.е. продолжение чьего-то заданного заранее примера, со следованием в его духе, или за его замыслом как образцом? Причем, не просто какая-то выхваченная цитата, не ссылка на чужую строчку и не ее «передергивание» (как это обычно очень часто у нас бывает), не парафраз с отталкиванием от оригинала, но именно его развитие, намеренное движение в русле угадываемой мысли, которая была заложена первоначально у автора, на которую опирается тот, кто внимательно следует за вдохновившим его чужим текстом? Почему-то кажется, что особенности российской национальной традиции (в отличие от японской или и вообще – от восточной?) к данному роду подражаний на русской почве все-таки не располагают...^[38]

На русской почве *хондакори* можно было бы отдаленно соотнести с тем, что по-английски называется *Found poetry*, т.е. «найденной, или собранной» поэзией: это «стихотворения, которые создаются с использованием чужих слов, фраз или структур. Слова могут быть взяты из книг, других стихотворений, речей, из каких-то далеких от поэзии источников: газетных заголовков, гороскопов, статей из словаря, подслушанных разговоров или из любого другого письменного или устного источника. <Они> не принадлежат самому поэту, но их организация — вот что важно. Поэт переосмысливает значение слов и реорганизует или переконтекстуализирует их, чтобы создать что-то новое, <свое>»^[39].

Тут же еще один вопрос: как следовало бы назвать подобные стихи по-русски, если бы сам жанр *хондакори* все-таки и у нас существовал на вполне законном основании, – помимо собственно родового наименования, по-видимому – Подражание стихотворное, Стилизация, Пастиш?^[40] Вот из предлагавшихся мне во время обсуждения (проведенного по эл. почте, осенью 2020, в приватном порядке) вариантов: Ве"ршки-корешки; Стишки-перекурвышки; Коллаж-бриколаж; Собиралки (Лоскутная поэзия); Перетасовки, Стихотворное лего; Ворчалки-огрызалки; Перепёры (Передёры-передраны); Приколы-и-отчебучи; Центон-пастиш-травестийное одеяло; Катахреза-(без-вреза); Инкрустация (со-словесной-фрустрацией); Рифмоплетная перистальтика-никак-не-перистантьень-ка (или даже: Сти**ёчки, Сми**ёчки-да-***дихаханьки; **еплётки-**еплетины)... итд.

Как можно видеть, практически во всех случаях предлагаемые наименования уводят от японских аккуратно выдержанных рамок собственно *хондакори* – к более внятным для русского духа, очевидно, – иронии, пародии, оспариванию, опровержению, с подковыриванием и затаптыванием первоначальной строки или строфы оригинала. Да ведь вообще у нас в России (а видимо, и шире – в целом в европейской традиции) «диалог с прототекстом [протекает] преимущественно в жанре антистрофы (полемическое произведение-ответ на чужой текст)^[41]»; антистрофа же «формируется как отношение между авторским и чужим тестом, представленным обычно в форме аллюзии, реминисценции, парафразы или эпиграфа, чаще цитатного»^[42].

Японские термины *хайку* и *хокку*, кстати, по-русски не различаются, оба слова используются как синонимы; в Японии же первый из них – это «отдельная трехстрочная форма», а второй – «первые строки более длинного стихотворения, *рэнга*»^[43]. А по-русски полноправно существует даже то, что можно было бы назвать *двойным*, или четырехстрочным *хайку* – с совершенно невозможной в японском завершающей рифмой:

Белый грибок в лесу.
Какой-то лист незнакомый
К шляпке его прилип,
ВЕТРОМ ЛЮБВИ ВЛЕКОМЫЙ.^[44]

Как пронизательно заметила О.Седакова, более всего заимствований как импровизационной разработки готовой темы – и в сюжетах, и в сравнениях, и в строфике – можно найти у самого Пушкина, однако при этом «готовая тема не должна [была] быть слишком широкоизвестной, опознаваемой: <...> слишком сильная тема берет на себя

много внимания и позволяет нерадивому читателю пропустить мимо ушей все остальное, главное»^[45].

То есть еще один вопрос здесь – это, так сказать, неполнота цитирования, выхватывание в «свое» *хондакори* только одного какого-то фрагмента из авторского замысла, без внимания к остальному и целому. Такая реплика-продолжение, как правило, поневоле и воспринимается исключительно пародийно, как например, хондакори на стихотворение Андрея Чернова (23 нояб. 2014):

*Все зависит от порога боли,
от способности переступить
то, чему учили нас не в школе
и чему забыли научить.*

*Потакая буддам или меккам,
догадайся из любимых книг,
сможешь ли остаться человеком
в тот последний час, последний миг (А.Ч.).*

Не умея бекать или мекать
не всходя на жизненный порог
беспорочно перекукарекав
до тех пор пока не грянет срок

(в оригинале, судя по всему, имеется в виду смерть близкого человека, но если мы пытаемся продолжить стихотворение – пусть даже в искомом нами жанре, получается уже не полноценное *хондакори*, а скорее лишь нечто в стиле пародии или какого-то излишнего, вымученного дополнения к нему). Иной раз (а именно в наиболее удачных случаях) стихотворение настолько «плотно» написано, что становится неподвластно дописыванию, даже в стиле хондакори в него просто нечего больше вставить – ни как продолжение, ни как подражание, ни как-либо еще.^[46]

Михеев Михаил Юрьевич
д. филол. н., в.н.с. ИРЯ РАН
(вед. программист НИВЦ МГУ)

А. Б.Мороз(Москва)

Рукописный труд И.М. Митягова «На память потомкам. Воспоминания о деревне Каргополья» (1979): Повесть, мемуары, этнографический труд

В Каргопольском государственном историко-архитектурном и художественном музее хранится двухтомная рукопись, присланная в Музей автором в 1980 г. И.М.Митягов родился в 1903 г. и до 1930 г. жил в д. Кузнецово Шильдской волости Вытегорского у. Олонецкой губ. (позже Каргопольского р-на Архангельской обл.), затем покинул деревню и, похоже, больше туда не возвращался. Конец жизни он провел в г. Нарва. Судя по всему, поползновений заниматься литературой у Митягова не было, и его побудила взяться за перо книга Г.В.Алферовой «Каргополь и Каргополье» (М., 1973). Сам Митягов объясняет, что желание написать книгу возникло у него, когда он прочел у Алферовой о множестве несохранившихся архитектурных памятников. Однако тематика книги Митягова значительно шире: он описывает жизнь Шильдской волости по памяти и то, что

сам наблюдал, и то, что слышал «от стариков». В итоге получилась обширная двухтомная рукопись (первый том включает 145 страниц рукописного текста, второй – 155 стр. машинописи), наделенная 113 полноформатными иллюстрациями, содержащими подробные планы, чертежи и рисунки церквей, изб, хозяйственных построек, а также улиц и входящих в волость деревень. По жанру рукопись скорее напоминает подробное этнографическое описание: он рассказывает о географии, топонимии, хозяйственной деятельности жителей, ремеслах, постройках, праздниках, обрядах, занятиях и т. п. Однако в текст неизменно включаются и иного рода фрагменты: в первом томе автор рассуждает о социальном положении дореволюционной (преимущественно) деревни, о происходящих изменениях. Второй том озаглавлен «Период отходничества» и посвящен работе крестьян на отходных промыслах. За основу взят в основном личный опыт Митягова и его биография. Помимо того что все описанное и нарисованное отличается очень высокой степенью подробности и детальной точности, книга интересна и личностью автора: он предстает в ней одновременно как внешний исследователь и как объект описания. Первая позиция приводит к рефлексии относительно описываемых событий и собственной персоны: автор стремится создать труд, который бы сохранил память об ушедшем невозвратно прошлом, но и берет на себя обязанность это прошлое оценить и охарактеризовать. Кроме того, в книге содержится рефлексия относительно собственного творчества: понимая, что он не имеет ни нужного образования, ни опыта, автор оговаривается: «Рукопись написана по-топорному, языком народа среди которого я вырос». Вместе с тем, он склонен оценивать свой труд не только как документальное свидетельство, но и как литературное произведение: в предисловии он называет свой труд повестью, а в самом тексте явно пытается следовать художественно-литературным стилистическим клише. Закончив работу, Митягов отправляет ее в ленинградское отделение Союза писателей СССР. Вместе с тем, автор делает попытку идеологической оценки описываемого, которая сводится в конечном счете к прославлению политики советской власти, в частности «отмене частной собственности на средства производства», которая коренным образом изменила жизнь крестьянина в лучшую сторону. В докладе будет проанализировано содержание и стилистика книги.

Мороз Андрей Борисович
доктор филол. наук, профессор НИУ ВШЭ и РГГУ

А. В. Носов (Москва)

Монастырское «возрождение» и духовное освоение периферии в житиях преподобных

Духовное и хозяйственно освоение периферийного пространство было органичной частью монастырского «возрождения» XIV – XV вв. Значительная часть основателей монастырей удалялась в северные пределы. В Средневековье господствовало представление о Севере как о нечистом, периферийном крае. Нередко в житиях приводится природная характеристика мест поселения отшельников («дебри, и лѣсы, и великия мхи и блата»^[47]). Лесные чащи, болота и острова, на которых порой возникали обители, имели профанную семантику.

Агиографы сообщают, что зачастую в таких местах проживали язычники или суеверное население. Определяющее значение имела не этническая, а конфессиональная принадлежность этих людей. Именно поэтому представители финно-угорских языческих народов называются в житиях «погаными», «бесслужительными», а после обращения в православие они теряют негативные характеристики (карел из Жития Арсения

Коневского, семья лопаря из Жития Лазаря Муромского, прп. Герман (карел) из Жития Зосимы и Савватия Соловецких).

Вероятно, иноки избирали подобные места для основания монастырей, стремясь к духовной брани с бесами и к освящению пространства.

Главная задача подвижников – преобразовать, преобразить место из «чужого» в «свое». Только в этом случае становилось возможным появление монастыря. По наблюдению В.Н. Топорова, такая необходимость исходит из понимания сакрального в древнерусской традиции: в принципе все должно быть сакрализовано, чтобы вырвать *все* из-под власти злого начала^[48]. Сакрализация пространства предполагает ряд практик, в числе которых воздвижение креста и возведение храма на месте будущего монастыря.

Освещаемое место должно было стать комфортным для бытования. Обители возникали при соблюдении многочисленных канонических предписаний. Вновь появившиеся «свое» монастырское пространство несло в себе следы знакомых сакральных и социокультурных кодов, которые если не повторяли, то неизбежно перекликались с образами монастырей, в которых преподобные проводили долгие годы.

Так, посреди «чужого» периферийного пространства возникали «свои» духовные островки, которые отныне становились пригодными для монастырской жизни.

Граница монастыря всегда имела четкое обозначение, отделяя «свое» место от «чужого». В Житиях Арсения Коневского, Григория Пельшемского, Лазаря Муромского упоминается практика видимого обозначения границы монастыря в рамках планирования обители. Поначалу монастыри обносились деревянным тыном. Также место основания монастыря часто могло быть «яко стѣною, окруженно водами»^[49]. Согласно общежитийному уставу, иноки не имели права выходить за пределы монастыря без благословения игумена. По замечанию Ю.М. Лотмана уход из монастыря мыслился как пространственное перемещение из места святого в место грешное^[50].

В XIV – XV вв. была распространена практика ухода из обители пострижения духовно сильных иноков, которые со временем были готовы уйти из недавно возникшей обители, стремясь повторить подвиг своего учителя. Так, из Троице-Сергиева монастыря вышел Феодор, основавший Симонов монастырь. В нем принял постриг Кирилл, создавший Кирилло-Белозерский монастырь. Из него вышел Савватий, впоследствии подвизавшийся на месте основания Соловецкой обители. Поэтому духовное освоение периферии в это время было фактически непрерывным.

Носов Артём Владимирович
Специалист по учебно-методической работе исторического факультета МГУ имени М.В.
Ломоносова, научный сотрудник Архива РАН

—

З. Е. Оборнева (Москва)

Письма «метаморфского митрополита» Неофита: из Свяжска в Константинополь

Изучая русско-греческие дела, отложившиеся в 1 описи 52 фонда РГАДА (Сношения России с Грецией), исследователь сталкивается с документами, выходящими за рамки стандартной документации Посольского приказа и общепринятого формуляра, соблюдаемого в грамотах, челобитных, расписках, выписках. Именно такой материал содержится в деле о «приезде Метаморфского монастыря митрополита Неофита, сосланного потом в ссылку в Свяжский монастырь за дурное его, по доносу старцов, поведение», от 24 февраля 1628 г., содержащее 319 листов.

Кроме документов о приезде митрополита и его ссылке, значительный объем дела занимает дневник Неофита, опубликованный Л.Ю. Астахиной (*Астахина Л.Ю. Дело «метоморфского митрополита» Неофита и его Дневник. Paleoslavica. XXVII. 2019. № 2. Р. 93 – 124*), написанный до его приезда в Россию, а последние 50 листов – письма Неофита, перехваченные у него, по-видимому, во время первого или второго побега из заточения в конце 1629 – начале 1630 г. После этого опальный митрополит был переведен из монастыря в городскую тюрьму. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Письма Неофита дошли до нас исключительно в переводе. Остается открытым вопрос, на каком языке они были написаны и кто переводил их. Адресаты двух писем – Кедыр-паша, турок Рум-Ибрагим, что наводит на мысль, что письма могли быть написаны на турецком языке (в одном из писем встречается турецкое слово «хатумаг», не зафиксированное в картотеке Словаря древнерусского языка), но при поимке Неофита выяснилось, что он не знает русского и татарского (турецкого) языка. По-видимому, письма были написаны по-гречески, тем более, что среди них встречается письмо к попу Лаврентию и митрополиту города Кафы.

Вопрос об имени переводчика писем также представляет значительные сложности. В это время в Посольском приказе служили Иван Селунский, Борис Богомольцев и Анастас Селунский, но, во-первых, язык писем несколько отличается от общепринятого языка переводов греческих грамот (там содержится большее количество книжных слов и оборотов), а во-вторых, в письмах обвиняется «главный» на тот момент переводчик Посольского приказа Борис Богомольцев, поэтому перевод вряд ли мог быть поручен переводчикам внешнеполитического ведомства. Из писем мы узнаем о действительной причине ссылки митрополита, а также становится понятным, почему через два года Борис Богомольцев сам попал в опалу и был сослан в Малмыж, после чего смог вернуться на прежнюю должность лишь спустя более 10 лет.

Оборнева Зинаида Евгеньевна
канд. ист. наук, научный сотрудник Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

Т. А. Опарина (Москва)

Иноземцы в России XVII в.: маргиналии или неотъемлемая часть русского общества?

[в сборнике только заглавие – без самих тезисов]

Опарина Татьяна Анатольевна, к.и.н.
с.н.с. Института российской истории РАН
зав. кафедрой в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества

Е.С. Островская (Москва)

Рождение британского советского писателя из советского полпредства в Великобритании, или письма Зинаиды Венгеровой, воспоминания Ивана Майского и писатель-углекоп Гарольд Хезлоп

[в сборнике только заглавие – без самих тезисов]

Островская Елена Сергеевна
к.филол.н., доцент факультета филологии НИУ-ВШЭ

С. М. Панич (Берлин-Москва)

«Встретились как-то Герек и Брежнев»: польская повседневность 1960-1980-х годов в зеркале политического анекдота

В пятом номере издававшегося в Мезон-Лаффит Ежи Гедройцем польского эмигрантского ежемесячника «Культура» за 1963 год появилась рубрика «Юмор отечества», которую вела Зофья Херц. Вплоть до середины 1980-х годов в ней регулярно публиковались политические анекдоты, которые в общем контексте «Культуры» можно рассматривать как альтернативный источник сведений о жизни «подсоветской Польши». Восходящий к смеховым жанрам польской культуры – пародийным «вопросоответам», фразкам и фациям, польский политический анекдот очень чутко реагировал на политическую, экономическую и социальную ситуацию в стране и у восточных соседей по «соцлагерю», на смену риторик и идеологических парадигм, а также на появление новых политических фигур и событий. В сообщении речь пойдет о том, как менялись тематика и действующие лица политических анекдотов под влиянием внутривосточных и внешних событий, о ключевых персонажах (в частности, о еврее как трикстере), а также будет показано, как в анекдоте отображались и реабилитировались события и практики «советской, но не до конца» повседневности Польши с середины 1960-х до середины 1980-х годов, когда «жизнь стала гораздо интересней анекдота».

Панич Светлана Михайловна
переводчик, независимый исследователь

Т. В. Пентковская (Москва)

Об одном типе глосс-произвольников в Московской Библии 1663 года^[51]

Библия 1663 г., изданная в Москве на Печатном дворе коллективом книжников во главе с Епифанием Славинецким, традиционно считалась почти точным воспроизведением Острожской Библии. Сопоставительное изучение этих двух изданий, предпринятое в последнее время, показывает, однако, что при подготовке московского издания к печати в него были внесены существенные изменения на различных языковых уровнях от орфографии, которая подлежала системной правке, до лексики и синтаксиса. Лексико-грамматическая редакция осуществлялась с помощью маргинальных глосс. Объем исправлений зависел от истории текста определенной библейской книги. Важная правка в виде маргинальных глосс вносилась в Б63 в те книги, которые были переведены с латыни в Геннадиевской Библии (ГБ) 1499 г., а в зависящей от нее Острожской Библии (ОБ) исправлялись с разной степенью последовательности. В ряде случаев глоссирование лексики приводило к появлению в маргиналиях более греческих и менее архаичных вариантов: Второзак. 28:33 Б63 Возраст [на поле: изращеніе] земли твоеа... изъасть страна еаже не вѣси (л. 75 об.). ОБ Возраст (л. 93) и ГБ възраст (!) (л. 120). Лексема възраст имеет несколько значений: 'рост, величина', 'годы человеческой жизни', 'зрелый возраст' [СлРЯз XI-XVII вв., вып. 2: 304; Срз. I: 368-369]. В греческом тексте, однако, находим τὰ ἐκφόρια 'урожай, сбор', а в латыни fructus 'плод', так что в

данном контексте проявляется буквальное значение церковнославянской лексемы 'выращенное'. Именно такое значение реализовано и в маргинальной глоссе Б63. Морфемный состав лексемы изращеніе калькирует морфемный состав греческого слова. Эта лексема зафиксирована словарями в значении 'действие по глаголу израсти, израстити 'вырастить, взрастить'; происхождение; потомок, отпрыск' [СлРЯз XI-XVII вв., вып. 6: 203]. Однако в данном контексте актуализировано значение 'результат по действию, выраженному глаголом израстити'. Неочевидность значения слова в основном тексте, его архаичность в данном значении приводит в Б63 к глоссированию с помощью лексемы, имеющей более прозрачное значение и более тривиальный морфемный состав. В Елизаветинской Библии 1751 г. (ЕБ) находим чтение плоды (л. 317).

Исх.21:22 Б63 Аще бїющеса два мхжы, и оуразита женх не празднх, изыдетъ младенець са не обличе(н), желѣдбою [на поле: w(т)щети(т)са] да жьлѣдетъ [на поле: w(т)щети(т)са] (л. 27 об.) - ἐπιζήμιον ζήμιωθήσεται. В ОБ нет глоссы: желѣдбою да жьлѣдетъ (л. 34 об.). ГБ жлѣдбою да жлѣде(т) (л. 46). Лексема жлѣдба 'пеня' - производное от глагола жлѣсти 'возместить убыток, уплатить долг' [Цейтлин и др. 1994: 219; Срз. I: 850]. Глагол отъщтитиса означает 'потерпеть убыток, лишиться чего-то' [СлРЯз XI-XVII вв., вып. 14: 69; Срз. II: 824], производное сущ. в словарях не зафиксировано. Оно содержит приставку, как и греческое сущ. Как и в предыдущем случае, его морфемная структура тривиальна: оно включает в свой состав суф. -enij-. В ЕБ принят вариант на базе Б63, однако упрощающий структуру сущ.: тщетою да w (т)щтитиса (л. 117). Таким образом, редкоупотребительные архаичные лексемы поясняются в Б63 более прозрачными по форме и смыслу. Примечательно, что варианты Б63 приняты в ЕБ только частично.

Пентковская Татьяна Викторовна
д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева (Москва)

Компаративные конструкции в эссеистике современных прозаиков^[52]

Эссе – своеобразный литературный жанр малой формы, синтезирующий в себе характеристики других жанров – мемуаров, дневника, философско-публицистической статьи, научного трактата, художественной прозы. По словам М. Эпштейна, «эссе – частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ. Это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью». Как отмечает Д. Голышко-Вольфсон, «эссе выступает значимым инструментом маргинализации литературного высказывания, приравнивания его к идейному или духовному манифесту».

Для эссе характерны следующие признаки: внефабульность, наличие ярко выраженного авторского личностного начала, философское осмысление человеческой жизни и окружающей действительности, ассоциативные связи как текстообразующее начало. Ассоциативность позволяет автору широко использовать интертекстуальные связи, привлекая различные аллюзии, реминисценции и цитаты, разнообразные литературные и жизненные контексты, исторические эпизоды, анекдоты и т.д. С ассоциативным началом связана и такая особенность эссе, объединяющая его с художественной прозой (и поэзией), как широкое использование компаративных

конструкций (метафор, сравнений, метаморфоз), позволяющее найти и отразить особые преломления изображаемой действительности.

В докладе рассматривается использование компаративных конструкций в эссеистических текстах Д. Рубиной, Е. Водолазкина, З. Прилепина, Д. Быкова и др. Эссе этих авторов часто включают в себя историко-философские размышления, воспоминания, личностно-мировоззренческую рефлексию.

Особое место в тематике эссе занимают проблемы литературного творчества. Этим проблемам, в частности, посвящена целая книга эссе Д. Рубиной «Одиноким пишущий человек». Метафорический способ выражения идей становится основным в размышлениях автора о том, кто такой писатель и как действует его сознание и подсознание, что есть продукт творчества и какое место в его порождении и восприятии играет читатель. В писателе прежде всего выделяются отрицательные характеристики: он уподобляется хищникам, ищущим свою добычу (плотоядным растениям, пиранье, волку, гончей собаке), – так он ищет сюжеты, жизненные обстоятельства для своего творчества. В человеческом же обличье он киллер, убивающий словом. В то же время писатель сам – раненый человек, метафорически он живет с обломком гарпуна в спине, т.е. не может отключиться от своих творческих задач. Писательство, по Рубиной, это болезнь или глубокая безответная до поры влюбленность, в которую погружается читатель. Писатель также сравнивается с инструментом – рентгеновской установкой, лазером, музыкальным – по методам своей работы. По тому, как все преломляется в его сознании, он уподобляется советской мясорубке. Книга же при этом должна быть сработана точно, как часовой механизм, и тогда писатель – часовщик. По тайне своего создания книга уподобляется архитектурному сооружению – египетской пирамиде, не понятно как воздвигнутой, но поражающей своим величием. В то же время книга – есть создание автора, в котором отражается писатель – книга его близнец, имеющая ту же ДНК, что писатель. Читатель же у Рубиной сравнивается с ныряльщиком, погружающимся на глубину, а также с танцовщиком, повторяющим движения автора.

Именно иносказательный способ выражения часто позволяет автору выйти на уровень художественного обобщения. Так, Е. Водолазкин в сборнике эссе «Дом и остров, или Инструмент языка», жанр которого он сам определяет «загадочным словом “нон-фикшн”», использует словосочетание *подземный мир*, которое употребил академик А. М. Панченко в разговоре о переименовании станции метро. Это словосочетание в дальнейшем приобретает символическое (мифологическое) значение: «Фраза Александра Михайловича встала передо мной в полный рост, когда на одной оси с Петропавловской крепостью построили “Петербургский Монблан” – огромных размеров сооружение, непонятно (или понятно?) как добившееся разрешения на свой жуткий экзистенс. Глядя на то, как этаж за этажом подрастал этот монстр, я уже не сомневался в его происхождении. Взламывая асфальт и окружающие дома, на всеобщее обозрение выходил *подземный мир*. Оказавшись на поверхности, *подземный мир* начал рваться в небеса».

Поиску новых ракурсов движения авторской мысли способствует развертывание компаративных конструкций в разных, часто неожиданных направлениях, и текстообразующие возможности метафор и сравнений. Так, З. Прилепин в книге «Летучие бурлаки» использует зоонимическую образную параллель «Россия – корова», «полифонично» преломляя ее в тексте с различных точек зрения.

Таким образом, в докладе показаны различные функции компаративных конструкций в современной эссеистике в их связи с особенностями рассматриваемого жанра.

Петрова Зоя Юрьевна
канд. филол. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
ведущий научный сотрудник

Фатеева Наталья Александровна

Г. П. Пилипенко (Москва)

Крестьянский дневник из Аргентины на украинском языке

В докладе речь пойдет об уникальной находке, обнаруженной в экспедиции 2019 года, которая проводилась в аргентинской провинции Мисьонес среди потомков славян-переселенцев. У потомков переселенцев с Волыни хранится дневник Кирилла Вознюка, крестьянина, уроженца Здолбуновского повета. В конце 1930-х гг. Кирилл Вознюк эмигрировал в Аргентину, где переселенцам в то время предоставлялись свободные земли. Особенность дневника заключается в том, что он написан на южноволынском диалекте юго-западного наречия украинского языка. Автор разрабатывает собственную орфографическую систему для передачи фонетических явлений родного диалекта (напр., используется буква *й* для отображения [ji] и [j] (*пойхати; маленькій*), буква *д* – для отображения [g] (*донти*)). В дневнике обнаруживается много вставок и случаев переключения кода на испанском языке, большая их часть передается в кириллической графике. Испанские заимствования адаптируются в соответствии с системой южноволынского диалекта (напр., передача безударного *e* как *и*). Помимо испанизмов в дневнике фиксируются церковнославянизмы, русизмы, полонизмы, а также волынские диалектизмы. В морфологии и синтаксисе отмечаются специфические черты, характерные для зоны южноволынского диалекта (стяженные формы притяжательных местоимений, стяжение окончаний у прилагательных и местоимений ж.р. в дат. п. ед.ч., использование формы род.п. у неодушевленных существительных м.р. в ед.ч. вместо формы вин.п.).

Дневник интересен не только своими лингвистическими особенностями. Это своеобразная летопись провинциальной аргентинской жизни, увиденной глазами переселенца. Повествование охватывает период с 1970 по 1980 гг. Описываются повседневные дела, семейные отношения, сельскохозяйственные работы (выращивание и переработка черного чая, йерба мате), погодные явления, поездка по делам в столицу, приезды гостей, праздники. Есть несколько рассказов о криминальных происшествиях в колонии, из дневника можно также почерпнуть информацию о традиционной духовной культуре как славян-переселенцев, так и автохтонных жителей провинции Мисьонес. Все события в жизни Кирилла Вознюка происходят на фоне бурной истории Аргентины 70-х гг. XX в.: экономические кризисы, смена правительств, военная диктатура, забастовки рабочих, проведение президентских и парламентских выборов. Очень подробно описаны экономические проблемы середины 70-х гг. В тексте дневника обнаруживаются вставные тексты: украинские народные песни, стихи, а также аргентинские песни на испанском языке, записанные кириллицей. Любопытны наблюдения автора дневника, которые касаются аргентинских обычаев, погодных и климатических условий Южного полушария.

Данный дневник является чрезвычайно интересным объектом для междисциплинарных исследований.

М. М. Пироговская (Санкт-Петербург)

«Русская тоска»: от эмоции к симптому и обратно (на материале эго-документов и медицинских сочинений XVIII века)

В русскоязычных справочных и медицинских сочинениях, а также частных документах раннего Нового времени неоднократно встречается термин «тоска», который исследователи склонны прочитывать как указание на психологическое состояние субъекта и, шире, как указание на эмоцию, интуитивно понятную и современному человеку (даже если от него далеки как «объект» этой эмоции, так и вызвавшие ее причины). Подобной интерпретации способствует, с одной стороны, определенная натурализация эмоций, вписывающая исторические психологические состояния и процессы в некий универсальный порядок, а с другой – также эссенциалистское по своей сути, но ортогональное указанной выше натурализации первого типа прочтение некоторых состояний и эмоций как специфических, характерных для той или иной нации или культуры. В этом отношении «тоска» прочитывается одновременно как типически русское и потому с трудом переводимое на другие языки и культурные коды явление – и как универсальное понятие.

В докладе я попытаюсь деконструировать этот парадокс и показать, как понятие «тоска» меняло свои очертания и насыщалось все более физиологическим смыслом. Также меня будет интересовать соотношение «тоски» как физиологического (или, точнее, симптоматического) понятия – и «тоски» как элемента изобретаемого национального мифа.

Отправная точка для предлагаемой археологии понятия «тоска» – проблема контекстуализации понятия в источниках середины XVII века. Например, в «Вестях-Курантах» 1640-х годов «тоска» упоминается в диагностическом контексте и имеет симптоматическое значение: «муж из Дрездорва колотья в боках имел и удушье и тоску в грудях имел и не мог есть»; «жена из Элберстада была скорбна сердечною тоскою и удушьем и кашлем»^[53]. Это же физиологическое значение имеет один из латинских синонимов, приведенных для «тоски» в «Лексиконе трехязычном» Федора Поликарпова 1704 года (*angor*); однако другие латинские и греческие параллели, на первый взгляд, располагаются в более привычной психологической / эмоциональной сфере (*αδημονία, ἀκηδία, δυσχέρεια, αηδία, taedium*)^[54]. Эту конфигурацию словарных значений можно было бы объяснить особенностями переводческой программы, если бы те же физиологические/соматические значения не встречались в менее формальных типах источников – автобиографиях и дневниках (например, в «Летописце» стряпчего вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Матвея Жданова (1661 — после 1736?): «против 12 дня в ночи живот и сердце мое болело весьма жестоко, так, что не дало на постеле на малое время полежать, от которой болезни утроба не могла в себе приятя пищи удержать, но тоскою сердечною верхним и нижним проходами выметало всю на землю»^[55]). Я предлагаю взглянуть на эти примеры «отклоняющегося» словоупотребления в купе с более привычными «эмоциональными» (встречающимися в эго-документах и фольклорных текстах) и реконструировать их общее смысловое ядро, а также описать логику и траекторию расхождения соматического и психологического/эмоционального значений слова. Такой подход, возможно, не только позволит объяснить указанный выше

парадокс, но и поможет более глубокой интерпретации источников, оперирующих понятием «тоска» (например, любовных заговоров).

Пироговская Мария Михайловна
кандидат исторических наук
доцент ф-та антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

А. А. Плетнева (Москва)

Лубочные изображения святых: между народной и официальной религиозностью

В каталоге народных картинок, составленном Д.А. Ровинским (далее РНК), содержится много гравюр с изображениями святых. Эти гравюры могли выполнять роль типовых икон. При этом гравированные картинки сопровождаются текстами (виршевыми славословиями, молитвами или житиями). Таким образом, лубочное изображение святого – это не только изображение, но и определенная текстовая информация. Эти изображения дают материал, позволяющий ответить на вопрос, кто из святых входит в народный пантеон, какие сведения могли получить читатели лубка о святом, в каком отношении лубочный месяцеслов находится, с одной стороны, к официальному православному месяцеслову, а с другой - к народной религиозности. Здесь мы сталкиваемся с серьезными методологическими проблемами. Главной из них является то, что в РНК включены не только собственно народные картинки, но и гравированные листы, которые мы не можем отнести к народной гравюре. В РНК также окказионально встречаются гравюры европейского или же униатского происхождения. Поэтому перед началом анализа лубочного месяцеслова, необходимо установить, какие гравюры следует исключить из исследования, поскольку они ничего нам не скажут ни о народной религиозности, ни о тех святых, которые особо почитались в XVIII-начале XIX в.

Вне нашего рассмотрения окажутся подносные листы, т.е. изображения святых, которые изготовлялись специально для какого-нибудь светского или духовного лица. В связи с тем, что такие листы были подарком конкретному человеку, они печатались в небольшом количестве экземпляров. То есть изучая народную религиозность прошлого, мы должны исключить подносные листы с изображением святых. Не будут учитываться и изображения католических святых. Часть этих изображений пришла в Россию через Почаевскую лавру. Другие гравюры имеют балканское происхождение, например, гравюра, изображающая виды Пивского монастыря в Подгорице. На гравюре «Коронация Богородицы» мы видим пророков и сербских святых. То, что такая гравюра входит в РНК, не означает, что она относится к русским народным картинкам. Даже если предположить, что она имела хождение в России, это не указывает на то, что сербские святые были здесь известны.

При анализе листов, созданных в России, обращает на себя внимание тот факт, что среди изображений святых очень мало женских изображений. Так, среди святых на букву В в указателе к изданию Ровинского всего два женских имени: Варвара и Василиса. При этом изображений великомученицы Варвары очень много. В лубках она изображается и с мечом, и с книгой, и с пальмовой ветвью, и с церковью в руках; иногда она одна, иногда вместе с архангелом Михаилом. Есть изображения великомученицы поясные и в рост, есть с виршами, с житием (текстовым или в клеймах), с кондаком и тропарем или же с молитвой.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди лубков преобладают изображения русских святых, в то время как в послениконовском церковном месяцеслове русские

святы́е находились в явном меньшинстве. Изображения святых, как правило, связаны или с конкретной церковью или с мощами, которые в ней находились. Не исключено, что появление подобных изображений было связано с паломничествами по русским монастырям и гравюры выступали в качестве сувениров, которые брали с собой паломники. В XVIII в. гравированные изображения святых связывались с важными церковными локациями Москвы, а в начале XIX в. - и с другими областями Центральной России.

Плетнева Александра Андреевна
канд. фил. наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

Е. А. Потехина (Ольштын)

Старообрядцы в контексте миссионерской деятельности Русской православной церкви против раскола в XIX в.

Вторая половина XIX в. характеризуется значительными изменениями в социально-экономической жизни России, оживлением религиозной жизни ее жителей, особенно в промышленных городах. В это время в разных местах появилось довольно большое количество подпольных старообрядческих типографий, и, соответственно, возросло количество нелегальной старообрядческой литературы. Кроме уголовного преследования, власти прибегали к пропагандистским мерам, а РПЦ развернула широкую миссионерскую деятельность среди раскольников, не только в городах, но и в деревнях. Православные миссионеры направлялись и в заграничные поселения старообрядцев, например, с 1867 по 1892 г. в колонию федосеевцев на Мазурском поозерье (в то время находившемся на территории Королевства Пруссии) регулярно приезжал из Варшавы «единоверческий протоиерей» И. С. Добровольский, которому удалось основать в Войнове единоверческий приход. Сведения о миссионерской деятельности РПЦ самым неожиданным образом обнаруживаются при изучении книжного собрания Войновского старообрядческого монастыря. Период деятельности Павла Прусского (1848-1867) завершается основанием Иоганнисбургской типографии, в которой в 1868 г., уже после переезда в Псков, ее владелец К. Е. Голубов в течение последующих 20 лет печатал миссионерскую литературу против раскола, распространяемую по всей России. После возрождения монастыря в 90-е гг. XIX в. в монастырском книжном собрании появились новые экземпляры печатных и рукописных книг. Свидетельства миссионерской деятельности РПЦ сохранились в фундаментальном трактате «Вечная правда», написанном спасовским начетчиком Аввакумом Комиссаровым и изданном в 1895 г. в Коврове, и в рукописном сборнике рубежа XIX-XX вв., принадлежавшем игуменье Евпраксии. В докладе будет идти речь о масштабе распространения антираскольничьих изданий в России в конце XIX в. и об их содержании, определявшем направление бесед миссионеров со старообрядцами.

Потехина Елена Александровна
доктор гуманитарных наук (языкознание), профессор Института языкознания
Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)

Serge B. Potemkin(Moscow)

The birth of an apocrypha

The Life of Lenin and the Apocrypha. Definition of the Apocrypha by I. Ya. Porfiryev is formulated as follows: "Apocryphal works or apocrypha are such works that are compiled in imitation of the holy biblical books, about biblical persons and events, and mostly on behalf of biblical persons; but sacred truths in these works are mixed with various fictions of fantasy" [1]. In modern times, the apocrypha has received an expanded interpretation as an essay about famous historical characters, described with deviations from the official tradition. In this sense, the apocryphal is undoubtedly eternal and will live in the people's consciousness. [2].

The student's essay. The volume of the essay [3] is about 4000 printed characters, 10 times less than Lenin's Brief Biography [4]. Firstly the author of the essay states: "He was a great man." In school "Lenin did not like to fight, but he had to defend himself and protect his friends." – this is an undoubted positive response. Further, a description of pre-revolutionary Russia: "The counters in the stores were almost empty." Lenin had to work hard: "He ran with a huge bundle of books and distributed leaflets along the street, ran up to the cars and sold newspapers." Consequences of the revolution: "Because of the revolution, a hunger strike burst in the country." (Lenin) "could not give people more food only because the Germans were getting closer and closer, they burned crops, forcibly took food away from the elderly and women." The author jumps to the times of the World War II. "The people in the country rebelled and began to smash the city." – probably the events of October 15-16, 1941. There is also a hint of the Leningrad blockade: "There was no water anywhere, and if it was brought, people were given a piece of bread and half a mug of water. " Then "Lenin ordered the soldiers to calm the people down. The soldiers did not spare either the children or the women." Indeed, the panic of 1941 stopped in Moscow on the fourth day [5]. It is interesting that Lenin's cruelty does not diminish his image in the eyes of the young author. Further, "the revolutionaries ...caught Lenin and put him in the prison." – what kind of "revolutionaries" they are, one can only guess – whether the author had in mind the Trotskyists, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries, everything merged into this concept. But then the author jumps to the period before the October Revolution: In the prison "Lenin read books, in the margins of a book he wrote a message with milk." This passage traces a hagiographic tradition, when a saint must endure torment and endure it steadily, but also it refers to the well-known story by Bonch-Bruевич [6]. After the liberation of Lenin "by Soviet troops"... "Lenin sent all his troops to the German army" and "The Soviet army finally defeated the enemy army." "After this victory, perestroika begins in the country." Then comes the attempt on Lenin's life, which was committed by "the old blind woman" – Fanny Kaplan. Lenin was buried in the mausoleum. The author, probably, visited the mausoleum and saw: "When light falls on him, it seems that he shines from the inside." A wish is expressed: "I hope that in the future he will be buried as a human being, otherwise he is lying there like a mannequin and everyone stares at him, he is also a human being, like all of us, let him be buried properly, and not as a mannequin." The author's desire to bring Him closer to us is obvious, "he is also a man like we are."

References

1. Porfiryev I.Ya. History of Russian literature. Part 1. Oral folk and literature before Peter the Great. 8th ed. Kazan, 1909, p. 237.
2. Porfiryev I. Ya. Apocryphal legends about it Old Testament persons and events. Kazan, 1872, pp. 3–5
3. Internet resource <https://www.youtube.com/watch?v=w6sJGcHJHW4>, checked 02.02.2021
4. Bibliographic record Vladimir Ilyich Lenin. Publisher: State Publishing House of Political Literature 1955 312 pp.
5. History of Russia from ancient times to the present day (edited by A. N. Sakharov). Volume 2.ISBN 978-5-392-01025-7. P. 237.
6. Bonch-Bruевич V. D. Our Ilyich. - M.: Children's literature, 1976, 64 pages.

А. В. Птенцова (Москва)

«И вложи богъ в сердце мьстиславу мысль благу поити на чюдъ»: где граница между сердцем и умом в древнерусском языке?

В древнерусских текстах разных жанров, как оригинальных, так и переводных, *сердце* часто выступает в той роли, которая в современном русском языке характерна лишь для *ума*: оно может быть не только носителем эмоций, но и органом, способным принимать и порождать мысли, ср., например, цитату, вынесенную в заголовок, а также следующий контекст: взиде же на сердце кя помыслъ такъ да бы обрѣсти нѣкого члѣка <...> да бы ки помогъ на добро и да оуставилъ мѹжь кя ѿ злыя мысли и <...> се нача мыслити на ср(д)ци своємъ «Вошел ей в сердце такой помысел, чтобы найти какого-нибудь человека, чтобы он помог ей сделать доброе дело и отвратил ее мужа от злой мысли. И начала она об этом думать в сердце своем» (Житие Андрея Юродивого, XII в).

В аналогичных случаях встречается и лексема *умъ*, ср.: не прѣстанеть оумъ зѣлы помыслы ражяя «Ум, не останавливаясь, порождает злые мысли» (Изборник 1076); ср. также: про то бо из оугоръ пришелъ вшеть съ женою в ладьскою землю мыслаше во оумѣ своемъ взати галич и владати имъ «Для этого он (князь Ростислав) пришел перед тем в Лядскую землю: думал в уме своем взять Галич и обладать им» (Галицкая летопись, XIII в).

В докладе предполагается обсудить, что представляли собой эти два невидимых внутренних органа с позиций древнерусского языка и существовали ли различия между древнерусскими *умом* и *сердцем* в том случае, если оба выступали как органы мышления.

Птенцова Анна Владимировна
к.ф.н., МГУ, филологический факультет, доцент

Е. Э. Разлогова (Москва)

Об архаизации в параллельных текстах: синхрония и диахрония^[56]

1. Языки претерпевают изменения. Со временем все тексты подвергаются **естественной архаизации** и становятся менее доступными для читателей последующих поколений. В конечном итоге текст на «родном языке» требует перевода, как и текст на иностранном. Но архаизация может быть и **искусственной**, когда речь идет о стилизации под срезы языка более раннего периода. Присутствие архаизмов и историзмов в тексте воспринимается как стилистический прием, указывающий на отдаленность во времени описываемой реальности. Искусственная архаизация не нарушает существенным образом понимание для читателя-современника.

2. Переводы со временем устаревают, как и любые другие тексты, они подвергаются естественной архаизации. Так, можно считать, что приведенные ниже параллельные тексты, относящиеся к концу XVII – началу XVIII вв., устарели:

Les deux mouvements de la Terre dont je ne me fusse jamais doutée, me rendent timide sur tout le reste ; mais pourtant seroit-il possible que la Terre fût lumineuse comme la Lune ; car il faut cela pour leur ressemblances.

Двойное земли движение, о котором бы я николи не думала, страшило меня задъгало на все прочее; да можно и тому стать, чтобъ земля так свѣтла была, как мѣсяць, понеже и то нужно, чтобъ они были межъ собою сходны.

Перевод может «зеркально» воспроизводить искусственную архаизацию оригинала. Однако существует и **архаизация как переводческий прием**, противопоставленный модернизации. Этот прием затрагивает нарративную составляющую переводных текстов. Такая искусственная архаизация свойственна только последним. При значительном временном интервале между оригиналом и переводом (например, когда речь идет о переводе текстов античных авторов, средневекового эпоса и др.) именно этот прием указывает на существующий временной сдвиг.

3. В докладе рассматриваются разные проявления архаизации в переводе. Ею могут быть затронуты различные составляющие - орфографическая, лексическая, синтаксическая. Крайним проявлением этого явления можно считать синхронизацию временных срезов языков параллельных текстов (перевод «Ада» Данте, выполненный в конце XIX века французским филологом Эмилем Литтре на французский язык XIII века).

Разлогова Елена Эмильевна
профессор кафедры французского языкознания
филологический факультет МГУ

А. И. Резниченко (Москва)

«А Зосиму бы я первого сжег...» о некоторых маргинальных интерпретациях Достоевского

Настоящий доклад посвящен анализу и интерпретации тех трактовок Достоевского, которые оказались в конечном счете маргинальными как для становящегося в 1920-е годы XX века «советского» литературоведения, так и для структуралистско-семиотического направления в истории и теории культуры. В докладе будут рассмотрены трактовки: С.А. Аскольдова («Религиозно-этическое значение Достоевского»), Л.П. Карсавина («Достоевский и католичество»); Н.О. Лосского («О природе сатанинской (по Достоевскому)»); И.И. Лапшина («Эстетика Достоевского»); Э.Л. Радлова («Соловьев и Достоевский») – в долининском сборнике «Достоевский. Статьи и материалы» (Петербург: «Мысль», 1922) С.Н. Дурылина, Ф.Ф. Бережкова, А.К. Горского-Горностаева – в рамках их докладов на заседаниях Комиссии по изучению Достоевского литературной секции ГАХН в 1925/1926 и 1926/1927 годах, а также в свете творческой истории сборника «Достоевский» под ред. Г.И. Чулкова (1928) А.С. Глинки-Волжского и С.Н. Булгакова – в контексте грандиозного переосмысления роли Достоевского в русской интеллектуальной истории: если в начале XX века «русская философия и есть русская литература», Достоевский – «истинный религиозный гений русской жизни» (А.С. Глинка-Волжский), а в Иване Карамазове мы видим «свою родную болезнь, составляющую наше национальное отличие, болезнь совести» (С.Н. Булгаков) – то в 1920-е годы (годы выхода Федора Михайловича на мировую литературную и философскую арену) ситуация становится иной: Достоевский «...просто религиозно неубедителен и неавторитетен, не старец, а всего писатель» (прот. С. Булгаков – прот. Г. Флоровскому). Как и Владимир Соловьев. – Впрочем, последняя интерпретация становится маргинальной уже для

становящегося внутриэмигрантского дostoевсковедческого канона, который столь обширен и разнообразен, что является предметом отдельного исследования.

Резниченко Анна Игоревна
доктор философских наук, профессор кафедры Истории отечественной
философии философского факультета РГГУ (Москва)

М. М. Ровинская (Москва)

Иллитераты в поликодовом тексте как инструмент создания динамической картины (на примере комиксов «Майор Гром»)

Комиксы («рассказы в картинках») представляют собой поликодовый текст, который сочетает в себе рисунки и особым образом оформленные вербальные элементы, в основном, диалоги персонажей.

В рамках этого жанра авторы создают динамическое произведение, имея в своем распоряжении статическую картинку и минимальный текст. Именно поэтому в комиксах процветают разного рода звукоподражания, которые зачастую являются единственным способом передачи движения. Общепринятый инструментарий языка (в том числе и русского) в этой области довольно скуден, поэтому авторы комиксов сами создают иллитераты, передающие звуки, для которых в русском языке не было «быстрых» слов. Такая работа требует хорошего чувства языка и лингвокреативности; сами создатели русскоязычных комиксов подчеркивают важность создания именно русских слов и стараются не использовать кальки с английского.

В докладе будет показано разнообразие способов передачи звуков, для которых в русском языке в докомиксовую эпоху не было слов, классифицированы конситуации, требующие такого рода вербализации, и высказаны соображения о статусе подобных иллитератов в языке.

Ровинская Мария Михайловна
независимый исследователь

О. Г. Ровнова (Москва)

Стратегии употребления «позорных слов» в конфессиональной среде (старообрядцы Южной Америки)¹⁵⁷¹

В старообрядческих общинах Южной Америки строгая регламентация охватывает не только бытовую и обрядовую стороны жизни, но и речевое поведение человека. В лексической системе говора старообрядцев имеются слова, которые они оценивают как «позорные», то есть неприличные, и поэтому запрещенные для употребления или заменяемые эвфемизмами. Сбор такого «тайного» языкового материала не прост и предполагает длительные, доверительные и взаимно-уважительные контакты с носителями старообрядческой культуры. Материал для доклада был собран в результате наблюдений над коммуникативным поведением старообрядцев в общинах Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая, извлечен из разного рода интервью с ними, в том числе тематически направленных, и из написанной на диалекте автобиографической книги

старообрядца-«синьцзянца» Д. Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» (М.: Альпина нон-фикшн, 2015).

Основная коммуникативная стратегия в употреблении «позорных слов» заключается в их усиленной эвфемизации, которая проявляется на лексическом (синонимы-эвфемизмы) и синтаксическом (неполные предложения; построение нарратива без указания и номинации денотата) уровнях. Эвфемизация присуща женской речи в большей степени, чем мужской.

Поскольку культура старообрядцев является частью общерусской культуры, «темы и сферы эвфемизации» (Л. П. Крысин) в них в значительной степени пересекаются. Лексический состав соответствующих эвфемизмов оказывается общим лишь частично, среди прямых и эвфемистических названий отмечаются лексические и семантические диалектизмы.

Речевая культура старообрядцев Южной Америки предполагает традиционную эвфемизацию таких тем и сфер жизни, как:

— части тела, связанные с «телесным низом»: мужско(е), стыд, своё, нижнее, ениталии, инструмент, хрен, петушок (эвфемистические названия мужских половых органов, прямые названия *мудёнки*, *яйцы* оцениваются как «позорные»); женско(е), *пéред*, *лагáлице*, *ша́ньга*, *пирожок*, *курочка*, *хавронья* (эвфемистические названия женских половых органов вместо прямых *пизда*, *манда*: «*И кажется, не так это уже как-то стыдно, как прямиком говорят*»); ср. зафиксированную в мужской речи поговорку *брат сестре не указ пизде* — видимо, трансформацию общерусской поговорки *брат сестре не указ в стряпне*;

— некоторые физиологические процессы и состояния, в том числе связанные с болезнями: *печень форсит* ‘болит’, *зайти в положение* ‘забеременеть’, *ждать бéбу*, *быть чижёлой* ‘быть беременной’, *ловить бéбу* ‘рожать ребенка’, *надо на двор, по-лёгкому и по-тяжёлому* (о физиологических отправлениях);

— отношения между полами: *(по)иметь сношение*, *жить / быть / спать / ночевать / таскаться / любоваться / веселиться с кем-л.*, *лазить по ночам* (о половых контактах), *взять нахально / нахалом* ‘изнасиловать’; *у неё шире бабушкиной* (о девушке, имеющей добрые половые контакты).

Говоря о народной культуре, исследователи обычно отмечают широкий круг лексических замен слова *чёрт*, который является фольклорным персонажем. В культуре старообрядцев как культуре книжной для обозначения нечистого духа используется книжное слово *бес*. Оно употребляется в речи вполне свободно, хотя может заменяться и эвфемизмами *враг*, *вражишка*, *нечистой*.

Обнаружено, что в сферу эвфемизации у старообрядцев попадают названия некоторых пищевых продуктов и напитков: *яйцо*, *хрен*, *чай*. Слово *яйцо* считается неприличным, поскольку связано с «телесным низом», и поэтому яйцо как продукт питания называется *яичко* или *ичко* (уменьш. *ичушко*) — то есть наблюдается ситуация, обратная литературному языку. Слово *хрен* как эвфемистическая замена названия мужского члена вытеснило это слово из растительной лексики, и соответствующее растение старообрядцы называют *огородной корень* или *крин*. Слово *чай* запрещено к употреблению не из-за конфессиональных (в старообрядческой среде в целом этот напиток запрещен как «бесовский»), а языковых причин: в основе запрета лежит семантическая аттракция — смысловое сближение разнокорневой пары слов, частично совпадающих фонетически: *чай* и *отчаяться* («от Бога отчаешься» ‘откажешься, отречешься’). Старообрядцы пьют травяные чаи, которые называют *горячая вода*, *запарена трава*, *бадán*.

Наконец, старообрядцы Южной Америки крайне отрицательно относятся к использованию обценных (матерных) слов — прежде всего из-за семантической

аттракции слов *мат* и *мать*. Для старообрядцев по-прежнему актуально известное с древности представление о том, что, ругаясь матом, человек оскорбляет трех матерей: родную мать, Богородицу и мать сыру-землю: «*Это знаешь, почему нельзя? Это мат — это материно слово. Получается, у человека три матери, и ты имя ругаешься. Говорят, когда этим ругаются, то Богородица на землю падает и лицо закрывает*». Между тем в говоре старообрядцев зафиксировано 17 лексических единиц, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *мат*: *мат, материцина, материцинство* ‘грубая оскорбительная брань’, *ма́ты, матерки́* ‘матерные слова’, *матершинной, материшинник, матькётся* ‘ругаться матом’, *материть, выматерить, наматерить, отматерить, материться, заматерить* *я, разматериться, сматериться, мать-перемать*, — что является лингвистическим свидетельством актуальности и матерной брани, и соответственно запрета на нее в среде старообрядцев. Матерная брань является принадлежностью только мужской речи: «*Даже презирают ту женщину, езлив она бы стала ругатца. Её бы живенька — или обчатца бы с ей не стали, или сказали бы, что так нельзя*».

О матерной брани в устном и письменном нарративе сообщается эвфемистически: (О гибели прадеда от рук красноармейцев.) — *Онэ стреляли-стреляли — не могли устрелять. Подбежал красномарей: «Мать-перамать!», как дал! Хотел сашкой-то ударить, сашка наверху скололась, это, лопнула, разлетелась в стороны, а он стоит — руки кверху задрал. Вторы заматерились: «Ты что, не можешь нищё сделать?!» «Он, — говорит, — заколдован, этот старой щёрт!»* (Аргентина, 2012); примеры из книги Д. Т. Зайцева: *Приезжает [хозяин] и ну опять материть: такисяки; Он замолчал, но вовсе обозлился и стал всяко-разно материться*.

Способом эвфемизации матерной брани является переход в конфликтной ситуации на другой язык (испанский, португальский), а также заимствование соответствующей лексики из этих языков, например, формулы отсылы из исп. *anda al carajo* (*андаль карáхо*) ‘иди куда подальше, отвяжись’.

Ольга Геннадьевна Ровнова
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ИРЯ РАН

С. Л. Ронгонен (Санкт-Петербург)

О захоронениях семьи Грот

Семейство Гротов служило России и внесло огромный вклад в русскую гуманитарную науку, в вопросы государственной, общественной жизни, благотворительности и образования. Так получилось, что захоронения членов семьи находятся в совершенно разных городах и странах, хотя большую часть жизни все они прожили в Петербурге. Самарский губернатор К.К. Грот похоронен в Хельсинки, его брат, много лет проживший в этом городе, Я.К. Грот упокоился в Петербурге, его сын похоронен на Украине.... Где находятся их захоронения, каким образом Гроты оказались в этих местах, в каком состоянии сейчас эти могилы.

Первым из рода Гротов в России появился Ефим Христианович^[58] (1733-1799), пастор церкви Святой Екатерины на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, место его захоронения обнаружить не удалось. Его сын от первого брака Карл Ефимович^[59] (1773—1818), утонул в Неве.

В браке Карла Ефимовича с Каролиной Ивановной (в девичестве Цизмер) выросли трое детей: Розалия Карловна, переводчик (1811-1874); Яков Карлович (1812—1893), академик, лингвист, лексикограф, историк, профессор Гельсингфорского и Санкт-Петербургского университетов; Константин Карлович (1815-1897), губернатор Самары, создатель системы обучения и попечения о слепых в России.

Яков Карлович Грот жил и работал в Гельсингфорсе с 1840 по 1853 годы. Здесь он женился, здесь родился его первенец. Вместе с Я.К. Гротом в Гельсингфорсе жила его мать и сестра, Розалия Карловна. Так случилось, что возвращение Я. Грота в Санкт-Петербург произошло вскоре после кончины матери, которая была похоронена на лютеранском кладбище Хиетаниеми, в старой его части, место 8.10 (фин. *Hietaniemen hautausmaa*, швед. *Sandudds begravningsplats*, государственное кладбище в столице Финляндии). Гранитный крест на четырехгранном постаменте стоит над могилами четырех человек – их имена высечены на сторонах постамента: Каролина Ивановна Грот – 1 февраля 1780-18 августа 1852; Статс-Секретарь Константин Карлович Грот 12 января 1815 – 30 октября 1897; Розалия Карловна Грот 3 февраля 1811 – 19 ноября 1874; младенец Александр Грот 24 ноября 1856 – 18 июня 1857. Оставшаяся бездетной Розалия Карловна и Константин Карлович оказались похоронены вместе с матерью, а также рано умершим племянником (илл. 1,2).

Розалия Карловна Грот жила вместе с мамой в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки), после её смерти переехала в Петербург к брату, Я.К. Гроту, где жила десять лет, помогая воспитывать его детей, после этого вернулась в Гельсингфорс. Она была известна как писательница и переводчица, публиковалась под псевдонимом Аполлонская.

Константин Карлович Грот сделал прекрасную и плодотворную карьеру в России, скончался в Санкт-Петербурге, согласно завещанию, его тело было перевезено в Гельсингфорс и захоронено рядом с матерью. Супруга Константина Карловича, Александра Николаевна Грот скончалась 18 апреля 1891 года в Каннах, видимо там же и похоронена.

На Новодевичьем православном кладбище в Санкт-Петербурге на 12-м участке находится место захоронения семьи Грот: два креста на постаментах, на каждом надписи с двух сторон. На беломраморном кресте: «младенец Яков Грот 16 октября 1869 -7 апреля 1874» и «отроковица Мария Грот 12 октября 1858 – 16 ноября 1872». На постаменте из черного гранита: «Грот Яков Карлович 15 декабря 1812 – 24 мая 1893» и «Наталия Петровна Грот 2 ноября 1825 – 9 августа 1899» (илл. 3,4). Здесь покоится прах академика Я.К. Грота, его супруги Н.П. Грот (в девичестве Семеновой) и их умерших несовершеннолетними детей, Якова и Марии.

На том же 12 участке Новодевичьего кладбища находится еще одно место с захоронениями семейства Грот. В одной ограде три чугунные креста: центральный на гранитном постаменте, боковые на овальных «советских» постаментах, отделанных гранитной крошкой. В одной могиле похоронен сына академика, Константин Яковлевич Грот, славист, профессор Варшавского университета (5.VII.1853 – 29.IX.1934), рядом покоится его сын, Сергей Константинович Грот (24 мая 1886 – 26 июля 1908), и супруга, Каролина Ивановна Грот, урожденная Стивенсон (3 февраля 1860 года – 4 октября 1934 года) (илл. 5,6).

Вспомним и о еще одном сыне Якова Грота, Николае Яковлевиче Гроде, философе, профессоре Московского Университета. Судьба занесла его на Украину, в село Кочеток Харьковской губернии, где он скончался и был похоронен рядом с церковью Владимирской иконы Богородицы^[60] (илл. 7).

Илл. 1.

Илл. 2.

Илл. 3.

Илл. 4.

Илл. 5.

Илл. 6.

Илл. 7.

Ронгонен Софья Львовна
СПб Филиал Архива РАН

Е. Л. Румановская (Иерусалим)

Кругосветное путешествие петроградских детей (1918-1920), красные скауты и дневник М.И. Холина (1920)

1. Голод в Петрограде 1918 г. вызвал организацию Союзом городов (создан на съезде губернаторов в 1914 для помощи нуждающимся, упразднен декретом советской власти в январе 1918, но фактически существовал до осени 1918) детских питательных колоний. Одна из них в составе около 400 человек гимназистов и учеников реальных училищ с воспитателями отправилась 18 мая 1918 на санитарном поезде с Финляндского вокзала. Второй эшелон 25 мая направился в г. Петропавловск в Казахстане. В первой группе находились мой отец, Леонид Борисович Кантор (1905-1977) и его братья, Михаил (1906-1978) и Владимир (1908-1985).

Восстание Чехословацкого корпуса и другие фронты Гражданской войны отрезали обе детские колонии от Петрограда. Деньги, рассчитанные на 3 месяца (75 рублей на человека) закончились, не было зимних вещей.

О бедственном положении детей стало известно Американскому Красному Кресту (АКК), который появился в России вместе с американским экспедиционным корпусом в мае 1918 г. Зимой 1918/19 г. АКК принял колонии под свое покровительство, начальником “Сибирской петроградской детской колонии” был назначен полковник АКК Райли А.Х. Аллен. Т.к. невозможно было вернуть детей в Петроград, их из зоны боев весной 1919 г. повезли на восток: Омск, Иркутск, Чита, далее по КВЖД через Харбин во Владивосток. Здесь расположились в казармах на станции Вторая речка и на Русском острове. Летом 1920 г. решено взять колонию в один из портов на Балтике. Фрахтуется японский сухогруз “Йомей-мару”, переоборудуется, и на нем около 800 детей и 283 руководителя отплывают по маршруту: Япония (Муроран на острове Хоккайдо), Тихий океан, Сан-Франциско, Панамский канал (официально открыт в 1920 г.), Нью-Йорк. Борьба за возвращение в РСФСР (с которой у США не было дипотношений), т.к. руководство АКК предлагало отправить колонию в лагеря перемещенных лиц во Франции. “Йомей-мару” отправился через Францию, Германию в Хельсинки (на рейде ждал заключения мира между Финляндией и РСФСР) и далее в порт Койвисто (Приморск), где 9 октября 1920 г. высадил пассажиров. АКК поселил колонию в санатории Халлила (ныне “Сосновый бор”) для ожидания виз и подтверждения, что родственники живы. Двумя партиями 20 декабря 1920 г. и 25 января 1921 г. 777 человек пересекли советскую границу в Белоострове и вернулись на Финляндский вокзал.

2. Описание путешествия на “Йомей-мару” в рукописном дневнике М.И. Холина (12 июля 1920 – 18 сентября 1920 г.) и альбомом фотографий.

3. Во время пребывания на Второй речке в колонии была создана дружина скаутов. Но дети “красного Петрограда” под руководством Валентина Цауне (1904-погиб в ВОВ) выпускают воззвание, организуют восстание 18 мая 1920 г., которое, со слов моего отца, описано в газете “Ленинские искры” (12 мая 1971 г.). Новая группа называет себя “красные скауты”, затем по-русски – юные разведчики, и уже на “Йомей-мару” в Тихом океане 15 августа 1920 г. признает Совет народных комиссаров, флаг, герб и гимн РСФСР. После возвращения в Петроград “Русская организация юных разведчиков” (РОЮР) организует первые пионеротряды под руководством В.Цауне, Г.Зуева, Л. Кантора.

Литература

1. Рукописная газета, дневник М. Холина, фотоальбом (архив автора).
2. Дитрих Г. Конец и начало. - М.-Л., 1927
3. Савельев Л., Цауне В. 1000 путешественников //Журн. “ЕЖ”, 1929, № 1-11
4. Floyd Miller. Wild Children of the Urals. - E.P. Dutton & Co., 1965
5. Jane Swan. The Lost Children: A Russian Odyssey. - South Mountain Press, Publishers, 1989

Румановская Елена Леонидовна
доктор Ph.D (Hebrew University in Jerusalem)
учитель русского языка в средней школе (Иерусалим)

О. В. Русаковский (Москва)

Дневник в поисках автора: Наблюдения над жанром и нарративными стратегиями одного неизданного источника XVIIв.

В собрании Библиотеки Академии Наук в Санкт-Петербурге несколько лет назад был обнаружен большой по объему (в 189 листов) и чрезвычайно любопытный по

содержанию текст на немецком языке, озаглавленный в рукописной копии XVIII в. «Деяния царя Алексея Михайловича, 1654 – 1664»^[61]. В действительности, речь идет об анонимных датированных записях о событиях, относящихся к внешней и, в меньшей степени, внутренней политике русского государства в указанный период. Особое внимание на себя обращают очень подробные, сделанные, вероятно, очевидцем, сообщения о переговорах русских дипломатов с польскими и шведскими представителями в Москве и на посольских съездах. Учитывая владение автора немецким, польским и латинским языками, а также установленную по дневнику хронологию его посольских посылок, с достаточной долей уверенности можно идентифицировать его как переводчика Кристофа (в православии Василия) Боуша. Уроженец Курляндии, Боуш попал в русский плен при невыясненных обстоятельствах в ходе Смоленской кампании 1654 г., в том же году поступил в Посольский приказ и оставался там до своей смерти в 1667 г.

Источник назван «Дневником» в описи рукописного собрания и действительно по форме представляет собой подневные записи, дополненные в конце каждого года кратким обзором важнейших политических и военных событий за год. Боуш, однако, не только не называет своего имени, но и не сообщает никаких подробностей своей личной биографии. Местоимение «я» употреблено в «Дневнике» лишь дважды: один раз в подробном, но довольно бесстрастном отчете о приеме английского посла в 1663 г., второй – в исключительно эмоциональном рассказе о голоде и людоедстве в Литве конца 1650-х гг. Несмотря на эту нарочитую отстраненность от фигуры автора, «Дневник» проникнут исключительно сильным политическим и нравственным чувством. Боуш, оказавшись на русской службе и приняв православную веру, не скрывал поначалу в своих записях ненависть к русским и презрение к их религии. В подробностях воспроизводит он неприглядные эпизоды разграбления литовских городов, угона в рабство их жителей, насилия, чинимого русскими властями по отношению к своим же подданным. Постепенно, однако, тон «Дневника» меняется. Боуш полностью отказывается от пейоративного в его устах обозначения «москвиты» в пользу слова «русские» и начинает употреблять местоимение «мы» по отношению к русским послам и их свите, в состав которой входил. Напротив, несмотря на сочувствие «полякам», автор не отождествляет себя с ними, а его конфессиональная принадлежность и политические симпатии остаются неясной.

Как мы можем определить жанр источника и цель, с которой Боуш доверял бумаге свои очевидно крамольные мысли? Несмотря на дневниковую форму, повествование в тексте выдержано с точки зрения структуры и повторяющихся ключевых тем (судьба польских пленников в России, эпидемии чумы, порча монеты и т. д.), что наводит на мысль о редактировании автором своего текста. Едва ли речь идет о личном дневнике, который его автор предназначал для собственной надобности или для передачи детям. Скорее, текст напоминает наброски для большого исторического труда, окрашенного, однако, сильными личными переживаниями. Не исключено и то, что Боуш мог впоследствии передавать сведения, собранные в «Дневнике», кому-то из иностранных послов или резидентов, но его собственная политическая позиция при этом не поддается однозначному толкованию. Наконец, не вполне ясно, прибегал ли Боуш к самоцензуре, например, отказавшись от любых инвектив в адрес лично царя Алексея Михайловича. На некоторые из этих вопросов я постараюсь дать ответ в своем докладе.

Русаковский Олег Владимирович
PhD, научный сотрудник НИУ ВШЭ

История исследований средневекового христианского мировоззрения кн. Е.Н. Трубецким (по его воспоминаниям и письмам)

Русский философ, правовед, религиозный и общественный деятель Евгений Николаевич Трубецкой (1863-1920) внес значительный вклад в историю русской «августинианы», неслучайно даже сегодня многие исследователи творческого наследия Августина Блаженного указывают труды Трубецкого в качестве одного из наиболее важных отечественных исследований о христианском богословии и отце Церкви. В 1892 и 1897 годах им были написаны его магистерская и соответственно докторская диссертации, объединенные под общим заголовком «Религиозно-общественный идеал западного христианства». В них философ также обозначил направление развития своего творческого пути как религиозного мыслителя и знатока истории Церкви.

По его начальному замыслу работа «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Миросозерцание Блаженного Августина» должна была стать первой частью большого исследования латинской идеи в христианстве, а также процесса развития ключевых сторон средневекового христианского мировоззрения, в целом. Философ планировал продолжить свой труд, рассмотрев всех самых известных христианских мыслителей V века и нескольких последующих эпох, повлиявших на формирование христианского теократического идеала. Однако, из запланированных христианских авторов, Трубецкой отдельную книгу, ставшую его докторской диссертацией, посвятил только папе Григорию VII и его эпохе – «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Идея божеского царства в творениях Григория VII и публицистов – его современников». При этом стоит отметить, что интерес к фигуре блаженного Августина и теократическому миросозерцанию латинского Запада возникает у кн. Е.Н. Трубецкого не сразу. В университетские годы (1881–1885), поступив вместе с братом Сергеем на юридический факультет на кафедру философии и энциклопедии права, он был прежде всего увлечен культурой и философией античной Греции, и еще к 1886 году в планах Трубецкого было продолжить данную тему в магистерской диссертации, на что указывает одно из его писем к брату.

Существует достаточно много свидетельств, позволяющих предположить, что событием, подтолкнувшим Евгения Трубецкого к принципиальному изменению темы его научной работы, стало личное знакомство осенью 1886 г. на еженедельной среде у Лопатиных с философом В.С. Соловьевым. Их первая встреча практически сразу же началась с горячего спора между мыслителями о православии, католичестве, критике исторического христианства, возможности «вселенской теократии» и единства Церквей, который, впрочем, не помешал им стать близкими друзьями. Подробности тех бурных разговоров с Владимиром Соловьевым кн. Е.Н. Трубецкой в дальнейшем опишет во второй части своих «Воспоминаний», начатых им в дни февральской революции 1917 года.

Другое значимое свидетельство того, что исследования о религиозно-общественном идеале западного христианства были написаны Трубецким под влиянием Владимира Соловьева, мы находим в его письме М.К. Морозовой времени работы того над «Миросозерцанием Вл.С. Соловьева»: «Смысл "Григория" только теперь тебе стал ясен. Только теперь ты увидела в нем то "мое", что отделяет меня и от Соловьева, и от католицизма, т.е. почувствовала верным твоим чутьем, что это подготовительная работа, коей смысл и разгадка в теперешней моей работе о Соловьеве. Так оно и было на самом деле. Ведь этот "Григорий" был зачат в борьбе против Соловьева; это попытка, удавшаяся мне только теперь, – отмежеваться от него».

Рухмаков Матвей Игоревич
Философский факультет МГУ
магистр II курса

Н. А. Савина (Санкт-Петербург)

Создатели культурных проектов в поисках счастья: культура как стиль жизни^[62]

В материалах исследовательского проекта «Культура счастья» есть несколько интервью, в которых наши собеседники, рассказывая о создаваемых ими культурных проектах, эксплицитно проговаривали не только то, как они воображают свою потенциальную аудиторию, но и то, как они, обращаясь к личному опыту культурного потребления, примеряют на себя роль получателя своего собственного культурного продукта. Отмечая в разговоре с нами, что аудитория получала удовольствие от результатов их работы, они апеллировали к тому, что они сами, будучи в роли посетителей, получили бы схожие эмоции.

Это провоцирует вопрос о том, насколько и в каких случаях продуктивно проводить привычную границу между культурным производством и культурным потреблением.

Мы рассмотрим этот вопрос на материале нескольких кейсов, представляющих частные культурные проекты, неотъемлемой составляющей которых выступает личность создателя. Тех, кто стремится совмещать свой предпринимательский труд и желанный образ жизни, занимаясь производством таких рыночных продуктов, которые бы отвечали его собственным культурным предпочтениям и ценностям, в исследовательской литературе принято называть «предпринимателями жизненного стиля» (*lifestyle-entrepreneurs*). Стоящая за этой моделью неолиберальная идеология предполагает, что подобный образ жизни позволяет человеку принципиально улучшить качество своей жизни – "обрести свободу", "стать хозяином своей судьбы" и, наконец, "почувствовать себя счастливым".

В докладе я обращусь к фигурам нескольких таких предпринимателей, для которых их деятельность в сфере культуры является важной частью идентичности и персонального жизненного проекта, связанного, как правило, с проживанием в сельской местности или в небольшом городе. Это создатели частных музеев, организаторы фестивалей и «народных праздников», они могут разрабатывать туристические программы или предлагать предметы того или иного ремесла (от рукоделия до приготовления крем-мёда) и т.д.

Для всех этих людей процессы "работы" и "жизни" оказываются, во-первых, практически неразделимыми, а во-вторых, связанными с постоянным включением в "культуру", которая является для них и одной из ключевых жизненных ценностей, и полем для профессиональной реализации, и любимой формой провождения времени, доставляющей положительные эмоции. На материалах интервью и включенного наблюдения я проанализирую, как для них соотносятся процессы производства и потребления культурных продуктов, какие механизмы используются для коммодификации "любимого дела" и личного опыта, а также какую роль в их жизненных сценариях играют категории "культуры" и "счастья".

Савина Наталья Алексеевна
аспирант факультета антропологии, младший научный сотрудник Центра прикладных исследований
Европейский университет в Санкт-Петербурге

И. В. Семененко-Басин (Москва)

Медик-филантроп Гааз в ситуации полемики по поводу деятельности Библейского общества в России: По неизданным архивным материалам

1. Протоколы заседаний Московского комитета Попечительного о тюрьмах общества (далее – Тюремный комитет), созданного в 1819 г., сохранились фрагментарно. Эти документы позволяют выяснить позицию члена Тюремного комитета, известного филантропа доктора Гааза (1780–1853) в полемике о Библейских обществах, вылившейся в Римско-католической церкви в строжайшие запреты католикам сотрудничать с этими обществами. В ту эпоху, следуя учению Тридентского собора, Апостольский престол предписывал католикам читать переводы Писания, выполненные только католиками, одобренные католической церковной властью и непременно содержащие авторитетный комментарий, составленный на основе Отцов Церкви и учительства Пап. Британское и иностранное библейское общество, созданное протестантами, неоднократно осуждалось Папами.

2. В Российской империи католические епископы, напротив, с большим энтузиазмом поддержали инициативу Александра I, учредившего Российское библейское общество (далее – РБО), которое на протяжении своей истории было тесно связано с Британским и иностранным библейским обществом. РБО взяло за правило публиковать переводы Библии без каких-либо примечаний, выражающих конфессиональную точку зрения, и, тем не менее, в Санкт-Петербурге его вице-президентами состояли римско-католический митрополит Станислав Сестренцевич-Богуш (1731–1826) и греко-католический митрополит Иосафат Булгак (1758–1838). В 1816 г. посредством бреве^[63] «Magno et acerbo» Папа Пий VII осудил участие Сестренцевич-Богуша в РБО.

3. Неопубликованные протоколы заседаний Тюремного комитета, находящиеся в фонде А.Ф. Кони (ГАРФ, ф. 564), сохранили доклады доктора Гааза 30-40-х гг. XIX в. о распространении Писания среди заключенных. Гааз рассказывал о своих мотивациях, об отсутствии запретов его собственной (то есть Римско-католической) Церкви на чтение и на распространение переводов Писания. Документы свидетельствуют о приоритетах Гааза и об определенной осторожности, о той линии, которой он не переходил, о присущей Гаазу системе аргументов в пользу распространения изданий РБО, а также об ответственности, которую медик готов был взять на себя.

3. Анализ докладов Гааза позволяет заключить, что его социально-политические взгляды неизменно соответствовали идеям, выраженным в акте о Священном союзе (1815), на который Гааз прямо ссылаясь. На фоне спора Рима и Санкт-Петербурга по поводу деятельности РБО, доктор Гааз не прекращал распространение переводов Писания. Усилиями российских дипломатов бреве Пия VII «Magno et acerbo» не только не вступило в силу в России, но не было даже известно в империи, так что Гааз не был осведомлен о споре Рима и Санкт-Петербурга по поводу РБО. Фактически же доктор Гааз оказался на стороне императора Александра I и митрополита Сестренцевич-Богуша. Так проявила себя преданность медика-филантропа христианской миссии возвещения Евангелия, и одновременно – его верность идее «евангельского государства» александровской эпохи^[64].

Семенов-Басин Илья Викторович
доктор исторических наук, независимый исследователь

Поведенческие стратегии неконформистов в ходе «проработочных» мероприятий (на примере «письма 46-ти» по «делу четырех»)

Частотным мотивом «Хроники текущих событий», как и других самиздатских материалов, является тема репрессий в адрес инакомыслящих. Рассмотрим логику поведения официальной власти и неконформистов на примере одного из судебных процессов – «дела четырех». Это позволит выявить модели поведения противоборствующих сторон и оценить бытовую этику внутри сообщества неконформистов. В качестве объекта исследования выбрано одно из писем протеста, представленное в сборнике П. Литвинова «Процесс четырех» – «письмо 46-ти» новосибирцев, сотрудников различных НИИ Академгородка, новосибирского госуниверситета и физико-математической школы. Поведение 46-ти «подписантов» в ходе различных «проработочных» мероприятий позволяет обнаружить универсальные тактические приемы, применяемые инакомыслящими в различных регионах страны.

Напомним хронологию событий:

Суд над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, В. Лашковой, А. Добровольским, так называемый «процесс четырех», проходил с 8 по 12 января 1968 г. За день до вынесения приговора, 11 января, Л. Богораз и П. Литвинов передали иностранным журналистам, толпившимся около здания суда, «Обращение к мировой общественности», вечером того же дня это открытое письмо прозвучало в эфире Би-Би-Си на русском и английском языках. Через неделю после окончания суда, 19 января, 46 учёных из Новосибирска и Академгородка отправили в адрес правительства письмо солидарности с осужденными. В тот момент реакции местной власти не последовало. Однако через два месяца, 23 марта, «письмо 46-ти» было опубликовано в газете «Нью-Йорк таймс», а спустя 3 дня, 27 марта, прозвучало в «Голосе Америки» с указанием всех фамилий «подписантов», их научного и должностного статуса. Зарубежные СМИ заявили о бунте советских ученых против системы руководства страной, и власть не могла отмолчаться.

Однако жесткие меры могли спровоцировать новый всплеск протестной активности. Местные власти ориентировали руководство первичных парторганизаций на компромисс: осудить, но не переусердствовать. В результате из 46 человек пострадала примерно треть.

Поведение «подписантов» в процессе «проработочных» мероприятий определялось решением прагматической и этической задач: надо было минимизировать возможные потери в профессиональной сфере и при этом сохранить личное достоинство и уважение сочувствующих коллег. Первая достигалась тактическими приёмами – сожалением по поводу негативных последствий публикации письма за рубежом и возможности использования его в целях антисоветской пропаганды.

Поведение ответчиков в ходе «проработок» основано на соблюдении универсальных этических правил, именуемых в обыденном моральном сознании порядочностью. Система этических самозапретов реализовывалась в практических действиях:

- не отрекаться от гражданской позиции, декларированной в письме: свою подпись не отозвал ни один из 46 человек;
- не выдавать друзей: имена товарищей, предложивших присоединиться к акции, как правило, не назывались;
- не ставить личные интересы выше коллективных;
- не ронять достоинства: «подписанты» не просили мягких наказаний, игнорировали обвинения личного характера, старались не поддаваться на провокации;
- не совершать низких поступков, в частности не выдавать друзей.

Соблюдение норм бытовой этики можно считать поведенческой константой, от которой старались не отступать «подписанты» и других «петиционных кампаний». Из совокупности свойств, входящих в понятие «порядочность», слагались навыки внутригрупповой солидарности, определявшие целостность и жизнестойкость сообщества неконформистов.

С. Е. Сидрова (Москва)

От неведомых земель к колониальным территориям: освоение имперских окраин по материалам описаний путешествий в Нагпур вXVIII в.

Географическим центром Индии является город Нагпур, первое упоминание о котором относится к 1702 г. Спустя три с половиной десятилетия Нагпур стал столицей одноименного княжества, одного из крупнейших и влиятельных в Индостане XVIII в. Для британцев, которые к этому моменту уже закрепились на берегах полуострова, окружив его кольцом мощных форпостов (Калькутта, Бомбей, Мадрас), земли, расположенные в его глубине были далекой и глухой периферией. Начиная со второй половины XVIII в. они начали прокладывать туда путь, двигаясь на лошадях, слонах, верблюдах, в паланкинах. Воспринимая неведомое пространство как своего рода емкость, наполненную материальными объектами, имеющими размеры и точное местоположение относительно друг друга, они предложили новый, основанный на европеизированном научном и рациональном подходе способ их освоения и изучения путем квантификации, схематизации и картирования. В походных сумках участников экспедиций были измерительные цепи и перамбуляторы для расчета расстояний; секстанты, квадранты, компасы, буссоли или теодолиты для измерения углов с целью определения координат местности; телескопы, хронометры и часы для астрономических наблюдений и вычисления времени и долготы, термометры. Все путешественники оставили письменные свидетельства с точными, выраженными в цифрах данными о территории. Собранные сведения и данные о климате, ландшафте, природе, народонаселении, ремеслах, сельскохозяйственной продукции записывались чернилами на бумаге, которая обретала форму писем, дневников, журналов наблюдений и курсировала между различными точками внутри Индии, а также между Индией и Англией. На их основе создавалась другая бумажная продукция, соответствовавшая европейским стандартам репрезентации информации: карты, сводные отчеты, энциклопедии, справочники. За полвека британцы добрались до Нагпура несколькими путями и уже к концу первой трети XIX в. там практически не осталось неизведанных ими мест. Определенным образом добытое и организованное знание было важным фактором формализации связей и отношений между центрами и окраинами в Индии, отражавших имперскую систему политических и территориальных иерархий.

Доклад будет посвящен колониальной повседневности, насыщенной непрекращающимся движением представителей пришлой иноземной культуры от центров к периферии и поисками ими ресурсного потенциала пересекаемых территорий. В фокусе исследования содержание и специфика имперских интересов в нагпурском регионе, а также то, какими способами происходило проникновение туда, его узнавание и освоение. В основе анализа описания путешествий в Нагпур Томаса Мотта (1766), Александра Эллота (1778), Джорджа Форстера (1788), Дэниэла Леки (1790).

А.В.Сиренов (Санкт-Петербург)

Автор Летописца небесных знамений – племянник патриарха Гермогена?

Летописец небесных знамений – уникальный памятник русской книжности начала XVII в., известный в единственной рукописи БАН, собр. И.И. Срезневского 114 (старый шифр 24.5.32). Эту рукопись первой половины XVII в. можно считать оригиналом летописца. Ее уникальность раскрыл в своей статье Г. В. Маркелов, трудами которого, совместно с автором настоящего доклада, текст летописца был опубликован в 2018 г.

Известия о русской и всеобщей истории на страницах летописца сопровождаются схемами астрономических и атмосферных явлений: галло, солнечных и лунных затмений, метеоритного дождя, комет, полярного сияния и др. Необычны и источники Летописца: это и осуществленный в 1584 г. русский перевод Хроники Мартина Бельского, и Лихачевский список «Летописца от 72-х язык», который, как полагают, хранился в Кирилло-Белозерском монастыре. Следует упомянуть также весьма редко встречающийся в списках текст Московского великокняжеского свода конца XV в. Необычные для древнерусской рукописи как по тематике, так и по иконографии миниатюры рукописи явно навеяны гравюрами латиноязычной Хроники Конрада Ликостена, перевод которой был начат в Москве в 1599 г. Еще один источник летописца – так называемый Лыткинский хронограф (ныне РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 36), в первой половине XVII в. принадлежавший некоему Федору Савину. Именно так звали известного иконописца, участвовавшего в росписи Благовещенского собора в Сольвычегодске. Отметим, что автор летописца фиксировал случаи росписи казанских храмов, причем использовал профессиональную терминологию иконописцев. Наконец, в летописце использована летопись, близкая к Супрасльской.

Можно утверждать, что автор летописца 1601 по 1616 г. жил в Казани. Этим временем датируются почти все казанские известия, встречающиеся в рукописи – как в основном тексте, так и в маргинальных записях. Получается, что при создании летописца автор проживал в Казани, но использовал рукописные источники, которые хранились в разных уголках Русского государства. Кем же был автор летописца?

В конце рукописи автор сообщает о себе, что 26 июля 1611 г. женился, 15 апреля 1612 г. у него родился сын Семен, а 12 июня 1615 г. – сын Иван. Несколько текстов рукописи рассказывают о переживаниях родителей по случаю безвременной кончины малолетнего сына. Можно предположить, что один из двух сыновей автора умер в детском возрасте. На первых листах рукописи (л. 1–15) читается владельческая запись 1652/1653 г. черного священника казанского Спасо-Преображенского монастыря Иосифа Андреева сына Крылова. Весьма вероятно, что это оставшийся в живых сын автора рукописи (вероятно, Иван), получивший ее по наследству. В таком случае, автора рукописи звали Андреем Крыловым. Человек с таким именем известен по источникам начала XVII в. Это племянник (или внучатый племянник) патриарха Гермогена, в Смутное время развозивший по городам патриаршие воззвания, а после Смуты он известен как служилый человек по Уфе.

В пользу отождествления автора летописца с А. С. Крыловым свидетельствуют и синодичные записи рода патриарха Гермогена. Имеющийся в них набор имен родственников патриарха перекликается с семейным летописцем из рукописи Срезневск. 114. Таким образом, у нас есть основания предположить, что автором лицевого Летописца небесных знамений был племянник патриарха Гермогена Андрей Семенович Крылов.

А. Е. Соболева (Москва)

Рисунки на полях рукописи, или «как денди лондонский одет»

Сюжет, которому предлагается посвятить доклад, — рисунки на полях одной четией минеи XVI века из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря. Рукопись эта часто попадает в поле зрения исследователей в связи с особенностями житийных текстов в ее составе. О текстах, однако, говорить не будем. На полях нескольких листов сохранились карикатурные зарисовки, время и место появления которых и попытаемся предположить. Тонкие мужские фигуры, выведенные пером, имеют светский характер и сделаны, очевидно, читателем рукописи. Одного взгляда достаточно, чтобы и считать их сатирический характер, и уловить яркие детали костюма, во многом позволяющие определить время создания «зарисовок».

Появление светских карикатурных рисунков не то чтобы ожидаемо на полях минеи, хранящейся в монастырской библиотеке. Вспоминая «лицейские» тетради А. С. Пушкина, напрашивается скорее мысль, а не возникли ли эти рисунки под пером какого-нибудь семинариста? Свет на историю, как кажется, может пролить история рукописи и собрания.

Соболева Александра Евгеньевна
кандидат филологических наук
научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН

Н. В. Соболева (Москва)

Роман Ромэна Сарду “Блеск Бога” (2004): текст на границахfiction–non-fiction

Предпринятое исследование посвящено взаимодействию истории и фикциональности в романе Р.Сарду «Блеск Бога». Ромэн Сарду (р.1974г.) – современный французский писатель, два первых романа которого («Прости грехи наши», 2002г., «Блеск Бога», 2004г.) связаны с обращением к теме средневековой истории Европы. В докладе рассматривается авторское восприятие культурного феномена Средневековья в контексте исканий современного историографического романа, а также философской концепции «Нового Средневековья»; анализируются различные аспекты поэтики романа (жанровое своеобразие, категория темпоральности, система мотивов и др.).

Говоря о соотношении документального и художественного в современном романе на историческую тему, представляется важным отметить особую продуктивность этого жанра для литературного процесса второй половины XX века – начала XXI веков, когда роман стремится выйти за пределы собственно литературы, художественного высказывания и освоения реальности. Проблема исторического правдоподобия не может быть решена в художественном произведении путем точного следования факту. Степень объективности исторического анализа зависит, в первую очередь, от места и функции истории в авторской концепции романа. В установке современного романа на переакцентуацию истории У.Эко обнаруживает взаимосвязь современных форм мышления в искусстве с формами средневековыми (схоластические дискуссии), указывая на соблазн антиисторизма, стремление расчленить и переоценить обломки

предшествующего мира, бриколаж (смешение) на грани ностальгии, надежды и отчаяния. («Средние века уже начались»). Иррационализм, присущий Средневековью, определяет так называемый «квазифеодалный фон» (Приходько), где разворачиваются события в произведении и осуществляется утверждение новой художественной целостной реальности.

Роман Ромэна Сарду «Блеск Бога» (2004), соединяя в себе жанровые элементы фэнтези, сайнс-фикшн, исторического романа и романа философского, альтернативной истории и межпланетной хроники, иллюстрирует эту тенденцию к актуализации утопического в эстетической сфере и созданию новых гибридных форм, апеллирующих к утопии.

Свободное обращение с историческим фактом, смешение нарочитой вымысленности и подчеркнутой достоверности, варьирование временных пластов в повествовании, возможно, предопределяется и биографическим контекстом творчества Сарду, изначальной интенцией автора создавать пьесы для театра, масштабные мистерии, существующие и функционирующие по законам массовой культуры, с ее ориентацией на сюжетную условность и зрелищность, затем преобразуется в стремление «конструировать роман как спектакль» (Сарду) с обилием героев, сюжетных интриг и коллизий, броскими спецэффектами, непринужденной игрой со временем и пространством, теряющим свою историчность.

Четырехчастная структура романа «Блеск Бога», перегруженная вставными компонентами, где каждая глава снабжена одним или несколькими обширными эпиграфами, напоминает принцип собирания, составления, энциклопедизации средневековых текстов (суммы, справочники и т.д.) и создает типологические параллели с принципом структуризации, к которому обращается Х.Л.Борхес в своих вымышленных энциклопедиях («Книга вымышленных существ», «Книга ада и рая» и т.д.), когда Борхес нередко намеренно трансформирует текст упоминаемых источников, дает неподтвержденные сведения, при этом имплицитно подчеркивая этой структурой контоминацию вымысла и реальности в индивидуальном авторском сознании.

Сарду в «Блеске Бога», сопоставляя подчеркнута диахронические цитаты в эпиграфах (Лукреций – Хайдеггер – Плотин – Борхес – Гюго – Шатобриан и др.), создает ритм, постоянное движение, дрейф от документального повествования к художественному и, соответственно, наоборот, от вымышленного к фактическому и документальному, историческому. В этом диахронизме эпиграфов эксплицитно проявляется авторская концепция симультанного времени и истории, где история мыслится единственно возможным соединением одинакового».

В романе Р.Сарду «Блеск Бога» обнаруживается дихотомическая взаимосвязь исторической достоверности и подчеркнутой вымысленности, как воплощения исторического нарратива нового типа с его тяготением к построению смысловой и структурной целостности и проявлением жанровой чувствительности к формам эстетической утопии.

Соболева Надежда Владимировна
к.ф.н., доцент кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета

М. В. Станюкович (Санкт-Петербург)

Метаморфозы «маргинальных реалий» в русской литературе: бетель

Бетель - жевательная смесь, состоящая из трех основных компонентов: плод («орех») арековой пальмы *Areca catechu*, лист перечного растения *Piper betle* и негашеная известь, и множества факультативных вкусовых и ароматических добавок. Первые упоминания о ней в русской литературе можно найти еще в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, который называет его «фуфел». Слово «бетель» сначала появилось в переводах. Словарь русского языка XVIII в. указывает в качестве даты первой фиксации 1766 г. (Критцингер Ф. Для молодых модных господ. М.); в НКРЯ находим его чуть позже в переводе «Исторіи о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга» Прево и Лагарпа, опубликованном Х. М. И. Веревкиным в 1782. В XIX веке оно встречается уже довольно часто, в первую очередь в описаниях кругосветных путешествий - от В.М. Головина (1822), И.В. Крузенштерна и Ф.П. Литке до И.А. Гончарова и К.М. Станюковича. К ним примыкают и знаменитые «Письма из Индии» А. Д. Салтыкова (1841). Бетель проникает и в художественную литературу: «Что такое люди!» (1832) и «Похождения одной ревижской души» (1834) О. И. Сенковского, «Гостинный двор» Ф. В. Булгарина (1843). Последние унаследовали от «путешественных описаний» негативное представление об обычае жевания бетеля как о привычке отталкивающей, антиэстетичной и порочной. Таким же было отношение к нему в западноевропейской литературе того времени. Уже в XX в. его демонстрирует И. А. Бунин (Братья, 1914). Нейтральный подход мы видим только в научной литературе (Г. Н. Потанин. Полгода в Алтае // «Русское слово», № 9, 1859, множественные публикации Н.Н. Миклухо-Маклая и о нем - К. Д. Рончевский 1874, В. Майнов 1880).

Между тем во всем огромном географическом ареале, охватывающем едва ли не четверть мира, где издревле практикуют жевание бетеля, он входит совсем в другой семантический ряд: дружелюбность, этикетность, вежливость, чистое дыхание, здоровье, красота, любовь, страсть, эротика, плодородие, драгоценные камни и золото, ораторское искусство, прозрение, дар, связь с миром богов и духов (Бетель 2015; Станюкович 2010а, 2010б, 2015; Stanyukovich 2014). Заслуга открытия этих коннотаций и «реабилитация» бетеля в русской поэзии принадлежит поэтам Серебряного века (Бальмонт 1914, Гумилев 1918, Пастернак 1923).

В этот период бетель стал символом экзотических восточных страстей и эротики. Изменение восприятия в первую очередь было связано с модой на шинуазери во французской поэзии. Отсюда «бетельные мотивы» стихов Н. Гумилева, который никогда не бывал ни в Китае, ни в Юго-Восточной Азии. Однако определенную роль сыграли и личные впечатления Константина Бальмонта, который предпринял длительные путешествия по тем ареалам, где жевание бетеля было распространено повсеместно – в Индию, Океанию и Индонезию. Особо отметим австронезийский мир и Новую Гвинею. С детства находившийся под впечатлением работ Н.Н. Миклухо-Маклая, Бальмонт был наиболее «этнографичен» во время поездок по этому ареалу.

Литература

- Бальмонт К.Д.* Белый зодчий. — СПб: Издательство «Сирин», 1914
- Головнин В. М.* Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным (1822)
- Гумилев Н. С.* Фарфоровый павильон. Китайские стихи. СПб.: Издательство «Гиперборей», 1918
- Пастернак Б.Л.* Темы и варьяции. Берлин, 1923
- Станюкович К.М.* Вокруг света на Коршуне. Родник, СПб. типография Е. Евдокимова, 1895.
- Станюкович М. В.* Бетель и другие легкие жевательные стимуляторы растительного происхождения. Основные направления исследования (программа) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 323–328.
- Станюкович М.В.* Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович, А. К. Касаткина. СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Маклаевский сборник. Вып. 5). С. 243-264
- Stanyukovich Maria V.* Betel, 'Lonely Heroes' and Magic Birth in the Philippines and Beyond: Comparative Mythology, Field Work and Folklore Corpora // Klaus Antoni, David Weiss (eds.) Sources of

Станюкович Мария Владимировна
к.и.н., ведущий научный сотрудник, зав. Отделом Австралии, Океании и Индонезии
МАЭ (Кунсткамера) РАН

Елена Степанян-Румянцева, Татьяна Кузнецова (Москва)

Смешное: от окраин к центру (к вопросу о юморе Достоевского)

1. Смешное многообразно и многофункционально. Оно помогает внутреннему освобождению, но может и отягощать, обременять. Оно может быть уродливо, а порой может открыться как «не знающее себе цены прекрасное» (Ф.М. Достоевский).
2. Юмор вездесущ. Есть емкое выражение «юмор Творения». В лике рублевского Спаса из Звенигородского чина (Государственная Третьяковская галерея) мы наблюдаем множество выражений, не сменяющих друг друга, а существующих одновременно. Среди этого богатства зритель может заметить в складке губ и некую возможность юмора, намек на улыбку, примиряющую, мягкую, но и всеведущую.
3. Всеприсутствие юмора связано с его открытостью, уживчивостью, его примирительным характером. Юмор – это одобрение бытия. А.Г. Горнфельд в статье о юморе, написанной для энциклопедия Брокгауза и Ефрона, развернуто высказывается о его сущности: «Явление, смотря по точке зрения, может быть великим или малым, разумным или нелепым, идеальным или материальным: Ю. соединяет эти точки зрения – и предмет в его изображении становится не возвышенным или комическим, но тем и другим одновременно, т. е. юмористическим <...> Ю. исходит из глубокого сознания значительности, ценности и истины идеала. Однако он не клеймит реальное за его отступление от идеала: он сочувствует ему, находя в нем неисчерпаемый источник для живой деятельности чувства...» «Чувство реального мира» – так следовало бы назвать назначение функции юмора в классическом искусстве. Да и в жизни тоже.
4. В связи с вышесказанным можно отметить: в романах Достоевского юмор в состоянии соединить возвышенное и низменное, маргинальное и относящееся к миру центральных авторских идей. Образ возникает у Достоевского на стрезне противоречий, там, где «искрит» от возникающего контраста, от столкновения противодействующих элементов. В смысловом отношении шутка способна открыть перед читателем целые содержательные шурфы во взаимодействии персонажей, во взаимоотношениях автора и героев.
5. С этой точки зрения очень выразительны реплики героев, в которых используется традиционный для комического эффект неоправданного ожидания. Он реализуется разными способами.
6. Например: разрушение соотношения одушевленности и неодушевленности в олицетворении. В романе «Идиот» Лебедев говорит: «Телеги, подвозящие хлеб человечеству... прехладнокровно могут исключить» любовь к человечеству. Здесь олицетворение комически усилено гипертрофирующим, доводящим высказывание до крайней нелепости эпитетом. При всех нелепостях и крайностях этого то ли спича, то ли проповеди выясняется, что Лебедев почти

прозорлив, что его восприятие современности и того, чем она чревата, беспощадно точно и христиански обоснованно.

7. Разрушение устойчивости фразеологизма (известные слова Свидригайлова к Раскольникову «Да что вы в добродетель-то так всем дышлом въехали?») тут являются хорошим примером. Фразеологизм «всем дышлом въехать» сталкивается с отвлеченным понятием «добродетель»; метафора реализуется; ее грубо-материальная природа так резко, оксюморонно оттенена высоким словом «добродетель», что наше воображение готовно иллюстрирует этот оборот. Заодно мимоходом дискредитируется и «благородство», «высокое негодование» Раскольникова.)
8. Генерал Иволгин в «Идиоте» потешает и возмущает слушателей своим гомерическим враньем. Однако «новелла» генерала о Наполеоне в Москве, романтически экзальтированная, сводит на нет самую возможность героизации этого образа.
9. Не только эти, но и многие другие комические персонажи, выполняющие, казалось бы, «маргинальную», второстепенную роль (капитан Лебядкин, «Бесы», Стебельков, «Подросток», госпожа Хохлакова, «Братья Карамазовы») часто соприкасаются с идейным ядром романа. Так юмор Достоевского осуществляет связь возвышенного и низменного, то есть выполняет свою коренную функцию.

Степанян-Румянцева Елена Владимировна
доцент кафедры литературы Московского государственного института культуры», к. ф. н., редактор
журнала *Secreta Artis*, член Ассоциации искусствоведов, член Международного общества Достоевского
(IDS)

Кузнецова Татьяна Владимировна
доцент кафедры стилистики русского языка ф-та журналистики МГУ
к. ф. н., редактор журнала "Вестник МГУ"

И. З. Сурат (Москва)

К истории «Стихов о неизвестном солдате». Мандельштам и Яхонтов

«Стихи о неизвестном солдате» – одно из самых хорошо изученных произведений Мандельштама, ему посвящено более 50 специальных работ, и в них во всех так или иначе затрагивается вопрос о литературных источниках стихотворения. Среди таких источников в разное время назывались как достаточно убедительные (книга К.Фламариона «Рассказы о бесконечном» или антивоенная поэзия Хлебникова), так и совершенно фантазийные и вошедшие при этом в комментарии к массовым изданиям поэта («Видение суда» Байрона), однако, как справедливо писал М.Л. Гаспаров, «ни один из них не дает объяснения структуры стихотворения в целом» (Гаспаров М.Л. О.Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., РГГУ, 1996, стр. 11).

Между тем такой источник, объясняющий общую структуру «Стихов о неизвестном солдате», может быть указан среди самых близких и несомненно известных Мандельштаму текстов – это книга артиста, чтеца В.Н. Яковлева «Война» (Л., Прибой, 1929), на основе которой Яхонтов и его жена и режиссер Еликонида Попова создали моноспектакль с одноименным названием. Мандельштама связывали с Яхонтовым многолетние дружеские отношения и общие творческие интересы, он посещал все спектакли Яхонтова, Яхонтов навещал его в Воронеже – на этом фоне знакомство Мандельштама с текстом «Войны» не вызывает сомнений. Антивоенная композиция

Яхонтова, построенная на принципах монтажа эпизодов различных мировых войн, содержит в себе целый ряд мотивов, отозвавшихся в «Стихах о Неизвестном солдате». Сопоставление двух текстов высвечивает исходный антивоенный импульс «Солдата» и позволяет проследить, как агитационный публицистический материал претворяется в ораторию эсхатологического звучания.

Привлечение «Войны» Яхонтова помогает разобраться с самой, может быть, главной текстологической проблемой «Стихов о неизвестном солдате» - определить статус (и смысл) трех центральных строф («Сквозь эфир десятично-означенный...»), исключенных составителем Полного собрания сочинений Мандельштама из основного текста.

Сурат Ирина Захаровна
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

А. Е. Тарасов (Москва)

«Голландский след» в истории Введенского собора Сольвычегодска^[65]

Молва связывала строительство собора Введенского монастыря Сольвычегодска^[66], заказчиком которого стал Г.Д. Строганов (1656-1715), с безымянным голландским архитектором: «План на него составлен в Голландии и оттуда же будто бы вызваны были и мастера для постройки; но рабочие были русские»^[67]. Предание критиковалось специалистами. По их мнению, хотя в постройках Нидерландов эпохи барокко и можно найти отдельные аналогии, тем не менее, общая трактовка форм храма – русская, «кроме того, голландская архитектура еще во второй трети XVII века отказалась от барокко и прочно перешла на позиции классицизма»^[68]. Полагаю, что предание о голландском архитекторе Введенского собора – частный случай распространенного в народной среде явления, когда возникновение необычных памятников зодчества объяснялось либо сверхъестественными причинами, либо участием иноземцев.

В то же время у сольвычегодского предания могла быть реальная основа. «Строительным материалом» предания могли стать действительные примеры службы голландцев Строгановым. Например, известно о строгановской службе Оливера Брюнеля, выделяющейся среди массы неподтвержденных или вовсе легендарных случаев^[69]. Немаловажно и то, что голландские изделия в XVII в. имели хождение в Сольвычегодске^[70]. Непосредственно для Г.Д. Строганова в Амстердаме были изготовлены две братины, возможно, в связи с его сорокалетием в 1696 г.^[71]

Тарасов Аркадий Евгеньевич
кандидат исторических наук, доцент
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А. А. Тесля (Калининград)

«Былое и думы» Герцена и метаморфозы романтического субъекта

Парадоксально, но «Былое и думы», один из самых известных памятников русской мемуаристики, нечасто делались предметом специального рассмотрения с точки зрения своего устройства, движения авторского замысла и композиционного целого. Точнее сказать – большая часть работ, посвященных такого рода рассмотрению «Былого и дум», приходится на 1930 – 50-е гг., а последующие в основном принадлежат авторам, начавшим свою работу над герценовским текстом в указанные годы (здесь в первую очередь следует вспомнить Лидию Гинзбург, посвятившую «Былому и думам» монографию 1957 г., а ее последнее обстоятельное исследование автобиографической прозы Герцена выходит уже несколько лет спустя после ее смерти, в 99-м томе «Литературного наследия», в 1997 г.). Едва ли не наиболее интересная работа, посвященная рассмотрению построения и динамики «Былого и дум», монография Я. Эльсберга 1930 г. [книга подписана «Ж. Эльсберг»] – оказывается одновременно и едва ли не последней, проблематизирующей целое, исходящей из фиксации внутреннего разлома. Герцен настаивал (напр., отвечая на эпистолярный отзыв Тургенева), что «Былое и думы» не являются мемуарами, фактически утверждая создание если не особого жанра, то, во всяком случае, понимая свое произведение как нарушающее существующие жанровые границы, существующие на пересечении привычных разграничений и классификаций. Проблема устройства и кризиса «Былого и дум» оказывается прямо отсылающей к самопониманию и предъявлению себя другим Герцена, динамике его концепции «себя» (в сопряжении частного/исторического). Это текст, который, с одной стороны, писался на протяжении едва ли не всей жизни – первые наброски развернутого автобиографического повествования относятся еще к 1830-м годам, первый большой журнальный текст, опубликованный Герценом – «Из записок одного молодого человека», а работа над последними книгами «Былого и дум» продолжается до последних месяцев Рабочей гипотезой, объясняющей рассыпающееся целое последних частей «Былого и дум» (и тем самым ставящих под вопрос логику первых частей), является исчезновение исходного сопряжения частного и публичного, повседневного и исторического. В исходной концепции произведения частное существование главного героя оказывается сферой истинного и верного – там, где он оказывается «положительным персонажем» (по конструкции Эльсберга), задающим в том числе и критическую перспективу рассмотрения окружающей реальности. Невозможность достаточно конкретного включения, описания своего частного существования в текст последних частей – создает возвращение к «лирической публицистике» Герцена конца 1840-х – 1850-х.

Тесля Андрей Александрович
кандидат философских наук, научный руководитель Центра исследований русской мысли
Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

—
В. В. Ткаченко (Москва)

Память о Смутном времени в России XVIII века: центральные и периферийные образы

Культурная память часто описывается исследователями как некая пространственная система, в состав которой входит множество образов прошлого («мест памяти»), выстроенных в определенной иерархии [3; 5]. В зависимости от степени востребованности в ту или иную эпоху, в их числе могут выделяться как центральные, так и периферийные объекты, причем их местоположение на общей «карте памяти» может меняться по мере их актуализации или забвения с течением времени. Этот процесс перемещения отдельных образов прошлого из периферии в центр и наоборот представляет

интерес для исследования. Рассмотреть некоторые его механизмы на конкретно-историческом материале позволяет изучение особенностей конструирования памяти о Смутном времени в России XVIII века, результатом которого стало формирование национально-патриотического мифа об освобождении Москвы от поляков и установление памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в 1818 г.

Названные герои занимали центральное место в памяти о Смуте далеко не всегда. В рамках доклада будут проанализированы образные ряды, транслировавшиеся разными каналами сохранения и передачи исторической памяти в XVIII в.:

- фольклором (зафиксированные в историко-географических описаниях XVIII в. устные предания об обороне или разорении русских городов от поляков и литовцев, как правило связанные с локальными мемориальными объектами - храмовой эпиграфикой, надписями на вкладных иконах, топонимикой и др.; исторические песни, наиболее ярким героем которых был М.В. Скопин-Шуйский);

- церковной книжностью (Пролог и Четьи Минеи), представлявшей Смутное время карой за убийство царевича Димитрия, а спасение Москвы - чудом, явленным Богородицей по молитвам русских святых;

- рукописной традицией (где наиболее значимым сочинением оставалось сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря);

- научными историческими сочинениями (до последней четверти XVIII в. историю Смуты практически не отражавшими);

- художественными произведениями.

Особое внимание предполагается уделить процессу формирования «пантеона героев» Смуты в литературе и искусстве XVIII в., где они могли фигурировать в разных сочетаниях (Пожарский и Трубецкой [2, 299]; Пожарский, Минин и Трубецкой [6; 7, 166]; только Пожарский [4]; Пожарский, Минин и Гермоген [1]), причинам выдвижения на передний план к началу XIX в. образа Минина (до этого являвшегося второстепенным в общем ряду освободителей Москвы) и последующего забвения образа князя Д.Т. Трубецкого (войска которого в действительности штурмовали Китай-Город 22 октября 1612 года).

Библиография:

1. *Ломоносов М.В.* Идеи для Живописных картин из российской истории // Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1952. С. 365–373.
2. *Ломоносов М.В.* Петр Великий // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Л., 1986. С. 280-311
3. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992. С. 200-202.
4. *Майков В.И.* Освобожденная Москва // Избранные произведения. М.-Л., 1966. С. 311-315.
5. *Нора П.* Франция-память. СПб., 1999.
6. *Херасков М.М.* Освобожденная Москва. М., 1798.
7. *Херасков М.М.* Россияда. СПб., 1895.

Ткаченко Виктория Владимировна
к.и.н., старший преподаватель кафедры

Истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А. В. Уланова (Москва)

Воспоминания А.Н. Ильина о службе в Бронницком земстве

Характеристика земств «быть пятым колесом в телеге русского государственного управления», данная в свое время В.И. Лениным, на долгие годы несправедливо отодвинула институт земства на маргинальные позиции [1, с. 35]. В советское время

ленинское «клеймо» довлело над историками настолько, что лишило земские учреждения того исследовательского интереса, который они объективно заслуживали.

Действительно, земская реформа 1864 г. Александра II имела серьезные недостатки. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» система земского управления оказалась лишенной как фундамента – низших, *волостных* земств, так и крыши – общероссийского представительного органа. Волость с исключительно крестьянским населением обеспечила бы сугубо крестьянский состав земства, а допустить народный орган без контроля со стороны дворянства власть опасалась [2, с. 21]. Но даже при такой «неполноценности» реформы, земские учреждения стали деятельными органами самоуправления на местах. Они приступили к успешному решению насущных проблем, таких как вопросы строительства и содержания школ, больниц, приютов; строительства и ремонта дорог и мостов; санитарно-эпидемиологической обстановки в уезде; ведения статистического учета; контроля земских сборов; поддержки и развития местной промышленности и мелкого производства и многого другого.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Ильиных был обнаружен целый комплекс материалов, относящийся к деятельности представителей этой известной дворянской династии в Бронницком земстве [3]. Одним из важных источников стали «Воспоминания о службе в Бронницком земстве» Андрея Николаевича Ильина (1872 – 1928). Член училищного совета и дворянской опеки в Бронницкой уездной земской управе А.Н. Ильин служил здесь вместе со своим отцом Николаем Ивановичем Ильиным (1837 – 1907) – полковником, инженером-путейцем, акционером, строителем и управляющим первой в России частной Московско-Казанской железной дороги, предводителем дворянства Бронницкого уезда (в 1876 – 1878 гг. и в 1887 – 1890 гг.), гласным земской управы, почетным мировым судьей, членом училищного совета, последним владельцем усадьбы Быково. Ильины активно участвовали в работе Бронницкого земства, особенно в преобразовании системы народного образования в своем уезде. Николай Иванович на собственные средства выстроил здание Быковского земского училища смешанного типа (т.е. для обучения мальчиков и девочек). Многолетней попечительницей этого учебного заведения с 1875 г. являлась его супруга Екатерина Андреевна Ильина (1850 – 1923). В начале XX в. в Бронницком уезде насчитывалось 35 земских училищ. Именно эти училища были предметом особого попечения уездной земской управы и частных лиц, ратовавших за самое широкое просвещение и развитие народного образования. Существовала постоянная потребность в строительстве новых школ, но средств, выделяемых *губернской* управой, не хватало. Тогда по инициативе А.Н. Ильина Бронницкое земское собрание утвердило принцип, по которому всю недостающую при постройке учебных заведений сумму должны были привлекать из средств *уездной* управы. Следующим достижением стало предложение Н.И. Ильина впредь возводить школы только из кирпича, перерасходуя не более 50% первоначальной сметы. Первой школой, построенной благодаря новому принципу финансирования, стало учебное заведение в деревне Шубино.

Среди многочисленных задач, решением которых занималась Бронницкая уездная земская управа, самыми актуальными на протяжении многих лет оставались вопросы образования, медицины и строительства. Представители династии Ильиных принимали самое активное участие в реализации этих задач, но вопросы народного образования и просвещения являлись для них первоочередными.

Источники и литература:

1. Ленин В.И. ПСС. Т. 5. С. 21 – 72.
2. Левандовский А.А. Земство и бюрократия. Русская история. 2014, № 2.
3. ОР РГБ. Ф. 814. К. 1. Ед. хр. 25, 33. К. 7. Ед. хр. 6.

Е. В. Урысон (Москва)

На границе терминологии и общеупотребительной лексики: *инфаркт* и *склероз* (некоторые лексикографические проблемы)

Объект описания – слова *инфаркт* и *склероз*, которые, с одной стороны, являются медицинскими терминами (ср. *инфаркт селезенки*, *субхондральный склероз костей*), а с другой стороны, входят в общеупотребительную лексику, ср. *выкарабкаться из инфаркта*, *бегот от инфаркта*, *Вот склероз – опять ключи забыл!*. При лексикографировании данных слов прежде всего требуется понять, сколько значений у данного слова: одно «общее» или два – терминологическое и общеупотребительное. В работе будет продемонстрированы преимущества второго решения.

Приняв, что у данного слова два значения, требуется установить их иерархию (порядок подачи значений в словарной статье). Цель работы – показать, что при описании данных слов вступают в конфликт два основных принципа упорядочения значений.

По первому критерию в качестве основного значения слова выбирается самое частотное и актуальное для современного языка; слово в этом значении обладает большим количеством парадигматических связей, более развитой сочетаемостью, а кроме того – стилистически нейтрально (подробнее см. [Апресян 2010]). По второму принципу в качестве основного значения слова выбирается его «корневое» значение, т.е. то, из которого можно – регулярными семантическими операциями – получить второе (вообще – более низкое в иерархии) значение [Падучева 2004].

В работе показано, что по второму критерию основным значением данного слова требуется признать терминологическое. Ясно, что это идет в разрез с первым принципом. Демонстрируется, что задача системного представления структуры полисемии слова может быть решена лишь в рамках второго подхода. Обсуждаются способы подачи в словаре сведений о частотности и актуальности разных значений слова.

Конфликт между двумя критериями выбора основного значения слова наблюдается достаточно часто, причем среди стилистически нейтральных и употребительных слов [Урысон 2019].

Литература

- Апресян Ю.Д. Инструкция по составлению словарных статей Активного словаря (АС) русского языка // Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: ЯСК, 2010.
Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
Урысон Е.В. Иерархия значений многозначного слова: к постановке проблемы. // РЯНО, № 1. 2019.

Урысон Елена Владимировна
д. филол. н., ИРЯ РАН, гл. н. сотр.

М.Ю.Федосюк (Москва)

Воспоминания о детстве в форме диктантов

В нашем семейном архиве сохранилась тонкая ученическая тетрадка, заполненная детским почерком. После заглавия «Наши воспоминания» следует «Предисловие», в котором сказано: «Приступая к писанию “Наших воспоминаний”, мы должны оговориться, что они предназначены для близких нам людей. И цель их — заглянуть в прошлое и одновременно использовать для правописания и умения излагать свои мысли. Записки будут касаться жизни близких нам людей. Мы к ним просим относиться не особенно критически, так как это первый наш труд и пишет его мальчик 8 лет под руководством своего отца».

По воспоминаниям моего отца, Юрия Александровича Федосюка (1920—1993), когда ему было 8 лет, его отец, а мой дед, Александр Павлович Федосюк (1882—1952), озабочился навыками письменной речи своего сына и решил писать с ним диктанты. Никаких сборников диктантов у А. П. Федосюка, одного из руководителей отдела сбыта Государственного треста резиновой промышленности, конечно же, не было. К тому же ему, видимо, хотелось рассказать сыну о своем детстве. И потому он положил в основу диктантов собственные воспоминания.

Тексты А. П. Федосюка о детстве изложены от лица его сына. А. П. Федосюк обозначен в диктантах как «мой [т. е. Ю. А. Федосюка] отец», а родители А. П. Федосюка — как «дедушка и бабушка». Вот как выглядят первые главы этих воспоминаний (каждая из них, очевидно, была отдельным диктантом): «Г л а в а 1 - я . Отец мой родился в 1882 г. в Псковской губернии и уезде в большом имении в семье своего деда, который служил управляющим у владельца этого имения. Мой дедушка по линии отца, которого я, так же как и мою бабушку, в живых не застал, был в это время без службы, почему моя бабушка и очутилась в имении в семье своего отца. Мой отец был самым младшим в семье, и помимо него было три дочери и два сына, причем все девочки были старшие. Звали детей: Мария, Елизавета, Елена, Николай, Михаил и моего отца — Александр. Г л а в а 2 - я . Семья моего отца прожила у деда почти год, откуда переехала в Московскую губернию, Клинский уезд на фабрику Высоковской мануфактуры, где мой дедушка нашел службу. В то время им жилось очень тяжело. Дедушка получал жалование 45 рублей в месяц, квартира плохая, а семья большая, из которой самой старшей дочери, Марии, было всего лишь 13 лет. Г л а в а 3 - я . Детство свое мой отец провел на фабрике.

Интеллигенции на фабрике было мало, служащие больше были из крестьян и рабочих, дети были невоспитанные, и среди них рос мой отец. Мать моего отца была добрая, сердечная женщина, хорошая хозяйка, очень любила своих детей и всячески старалась оградить их от нехорошего влияния фабричных детей. Одевали их просто, но очень аккуратно и, к великому сожалению детей, никогда не позволяли им ходить босыми, что было принято среди других детей».

А дальше следуют диктанты с воспоминаниями о том, как праздновали именины автора, о его учебе сначала в школе соседнего с Высоковской мануфактурой села («Ходить до школы было очень тяжело, особенно зимой, когда метель заносила все дороги, да и морозы давали себя знать»), а потом в Клинском городском училище. Клин находился в 10 верстах от Высоковской мануфактуры, и там 12-летнему Саше пришлось жить у чужих людей в съемной комнате...

Чем интересны эти тексты? Во-первых, своей формой. Не уверен, что кто-либо еще обучал своих детей орфографии и пунктуации на основе собственных воспоминаний о детстве. А между тем детям такие тексты гораздо интереснее, чем стандартные диктанты. Во-вторых, эти тексты примечательны содержанием. Что касается меня, то я нашел в диктантах А. П. Федосюка некоторые неизвестные мне сведения об истории нашей семьи. Да и о личности моего деда, который ушел из жизни, когда мне было всего лишь 4 года. Но важнее отметить другое. Перед нами документ о том, как жили наши предки — рядовая русская интеллигенция на рубеже XIX и XX веков.

О. Е. Фролова (Москва)

Дневник как контаминация жанров

Дневник как жанр может быть устроен весьма разнообразно. Так дневник актера О.И.Борисова «Без знаков препинания» представляет собой контаминацию двух жанров.

Чтобы были видны особенности дневника актера, кратко приведем его биографические данные. О.И.Борисов (1929-1994) закончил Школу-студию МХАТ (1947-1951), в 1951-1963 работал в Киевском театре русской драмы им. Леси Украинки, в 1963-64 — в Московском драматическом театре им. А.С.Пушкина, в 1964-1983 — в Ленинградском академическом Большом драматическом театре, в 1983-1990 — во МХАТе. В 1991-1994 гг. — руководитель собственной антрепризы.

Дневник охватывает двадцать лет 1974-1994 гг., т.е. ленинградский и московский периоды жизни и творчества актера.

В тексте обращают на себя внимание экскурсы в прошлое. Так 2-10 января 1974 г. Борисов описывает лифт в своем доме на Кабинетной улице в Ленинграде. Более, чем через год, 7 марта 1975 г., запись возвращает читателя к этому описанию: «я и засел в своей гримуборной за дневник. <...> у меня никак не получалась история про лифт» [Борисов 2002: 16]. Т.е., автор прибегает к ретроспективной отсылке. Сопоставление двух приведенных фрагментов показывает, что Борисов одновременно ведет дневник, фиксируя события недавнего прошлого, и перерабатывает записи прошлых лет.

Запись 7 марта 1975 г. посвящена Е.Копеляну. О.Борисов воспроизводит их диалог: «Копелян мерно закачал головой <...> “Всегда считал себя честным человеком, но... сколько приходилось врать! Дневник уже не заведу, с ума не сойду и в воду ... не брошусь... Хотя мой Свидригайлов «уехать в Америку» силы нашел”». [Борисов 2002: 17]. Оказывается, эта запись имеет ретроспективный характер: «С того дня прошел год. Он вчера умер. Лечили живот, а потом поняли, что болело сердце...» [Борисов 2002: 17]. Е.Копелян ушел из жизни 6 марта 1975 г.

Формат дневника позволяет О.Борисову избежать хронологически последовательного изложения событий и создать мозаичную картину своей жизни.

Можно выделить по крайней мере две модели построения дневниковой записи. Первая: 1) эпизод из недавнего прошлого, 2) объяснение, 3) отсылка к далекому прошлому. Вторая: 1) воспоминание из далекого прошлого, 2) объяснение, 3) датировка.

Для О.Борисова обращение к далекому прошлому важно по нескольким причинам: в силу ощущения жизни как единства, осознание своего отдаленного во времени прошлого как опоры последующих поступков духовного самосовершенствования и связи с семьей.

Таких примеров множество. Так в апрельских записях 1974 г. О.Борисов приводит рассказ о выборе будущей профессии сыном Юрием, которому в тот момент было уже 18 лет. Борисов подробно описывает взросление сына и становление его интересов на протяжении нескольких лет.

История знакомства и женитьбы на Алле Латынской, случившаяся еще в Киеве, приведена 10 июня 1975 г.

Через два года после эмиграции писателя В.П.Некрасова в июле-августе 1976 г. О.Борисов подробно описывает их взаимоотношения, начавшиеся еще в Киеве и перешедшие в дружбу. Запись озаглавлена «Крестный отец», причем акцент смещен с совместной работы над фильмом по сценарию Некрасова «Город зажигает огни»,

поставленном режиссером В.Венгеровым в 1958 г. Для Борисова важнее разговоры с писателем, его оценки и совместные поездки в Ленинград.

Формат дневника выдержан автором 4-9 января 1981 г. при описании репетиций «Кроткий» с Л.Додиним. Однако далее в январских записях 1981 г. Борисов обращается к киевскому периоду и родным жены Аллы, чтобы лучше понять отношения персонажей Достоевского.

Поиск по тексту дневников (12804 знаменательных слова) показывает, что глагол *вспомнить* употреблен 49 раз, *вспоминать* — 21 раз, а отглагольное существительное *воспоминание* 9 раз. Это свидетельствует о важности обращения к прошлому в мировосприятии актера, а дневниковое изложение позволяет вольно обращаться с уже совершившимися событиями, излагая их в нужном автору порядке и создавая мозаичную картину своей жизни.

Итак, О.Борисов создает контаминацию дневника и воспоминания, отодвигая левую границу на десятилетия и расширяя повествование о времени и пространстве собственной жизни.

Фролова Ольга Евгеньевна
МГУ, д.ф.н., филол. ф-т, зав. лаб.

А. В. Циммерлинг (Москва)

Корабль дураков

Глупость — характеристика действующих субъектов и текстов, имеющих логическую структуру. Она проверяется на множестве событий и поступков или на множестве связанных между собой утверждений, являющихся гипотезами об устройстве некоторой предметной области. Суждения о глупости автора, готового присоединиться к некоторому набору утверждений, сами могут быть проявлением глупости.

В докладе исследуется вид глупости, который предлагается назвать пропозициональной глупостью. Базой исследования являются тексты, порождаемые в СМИ и social media людьми, не сознающими своей маргинальности. Выдвигаются две гипотезы: 1) авторство — серийная способность; 2) существуют свойства, одновременно характеризующие и авторов, и порождаемые ими тексты.

Следует различать акциональную, фатическую, иллюкутивную и пропозициональную глупость. *Акциональная* глупость связана с совершением действий, которые не обязательно имеют вербальную форму. *Фатическая* глупость связана с совершением речевых действий, препятствующих успешной коммуникации. *Иллюкутивная* глупость — совершение действий, подрывающих уже начавшуюся коммуникацию. *Пропозициональная* глупость — характеристика способа построения текста, претендующего на логическую связность, и стоящего за ним менталитета, допускающего порождение текстов, где конечный вывод, основанный на сомнительной оценке, маскируется нестрогими рассуждениями. Общая причина п-глупости — отсутствие правильной интуиции в некоторой предметной области в сочетании с уверенностью дурака в том, что имеющихся у него представлений достаточно. Применительно к людям п-глупость есть частный случай *авторства*, т.е. готовности нарушить молчание и вербализовать имеющееся представление о мире. Стоит ограничить проверку на п-глупость текстами, которые всерьез претендуют на объяснение некоторых явлений.

Если п-глупость является свойством *конкретных текстов* $T_A^1, T_A^2 \dots T_A^n, T_B^1, T_B^2 \dots T_B^n$ и ментальных состояний авторов А и В в момент порождения этих текстов, одни тексты, порожденные А и В, будут характеризовать их как п-дураков, другие — нет. Если же п-глупость есть суммарная характеристика *всех* текстов, которые могут быть порождены А и В на определенную тему, возникает проблема перекрестной идентификации авторов и текстов.

Предположим, что все тексты могут быть описаны онтологией, относящей текст Т к предметной области D. Индивид А признается *автором* суждений о D, если существует хотя бы один текст $T_A^k(D)$. Я буду считать авторство серийным феноменом: если ты породил один текст о D, можешь породить и другие. Множество текстов бесконечно, но материалом для реконструкции $T_A(D)$ всегда служит хотя бы один реальный текст, озвученный автором А. Автором будем считать и лицо, буквально воспроизведшее текст другого автора. Отсюда следует, что один и тот же текст может быть произнесен бесконечное число раз, как одним человеком, так и разными людьми. Допустим, что для каждой области D разбиение авторов на п-дураков и не-п-дураков является заданным. Если А — п-дурак, все его тексты *могут* быть п-глупыми. Но каждый реальный текст, порожденный А, необязательно отмечен п-глупостью. Автор A^Σ может порождать как п-глупые тексты, обладающие свойством Σ , так и п-не-глупые тексты со свойством $\bar{\Sigma}$. Предполагается, что п-дурак *способен расширить* каждый свой п-не-глупый текст Т ($\bar{\Sigma}$), сделав его частью п-глупого текста Т (Σ).

- (i) Если автор А — п-дурак, то он может построить для каждого своего п-не-глупого текста $T_A^n(\bar{\Sigma})$ п-глупое расширение $T_A^{n+1}(\Sigma)$, такое, что $T_A^n(\bar{\Sigma}) \subset T_A^{n+1}(\Sigma)$.

Модель «умная голова, да п-дураку дана», совместима с представлением о том, что не-п-дураки тоже говорят п-глупости. Но на них условие (i) не распространяется. Применительно к людям п-глупость — дар свыше. Либо ты п-дурак в суждениях о D, либо нет. Но сами реальные тексты, порожденные всеми авторами, могут содержать как п-глупые, так и п-неглупые части. Если текст этого тезиса содержит п-глупости, он является п-глупым. Но отсюда не следует, что все его части таковы. Формализация понятия не-п-дурака дана в (ii):

- (ii) Автор A^Σ не является п-дураком в предметной области D, если существует хотя бы один порожденный А п-не-глупый текст T_A^n , все расширения которого являются п-не-глупыми.

Поскольку множество текстов автора достраивается интерпретатором, разница между п-дураками и п-не-дураками задается изначальной гипотезой о том, что члены одного подмножества авторов, включая А, в текстах, относящихся к D, не могут рассуждать правильно и обязательно сбиваются при расширении п-не-глупого текста, в то время как членам другого подмножества авторов, включая В, хотя бы в одном случае хватит навыков или правильной интуиции, чтобы не сбиться. Такова модель «умной головы» и вытекающие из нее следствия.

Циммерлинг Антон Владимирович
докт. филол. н., главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени
А.С.Пушкина, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН

В. А. Черванёва (Москва)

Современная устная достоверная проза: границы текста и границы жанров

Общая «антропоцентрическая» тенденция, свойственная гуманитарным наукам конца прошлого века, проявилась в фольклористике в изменении представления о самой сущности понятия *фольклор*. Формула советской фольклористики «Фольклор – искусство слова», отражающая представление о фольклоре как некоем множестве эстетически маркированных традиционных текстов определенных жанров и родов (по аналогии с жанрами и родами текстов литературных), в настоящее время заменилась на определение фольклора как «особой формы устной речи» [Адоньева 2004: 4] и «как базовой формы социокультурной коммуникации» [Неклюдов 2018: 11].

Изменение теоретической рамки в сочетании с развитием технических средств, позволяющих осуществлять звукозапись полевых материалов, привело к тому, что методами фольклористики стали изучаться не только традиционные фольклорные жанры, но и речевые жанры повседневной коммуникации носителей традиции (автобиографические, семейные нарративы, описания ритуальных практик, мотивировки обрядовых действий и т. д.).

Вовлечение большого объема нового материала – прежде всего это касается устной прозы с установкой на достоверность – поставило перед исследователями новые проблемы. Во-первых, особенно острой оказывается проблема отграничения фольклорной устной прозы от речевой среды, от текстов повседневной устной коммуникации носителей традиции (дихотомия традиционных и «разовых» текстов [Чистов 2005: 159] в этих условиях оказывается почти стертой). Во-вторых, описание и классификация нового многообразного текстового материала неизбежно сталкивается с инерцией жанровых классификационных схем, разработанных в условиях иной теоретической парадигмы, предполагающей иное представление о фольклорном тексте и объеме понятия *фольклор*. В докладе это будет показано на примере терминологии, относящейся к устной прозе с установкой на достоверность (быличек и легенд).

Для решения проблемы непротиворечивой классификации предлагается использовать в качестве критерия разграничения текстов параметр коммуникативной ситуации бытования — канонической (как в разговорной речи) и неканонической, и дальнейшее жанровое членение и описание проводить в рамках каждой группы.

Литература

- Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004.
Неклюдов С. Ю. К читателю // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 1. № 1–2. 2018. С. 11–14.
Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005.

Черванёва Виктория Алексеевна
к.ф.н., в.н.с. Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ
доцент кафедры гуманитарных дисциплин РАНХИГС

С. Ф. Членова (Москва)

Н. А. Дмитриева. Проблемы интерпретации: Ю. Олеша о «Божественной комедии» Данте

В неизданной (хотя и рекомендованной к печати) монографии Н. А. Дмитриевой «Об интерпретации» (начало 80-х) главными фигурами были Данте и Чехов. В своем исследовании она, ученый универсального типа: критик, историк, теоретик искусства и литературы, – продолжала размышлять о природе искусства, о том, какие свойства художественных произведений делают их шедеврами и обеспечивают им долговечность.

Жизнь «Божественной комедии» в образах мировой и отечественной культуры прослеживается в монографии на протяжении пяти веков – от Боттичелли и Микеланджело до О. Манделштама и Ю. Олеси. Судьбе творения Данте в России отводится вдвое меньше места (50 с.), чем в Европе (110 с.): рассматривается взаимодействие с ним Пушкина, Г. Успенского, В. Соловьева и Блока, а также Манделштама, Олеси. Любопытный отбор...

Какой гранью своей художественной натуры наиболее тесно соприкасался с «Божественной комедией» Ю. Олеша? Ведь для возникновения подлинного эстетического контакта с произведением искусства у воспринимающего должно быть некое предварительное потенциальное с ним сродство.

Одним из любимейших писателей Олеси был Герберт Уэллс, своими художественными приемами превращавший фантастику в эпос: «Невероятное событие приобретает настолько удивительные и конкретные черты, что фантастический роман становится как бы документом, как бы свидетельством о совершившихся событиях, которые в свое время потрясли человечество», – писал он о «Борьбе миров». Та же «мощь подлинности» влекла его и к «Божественной комедии».

При этом свою очарованность «Божественной Комедией» писатель Юрий Олеша хотел выразить именно тем способом, который Манделштам считал совершенно непригодным, – пересказом. Н. А. Дмитриева выбирает Олешу в том числе и для узаконивания пересказа как одной из форм интерпретации, но главное, конечно, за его восприятие рассказанного Данте в поэме как реальности.

В этом Дмитриева и сама сродни Олеше. В подтверждение их эстетического сродства в докладе будут приведены записи 60-х годов из ее сокровенного, сугубо для себя предназначенного, дневника, который она вела около полувека.

Членова Светлана Федоровна
НИВЦ МГУ
Ассоциация искусствоведов

В. И. Шварц (Москва-Бишкек)

Туркестан, 1916 год: Никому не нужная правда об одном эпизоде истории Российской империи

В 1916 году в нескольких регионах Туркестанского края, который являлся частью Российской империи, произошли события, получившие общее название «Туркестанское восстание». Общей причиной всех инцидентов стало изданное 25 июня 1916 г. Николаем II повеление о наборе коренного (инородческого) населения российских окраин на окопные работы в районе боевых действий. В части регионов России набор прошёл бесконфликтно, на Кавказе его вообще отменили, и только в Туркестане реквизиция сопровождалась кровопролитием и привлечением войск для карательных акций. Наибольшим числом жертв и значительным ущербом сопровождалась реквизиция киргизского и казахского населения Семиреченской области. В ходе беспорядков киргизы убили около трех тысяч и взяли в плен более тысячи переселенцев европейского происхождения. В результате ответных действий правительственных сил на территории двух уездов Семиречья почти не осталось коренного населения. Часть его была физически истреблена, а более 250 тысяч человек бежали в пределы Китая.

Уже в 1916 г. один из очевидцев этих событий – ссыльный член РСДРП Г.И. Бройдо заявил в показаниях прокурору, что все эти события были сознательно спровоцированы местной администрацией. Позднее, уже в советский период, эти

показания были опубликованы. Гипотезу о провокационной природе «семиреченского восстания» в 20-е годы прошлого века помимо Бройдо поддержали еще несколько современников этих событий. Однако в период сталинщины в официальной советской историографии этот взгляд был объявлен необоснованным. И была принята старая версия «восстания туземцев», которая изначально выдвигалась царской администрацией, а затем была поддержана и Временным Правительством. Альтернативные свидетельства были объявлены несостоятельными и на протяжении почти целого века документальной основой всех исследований и описаний произошедшего являлись исключительно документы царской администрации. Различие в описаниях состояло в том, что выступление коренного населения, оцениваемое имперскими властями как «антиправительственное», стали именовать «революционным» и «антиколониальным». Такая оценка событий была официальной вплоть до распада СССР. После этого теория «провокации» не пришлась ко двору ни в свободном Кыргызстане, ни в России. В первом случае в этом видели умаление национальной героики, во втором она пришла в противоречие с политикой реабилитации столыпинской земельной реформы.

Однако трактовка событий как исключительно «восстания туземцев» не дает ответа на ряд принципиальных вопросов. Наиболее острым из них являлся вопрос о целях, которые побудили киргизов «восстать». В связи с этим, начиная с 2016 года, Фондом Санжарбека Даниярова (Бишкек, Республика Кыргызстан) был проведен поиск документов, касающихся событий 1916 года в тех архивных фондах, которые ранее были недоступны для исследователей или выпали из поля зрения^[72]. В результате были выявлены несколько сотен неизвестных ранее документов, раскрывающих не только драматические обстоятельства подготовки царского повеления о реквизиции рабочих и его доведения до исполнителей, но и политические предпосылки появления этого нормативного акта.

Нам удалось установить и доказать документально, что уже в 1915 г. ряд высших чиновников царского правительства, осознав угрозу социальных протестов со стороны демобилизуемых воинов, предложили заранее, еще до окончания боевых действий на германском фронте, создать и подготовить земельный фонд для наделения участками земли наиболее отличившихся участников боевых действий. Для реализации этой задачи в январе 1916 года была создана специальная общественная организация – *Георгиевский Комитет*. Членами этого комитета стали товарищи (заместители) руководителей основных министерств. По сути, Георгиевский Комитет мог выполнять функции теневого правительства. Председателем и куратором Георгиевского Комитета стал великий князь Михаил Александрович. Фактическим лидером этого «теневого правительства» был самый влиятельный политик того времени – статс-секретарь А.В. Кривошеин. К маю 1916 г. комитет разработал проект документа, в котором устанавливался порядок наделения георгиевских кавалеров земельными участками. При этом вопрос об источниках земель, предназначенных для раздачи демобилизуемым солдатам, остался нерешенным. Сразу же после завершения работы над этим документом по инициативе Министерства Земледелия была начата подготовка высочайшего повеления о привлечении инородческого населения империи на окопные работы. Выявлены документы, позволяющие утверждать, что имели место факты должностных нарушений и подложных подписей.

Нарушения законодательства продолжались и на стадии реализации указа о реквизиции, подписанного Николаем II. Эти обстоятельства подтверждают гипотезу о том, что вся кампания по привлечению инородцев к окопным работам была изначально затеяна для того, чтобы вынудить народности, ведущие кочевой образ жизни, в частности – киргизов, покинуть места их проживания и освободить земли, которые были нужны властям для наделения ими отличившихся воинов. В ходе архивных поисков также были выявлены новые свидетельства современников этих событий, в которых «семиреченское восстание» прямо объяснялось провокационными действиями властей.

Выявленные документы дали весомые аргументы в поддержку гипотезы Г.И. Бройдо о том, что «восстание» стало следствием провокационных действий власти. Но при этом отличие от взглядов Бройдо состоит в том, что он считал организаторами провокации администраторов краевого и областного уровня, а по новым документам последние были лишь исполнителями приказов, поступивших с самого высшего уровня управления Российской Империи.

Шварц Владимир Ильич
руководитель проекта «1916 год» Санжарбска Даниярова

Я. Г. Шемякин (Москва)

Пересечение различных векторов пространственной ориентации как отличительная черта российского цивилизационного «пограничья»

Результаты как социологических, так и культурологических и исторических исследований последних десятилетий XX – первых двух десятилетий XXI вв. убедительно свидетельствуют о том, что, говоря словами голландского ученого Й. ван Баака, «язык пространственных отношений, помимо его прямого значения в культуре, является универсальным моделирующим средством для выражения всевозможных непространственных, а именно модальных, ценностных и идеологических значений» (Й. ван Баак. О границах русской культуры // Русская литература, 1995, №3, с. 12). Этот подход утвердился и в отечественной мысли (А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев).

Если проанализировать в таком контексте историко-философские и идеологические дискуссии о месте России в мировой истории, то можно констатировать, что ее участники, как правило, используют пространственно-географические параметры при оценке содержания и направленности культурных процессов. Достаточно вспомнить всю полемику вокруг вопроса о положении России между Западом и Востоком, Севером и Югом. В том, что касается последних десятилетий, пик споров наблюдался в 90-е гг. XX в., когда определились две крайние позиции, воплощенные в концептах «Скандовизантии» (Д.С. Лихачев) и «Славогумилевизма» (Л.Н. Гумилев). И та, и другая основывались на абсолютизации различных, реально существующих осей пространственной ориентации формирующейся российской цивилизации: «Север-Юг» (концепция Д.С. Лихачева) и «Восток-Запад» (с восточной доминантой у Л.Н. Гумилева). На ранних этапах отечественной истории в развитии русской культуры преобладала ось «Север-Юг». Но наряду с «северо-южной» доминантой наличествовала и другая ориентация: «Запад-Восток», воплощенная в сложном комплексе взаимоотношений со степняками и со странами Востока (через «вожский путь»). То есть наблюдалось пересечение различных ориентаций, нашедшее свое проявление и во внутреннем строе культуры.

В XVII в. происходит смена доминанты, в полной мере проявившаяся уже в XVIII в., начиная с царствования Петра I. Ось «Запад-Восток» становится главным ориентиром и основой шкалы ценностей. Возникшие внутри- и внекультурные противоречия, столкновения, в том числе религиозные и идеологические конфликты проявляются как оппозиции в рамках этой оси (церковный раскол XVII в. и последующее противостояние «никонианской» церкви и старообрядцев, Чаадаев, западники и славянофилы,

революционное народничество и русский марксизм и т.п.). Тем не менее ось «Север-Юг» сохранилась в духовном космосе русской культуры (русское самодержавие как воплощение «просвещенного Севера», Петербург как «северная Пальмира» и т.п.). С наступлением «серебряного века» наблюдается бурное развитие северной темы (Бальмонт, Брюсов, Андрей Белый, Кустодиев, Билибин и др.). В истории осмысления русскими Севера как культурного ориентира прослеживается значительное влияние западных культурных моделей.

Таким образом, и после XVII в. наблюдается пересечение разнонаправленных векторов пространственной ориентации в духовном космосе российской цивилизации. В этом проявляется ее «пограничный» характер как особого человеческого мира, возникшего в результате взаимодействия основных потоков мирового цивилизационного процесса («Востока» и «Запада», «Севера» и «Юга»).

Шемякин Яков Георгиевич
д.и.н., главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН

О. Д. Шемякина (Москва)

Время истории и время жизни в воспоминаниях Н.П.Вишнякова

Время истории, возраст жизни и время осмысления прошедших событий мемуаристом могут входить в сложные противоречивые отношения. Так, в широко известных в мемуарной литературе воспоминаниях Н.П. Вишнякова (1844 – не ранее 1917 г.), происходящего из обеспеченной семьи второгильдейского купечества, время николаевского царствования совпало с временем детства, а осмысление этих событий совпало с возрастом уже пожилого человека. Удушливая атмосфера Николаевского царствования, порождающая страх и общественный эскапизм, совпала с периодом первого пробуждения личности, которое воспринималась уже в пожилом возрасте как время, которое никогда не повторится. Исследования по геронтологии (психологии людей пожилого возраста) могут помочь в объяснении противоречивости и эмоциональных перепадов в текстах мемуаров, относящихся к детскому периоду жизни автора. Объективными условиями изменения психологии в пожилом возрасте являются постепенная утрата прежних социальных ролей, утрата или отдаленность близких людей, которые субъективно выражаются в сужении круга интересов и сосредоточении их на внутреннем мире. Сосредоточение на внутреннем мире (наибольшей реальности из всех реальностей), обращение к периоду детства и юности являются психологическим способом восполнения утрат. Это породило наполненность текстов данной части мемуаров ситуациями, окрашенными в положительные тона, несмотря на острое отчуждение от Николаевского царствования. Старость – это утрата не только социальных ролей и близких людей, но и ослабление эмоциогенных факторов, острое притупление эмоциональной сферы, которая приводит к регенерации детских эмоций, конечно не буквально, а идеально – эмоциогенными фактами старости становятся воспоминания о детских эмоциях. Описание этих состояний просто поражает обстоятельной подробностью в сочетании с непосредственностью и свежестью в воспроизведении. Значение возрастных особенностей необходимо для того, чтобы правильно оценить

амбивалентность чувств, которые вызывали социальные и возрастные ценности: с теплотой вспоминается тот период жизни, который совпадал с этапом в истории, имеющем негативное значение для мемуариста. Учет особенностей возрастной психологии дает возможность уйти от жесткого давления ценностной картины мира, которая логично и ясно восстанавливается из корпуса воспоминаний. Это острая неприязнь к бездушию чиновничьего мира, подавляющего естественную свободу человека. Но детство и связанная с воспоминанием о нем эмоциональная радость разрушают эту логику, указывая нам на то, что в индивидуальной человеческой судьбе, отраженной в мемуарах, невосполнимой и утраченной является та свобода переживания и открытия мира, которой не может препятствовать ни один политический режим.

Шемякина Ольга Дмитриевна
к.и.н., научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ
им. М.В.Ломоносова

Г. Г. Шеянов (Москва)

**Мертвые души Ковровского уезда
(история из провинциальной жизни «гоголевской» России)**

Главного героя нашего доклада — дворянина Владимирской губернии, надворного советника Аркадия Петровича Рогановского (1766-1812) — с молодости сопровождали странные истории. Что не помешало ему добиться успехов по службе, стать кавалером ордена Св. Владимира IV ст. и быть избранным на должность предводителя дворянства Ковровского уезда. Но запомнился он не этим.

Аркадий Петрович решил добиться развода со своей женой Евпраксией Егоровной, давно уже расставшейся с мужем и сожительствовавшей с предводителем дворянства Гороховецкого уезда Александром Григорьевичем Батуриным. В свою очередь, Евпраксия Егоровна обратилась к губернатору с жалобой, что Аркадий Петрович, состоя с нею в законном браке, тайно обвенчался с другой женщиной. Эта громкая и запутанная история (прошедшая стадии светских интриг, судебных тяжб и вмешательства императора) стоила обоим предводителям дворянства отстранения от своих должностей. Конфликт тянулся 2 года, и неожиданно оборвался в тот момент, когда Аркадий Петрович был убит собственными дворовыми людьми.

До сих пор оставалась неизвестной одна маргинальная сюжетная линия этой истории. В тот момент, когда «война компроматов» между расставшимися супругами Рогановскими достигла максимального накала, Аркадий Петрович стал совершать странные юридические манипуляции со своими крепостными крестьянами. В 1811 году он избавляется от половины ковровского имения, совершив 4 сделки по продаже крестьян и осуществив переводы крепостных в Рязанскую, Нижегородскую, Костромскую и Вологодскую губернии. Есть основания подозревать, что (по крайней мере, некоторые) юридические действия Рогановского носили фиктивный характер. Впрочем, Аркадий Петрович и ранее был склонен к махинациям с ревизскими душами: например, в 1807 году он «продал» своей родственнице 5 крепостных, из которых на тот момент двое были мертвы, один отпущен на волю и двое отданы в рекруты (это классический пример продажи «мертвых душ», поскольку все эти крестьяне к тому времени навсегда выбыли из собственности помещика).

Некоторые (возможно, все) крестьяне, которых Рогановский спешно продавал в 1811 году разным лицам — после его смерти были проданы новыми владельцами наследникам Рогановского. Крепостные, переведенные Аркадием Петровичем в другие

губернии, были возвращены на прежние места жительства (возникает предположение о том, что перевод крестьян был произведен лишь «на бумаге», а их фактического переселения не состоялось).

Вся эта история достойна пера Гоголя, включая и махинации главного героя с ревизскими душами (которые, хоть и не являют прямой аналогии с фабулой поэмы «Мертвые души», но перекликаются с ней стилистически). Версия о том, что дальние отголоски истории Roganovskogo могли быть известны автору «Мертвых душ», выглядит хоть и маргинально, не столь уж фантастично. Известно, что идея «Мертвых душ» была подарена Гоголю Пушкиным. А Пушкин был хорошо знаком с литератором Дмитрием Петровичем Ознобишиным — мужем одной из внебрачных дочерей Евпраксии Егоровны Roganovskoy и Александра Григорьевича Батурина. Но одна неувязка ставит под сомнение нашу маргинальную гипотезу: Ознобишин женился на дочери Roganovskoy лишь в 1835 году, а Пушкин «подарил» Гоголю сюжет «Мертвых душ» несколькими годами ранее. Впрочем (независимо от того, мог ли Гоголь слышать отголоски истории Roganovskogo), жизнь нашего героя принадлежит тому историческому ландшафту, который служил писателю предметом созерцания и источником вдохновения при работе над бессмертной поэмой.

Шеянов Григорий Геннадьевич
кандидат медицинский наук

Р. О. Шляхтин (Майнц)

Рубежные люди: Память о русско-литовском пограничье в долине реки Межа?

На границе Тверской, Смоленской и Псковской областей протекает река Межа. Со времен Средневековья Межа, приток Западной Двины, является одним из ответвлений речного пути, который связывает земли северо-восточной Руси с Прибалтикой. В 16-17 веках бассейн Межи и Двины - малонаселенный болотистый район между Велижем, Белой, Великими Луками и Торопцем - стал ареной для столкновений между Московским Государством и Речью Посполитой. Мирные договоры Московского царства и Речи Посполитой открыли для русских купцов торговый путь на Балтику. В XVIII веке Разделы Речи Посполитой поставили речной путь по Меже под контроль России. В начале XIX века по Двине проходило в год до 1500 барок и стругов. Однако уже к середине XX века строительство Рижской железной дороги и обмеление Межи и Двины сделало перемещение грузов по рекам бессмысленным. К концу XX века это привело к бегству молодежи из региона и массовому запустению оказавшихся в Тверской области поселений по обеим сторонам Межи.

В течение 1990х и начала 2000х годов расспросы позволили обнаружить в коллективной памяти слои, которые относились не только к Второй Мировой Войне, но и к первой половине XX века. “Я три раза жила в разных губерниях никуда не выезжая,” - говорила в 1990х годах пенсионерка и жительница села Булатово Анна Б., которой на тот момент было более 70 лет. Помимо этого, в деревне Булатово была жива память о якобы литовских “панах”, которые якобы владели деревней, а также о “царской” дороге, которая якобы проходила в лесу к западу от Булатово и с которой были связаны рассказы о кладе времен Екатерины Второй. Летом 2020 года сотрудница Криволукской конторы Соловского лесничества Мария К. рассказала нам о некоем “рубеже” в окрестностях ее родной деревни Полоска. При переезде через этот “рубеж” на телеге местные жители в

первой половине XX века якобы оставляли в специальном висящем на дубу ведре записки об особо тяжелых грузах.

Сложность и глубина (воображаемой) устной истории побудила меня начать проверку местных легенд. Поверхностное исследование показало, что оснований для скепсиса меньше чем предполагалось в начале. По карте 1865 года деревня Булатово действительно оказалась “панской”, то есть господской. Через лес к западу от деревни действительно проходила “драгунская дорога” из Смоленска на Торопец и Псков и далее на Петербург. Стоявший на этой дороге в 19 веке постоялый двор пользовался недоброй славой, а присутствующий в ведомостях хутор Екатерингоф намекает на возможную связь этой локации с правлением Екатерины Второй. Рассказ сотрудницы лесничества о “рубеже”, который мы восприняли со скепсисом, позволил нам обнаружить современные топонимические свидетельства существования старой русско-литовской границы XVIII века. Эта граница оказалась “отмечена” населенными пунктами с характерными названиями - Леоновщина, Королевщина, Ореховщина и Абрамовщина. Королевщина известна историкам Речи Посполитой по документам середины 18 века. В пяти километрах от нее расположена родная деревня Марии К. Полоска, к югу от которой на карте 1865 года расположен фольварк (sic!) Полосы и деревня с говорящим названием “Рубеж”.

Каким образом память об исчезнувших границах между государствами и губерниями дожила до наших дней? Как сохраняется память в условиях “вечной” периферии? Является ли активизация “досоветской” памяти способом справиться с травмой распада СССР и обрести новую идентичность и воображаемую справедливость? Намечать пути исследования этих проблем и призван данный доклад.

Шляхтин Роман Олегович
PhD, научный сотрудник, Проект ГРК 2304 “Культуры войны в Византии и Средиземноморье”
Университет Иоганна Гутенберга, Майнц

А. Д. Шмелев (Москва)

Титулование и неспецифицированный гендер: речевой этикет и «нестандартное» согласование по числу, лицу и роду в русском языке в межъязыковой перспективе

В докладе будут рассмотрены некоторые проблемы, возникающие при выборе числа, лица и рода слов, согласующихся с такими традиционными «титулами», как *величество*, *высочество*, *сиятельство*, *светлость*, *(высоко)превосходительство*, *(высоко)благородие*, *святейшество*, *(высоко)преосвященство*, *(высоко)преподобие*. Предполагается показать, что закономерности согласования с соответствующими формулами несколько отклоняются от «стандартных» правил согласования в русском языке. Будет поставлен вопрос о соотношении этих закономерностей с наблюдаемой в настоящее время во многих языках тенденцией к «гендерно-нейтральному» употреблению.

Грамматические коллизии, связанные с использованием титулов при адресации, возникают, в частности, при использовании этикетных формул, построенных по модели *ваше N* (*ваше превосходительство*, *ваше высокопреосвященство*, *ваше сиятельство* и т. д.) и использовавшихся в русской традиции в соответствии с табелью о рангах (в советское время использование этих формул было крайне ограничено). Наряду с их использованием в качестве собственно обращений, они могли функционировать и для

референции к адресату речи, и в этом случае могла возникнуть согласовательная коллизия: местоимение *ваше* предполагает использование по отношению к адресату форм второго лица множественного числа, тогда как существительное в составе формулы навязывает употребление форм третьего лица и единственного числа, а в прошедшем времени предполагается также согласование по роду с притяжательным местоимением в составе титула (понятно, что местоимение *ее* невозможно с такими словами, как *святейшество* или (*высоко*)*преосвященство*). Эта коллизия в разное время разрешалась различным образом. Более традиционный, но в настоящее время воспринимаемый как устаревший способ ее решения состоял в использовании форм второго лица множественного числа (в соответствии с этим решением в прошедшем времени согласование велось по множественному числу). Однако наличие в составе формулы существительного приводило к тому, что многим носителям языка более «естественным» казалось согласование по третьему лицу единственного числа, и это способ согласования постепенно получал все большее распространение у авторов XX в. (бывало и так, что один и тот же автор в разных случаях следовал разным способам разрешения данной коллизии).

Согласование в единственном числе имеет типологические параллели: в некоторых культурах прямое обозначение собеседника с использованием форм второго лица считается фамильярным, а в качестве «вежливого» обращения используется непрягая адресация (т. е. собеседник обозначается в третьем лице). Иногда такой способ вежливого обращения конвенционализуется, как, напр., в польском языке, в котором использование слов *pan* и *pani* с глаголами третьего лица функционально соответствует использованию русского «вежливого» местоимения *вы*.

Что касается до использования аналогичных формул для референции к третьим лицам, они на первый взгляд не представляют никакой проблемы. В самом деле, казалось бы, если титул стоит в единственном числе, то согласующееся слово тоже должно быть в единственном числе, а в настоящем времени, при согласовании по лицу – в третьем лице. Действительно, такое согласование вполне типично, как это легко видеть из многочисленных примеров. При этом согласование по роду для согласующихся слов, для которых это релевантно, в принципе может зависеть как от рода существительного, включенного в титул (большинство таких существительных относится к среднему роду), так и от ингерентного рода притяжательного местоимения, включенного в титул: в последнем случае для титулов, построенных по модели *его N* (*его величество*, *его превосходительство* и т. д.), должен выбираться мужской род, а для титулов, построенных по модели *ее N* (*ее величество*, *ее высочество* и т. д.), должен выбираться женский род. Согласование с существительным встречается довольно редко. Напротив того, выбор формы в зависимости от ингерентных свойств притяжательного местоимения в составе титула встречается часто. Однако едва ли не чаще встречается употребление согласующегося слова во множественном числе – вопреки единственному числу существительного и ингерентного единственного числа притяжательного местоимения в составе титула.

Использование форм множественного числа (в частности, глагольных) при подлежащем в единственном числе в качестве показателя почтительной вежливости не чуждо русскому просторечию и вне ситуации титулования. Просторечное согласование по множественному числу с обозначением единичного лица (в единственном числе) оказывается возможным и при выборе анафорического личного местоимения (*они* вместо *он* или *она*). При этом употребление местоимения *они* по отношению к единственному лицу всегда рассматривалось как несоответствующее нормам литературного языка и «хорошего тона». Такое употребление местоимения множественного числа *они* и соответствующих согласуемых форм в качестве показателя почтительной «вежливости» во многом аналогично использованию в такой функции местоимения *вы* (и соответствующих согласуемых форм).

В некоторых ситуациях «просторечное» использование форм «уважительного» множественного числа местоимения третьего лица почти теряет свою просторечную окраску. В частности, это касается притяжательной составляющей обсуждаемых титулов, когда вместо *его* или *ее* используется притяжательное местоимение *их*.

Все названные грамматические казусы могут приобретать новое значение на фоне глобальной борьбы с «сексистским» употреблением языка, которая иногда может приводить к перестройке грамматики и переосмыслению грамматических норм. В частности, на наших глазах это произошло с английским языком. Как известно, в английском языке на протяжении последних трех десятков лет использовались разные местоимения для повторной референции к лицу, пол которого неизвестен или не определен (неопределенность может быть связана с неспецифицированной или генерализованной референцией, с тем, что референт представляет собою произвольно выбранный референт разнополого множества, или с тем, что референт не определился в отношении своего пола). В самое недавнее время произошел некоторый сдвиг в выборе гендерно нейтрального местоимения третьего лица: в качестве такового стало регулярно выбираться местоимение *they* (это встречалось и раньше, но часто квалифицировалось как отклонение от стандарта), что непосредственно связано с представлением о небинарности гендерного противопоставления. Соответственно, изменились некоторые свойства этого местоимения: можно говорить, что в системе английских местоимений появляется новое местоимение — *they* единственного числа, подобно тому, как несколько столетий назад появилось местоимение *you* единственного числа. Согласование глагола с *they* при обозначении единичного лица ведется по множественному числу, как и в случае местоимения *you*; однако, наряду с формой множественного числа *themselves* появилась форма единственного числа *themselves* (по аналогии с *yourself*). Некоторые носители английского языка стали использовать для анафоры местоимение *they* даже в тех случаях, когда пол референта известен, чтобы не навязывать референту ту или иную гендерную идентичность.

Если эта тенденция победит и в русском языке, то, по-видимому, использование для анафорической референции к одному лицу местоимения *они* и согласование с ним по множественному числу перестанет считаться просторечным отклонением от нормы. Существенно, что, в отличие от английского языка, это будет касаться и местоимения *сам* (в единственном числе оно маркировано по роду). В составе титулов будет использоваться притяжательное местоимение *их* и согласование с ним будет тоже вестись по множественному числу.

Шмелев Алексей Дмитриевич
д. фил. наук, профессор, главный научный сотрудник
Института русского языка РАН

Е. Я. Шмелева (Москва)

О молитвах в болезнях рук и ног

Как известно, в народной православной традиции от болезней молятся целителям и врачевателям (чаще всего целителю Пантелеймону и чудотворцам Косме и Дамиану), а также есть особые молитвы, иконы и святые, которые помогают от того или иного недуга. В православных молитвословах есть раздел «Молитвы в болезнях», оглавление которого похоже на оглавление медицинской энциклопедии, в которой перечисляются типы заболеваний: молитвы при зубных болезнях, глазных, желудочных, при болезнях головы, ног, рук, при расслаблении тела с потерей аппетита, бессонницей, при злокачественных

опухолях и др. На примере молитв при болезнях рук и ног попробуем понять, почему именно эта молитва, икона или святой считается помогающей от соответствующей болезни. Иногда мотивировка очевидна. Так, при болезнях и увечьях рук нужно молиться Божией Матерью пред Ее иконою «Троеручица». И в названии, и в самом тексте молитвы упоминается рука и «исцеление руки Иоанна Дамаскина, от иконы твоей явленное». Также понятно, почему молятся самому св. Иоанну Дамаскину, у которого, как известно, срослась усеченная рука. Однако жития многих других святых не настолько широко известны, как житие св. Иоанна Дамаскина, поэтому не сразу понятно, почему от болезней ног нужно молиться мученикам Антонию, Евстафию и Иоанну Виленским (Литовским), которые, как сообщает краткий пересказ их жития, предваряющий текст молитвы, «за принятие крещения были подвержены многим пыткам и мучениям и затем повешены на дубе». Но в житии Виленских святых можно обнаружить эпизод, который может объяснить, почему обращенные им молитвы помогают от болезней ног (не случайно именно это чудо упоминается в ряде молитвословов в кратком тексте жития, предваряющем молитву): «несмотря на то, что ноги св. Евстафия были раздроблены, с чудесной Божьей помощью он сам дошел до места казни». Как молитвы праведному Симеону Верхотурскому, так и молитвы преподобному Иакову Железнодорожному, которым также молятся при болезнях ног, предваряются текстами, о том, что эти святые много ходили пешком: Симеон Верхотурский «совершил пеший путь из России в Сибирь, чувствуя изнеможение в ногах», а Иаков Железнодорожный «дважды, даже в глубокой старости, ходил пешком в Москву, чувствуя изнеможение в своих ногах», то есть в их житиях тоже есть указание на некоторые проблемы с ногами (правда, в другом молитвослове отмечается еще один факт связи прав. Симеона Верхотурского и болезней ног – на его мощах «получил полное выздоровление служивый, который страдал расслаблением»). Есть еще чрезвычайно популярные молитвы, которые советуют читать при болезнях рук или ног, – это молитвы, в которых среди прочего упоминаются плохо действующие руки и/или спотыкающиеся ноги: молитва Ангелу-хранителю (*Не даждь места лукавому демону обладати мною, насильством смертнаго сего телесе; укрепи бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения*) и 90 псалом (*На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия*). Очевидно, что 90 псалом рекомендуется для чтения от болезней ног как один из самых известных и часто читаемых по разным поводам псалмов, хотя в Псалтыри можно найти более выразительные описания помощи Божьей, удерживающей человека от падения и повреждения *ноги, стопы* и даже *плесны*, ср., например, псалом 39 (*И возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя*), псалом 36 (*От Господа стопы человеку исправляются, и пути его восхождет зело*), псалом 17 (*Уширил еси стопы моя подо мною, и не изнемогосте плесне мои*). Любопытно, что хотя в Псалтыри слова *рука, мышца, десница* встречаются никак не реже, чем *нога* и *стопа*, в нескольких псалмах говорится об опасности повредить ногу и о том, как Господь помогает избежать этой опасности, но, по-видимому, только в 36 псалме говорится о том, как удается избежать повреждения руки: *Егда падет, не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его*.

Шмелева Елена Яковлевна
к. филол. н., ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Синестезия в языке: «от окраины к центру»

Синестезия — особенность восприятия, когда в ответ на стимуляцию одного сенсорного канала у человека возникают дополнительные ощущения, относящиеся уже к другому сенсорному каналу (например, человек слышит музыку и может сказать, какого она цвета). Синестезию изучают в различных научных дисциплинах: нейрофизиология, психология, литературоведение и др. Лингвисты также не остаются в стороне: ведутся исследования по синестетическим ассоциациям с языковыми единицами различного порядка (например, графемно-цветовая синестезия [Mankin 2019]), синестезия рассматривается некоторыми лингвистами как универсальный паттерн семантического перехода ([Williams 1976] и др.), достаточно обширный класс исследований посвящён синестетической метафоре ([Day 1995] и др.).

В рамках данной работы синестезия определяется как словосочетание, построенное на базе слов, содержащих сенсорные семантические компоненты. Синестетическое словосочетание может принимать форму различных фигур — метафоры, сравнения, метонимии и др. Следует отметить также, что в лингвистике наряду с классическими полисенсорными сочетаниями (*белая мелодия* = зрение + слух) рассматриваются и такие, где только одно из слов содержит сенсорный семантический компонент (*чёрное отчаяние* = зрение + эмоция).

Часто синестезия изучается на материале художественного текста. Возможно, именно поэтому она воспринимается многими как достаточно специфическая и сложная фигура речи, свойственная стилю отдельных авторов. Однако синестетические словосочетания представляют собой скорее спектр явлений различной степени освоенности в дискурсе. В докладе будут разобраны некоторые примеры, иллюстрирующие это разнообразие по принципу «от окраины к центру»: то есть от замысловатых авторских фигур (как в знаменитом сонете А. Рембо «Гласные») до наиболее банальных, привычных выражений, которые вполне могли бы претендовать на роль «метафор, которыми мы живём» (*зелёная тоска, медовый месяц*).

Литература

- Day S. Synaesthetic metaphors in English. West Lafayette, 1995.
URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf
- Mankin J. Deepening understanding of language through synaesthesia: a call to reform and expand. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2019.
URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2018.0350>
- Williams J. M. Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change. *Language*, 1976, vol. 52 (2), p. 461–478.

Ярошенко Полина Владимировна
аспирантка кафедры французского языка кознания
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

М. В. Ясинская (Москва)

Мемориальная эпитафия итальянско-словенского пограничья (словенские некрополи)^[73]

В 2017–2018 гг. сотрудниками Института славяноведения РАН были предприняты две экспедиции на итальянско-словенское пограничье. Работа проводилась с итальянской стороны границы, в зонах компактного проживания словенского этнического меньшинства, являющееся автохтонным населением данного региона. В ходе экспедиции было обследовано несколько кладбищ (в Уговицце, Малькине, Сан Пьетро-аль-Натизоне, Терцимонте, Ознебрида). Надписи на надгробиях свидетельствуют о полной итальянизации словенских имен и фамилий, пик которой пришелся на период фашизма, когда словенцам не разрешалось говорить на родном языке и иметь словенские имена и фамилии; и сама словенская (славянская) идентичность была под запретом. Однако, итальянизация в Резии и долинах рек Торре и Натизоне произошла еще раньше, поскольку эти области отошли Италии по референдуму еще в 1866 г. На кладбищах данных регионов надписи на словенском языке практически отсутствуют, надписи на памятниках выполнены на итальянском. Особого внимания заслуживают способы передачи словенских по происхождению фамилий итальянской графикой. В частности, это касается суффиксов: - *ak/-njak*, -*ič*, -*ac*. Например, словенские фамилии с финалями:

- на -*ič* в итальянизированной версии получают формант -*ig*: *Cernetig*, *Tomasetig*, *Battistig*, *Iuterig*, *Petricig*, *Birtig*, *Laurencig*, *Blazutig*, или -*ich*: *Crainich*, *Prapotnich*; на -*igh*: *Petrigh*
- фамилии на -*ac* в итальянском варианте передаются с помощью окончания -*az*: *Bukovaz*, *Cucovaz* и др.
- Словенские фамилии на -*njak* выглядят следующим образом: *Dorgnach* (из *Dornjak*), *Trusgnach* (из *Trušnjak*).
- В ряде случаев словенская фамилия усекается до -*i*: *Corsi* (из *Korsič*), или же наоборот наращивается с помощью -*i*: *Cosmacini* (из *Kosmačín*). В указанных фамилиях начальное *K* из словенской графики также меняется на *C* в соответствии с итальянской орфографией. Ср. свидетельство нашего информанта: *Recimo naš, moj prijimek je... bil spremenjen, ker je bil Koršič, ne, v Corsi leta tri in trideset, ne... to je blo uradno spremenjeno, ne..* [Скажем, моя фамилия была изменена. Я был Корсич, а в 1933 году поменяли на Корси, официально поменяли] (АК, Števerjan).

Часто только по этим финалям или по прослеживаемой внутренней форме можно констатировать, что мы имеем дело со славянской по происхождению фамилией. Однако, в некоторых итальянизированных словенских фамилиях увидеть словенскую основу уже очень трудно (например, *Quaglia* из словен. *Hvala*).

Анализ мемориальной эпиграфики данного пограничного региона до сих пор не предпринимался исследователями, между тем она представляет собой интересный образец взаимодействия словенской и итальянской языковых систем, традиций, а также отражает исторические события, происходившие на словенско-итальянском пограничье на протяжении второй половины XIX–XX века.

Мария Владимировна Ясинская

кандидат филологических наук
научный сотрудник Института славяноведения РАН

* * *

^[1] Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905.

^[2] http://www.e-reading.club/chapter.php/1034530/9/Yakovich_-_Doch_filosofa_Shpeta_v_filme_Eleny_Yakovich.html

^[3] Бердяев Н.А. Чувство Италии // Биржевые ведомости, Спб, 1915, 2 июля, №14039, с.2

^[4] Мандельштам О.Э. Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. М.: Моск. Рабочий, 1990. - 560 с. С.166.

^[5] Пролог. Кн. 2. 1898 (8 июля); Дм. Ростовский Книга житий святых (миняя). М., 1837 (8 июля).

^[6] Соскин А. И. История города Соли Вычегодской / подг. текста и комм. А. Н. Власова. Сыктывкар, 1997. С. 165–169.

^[7] Все цитаты приводятся в современной орфографии и в соответствии с современными пунктуационными нормами.

^[8] Псалтирь. Москва, Печатный двор, 4. 06. 1634. МК РГБ. 2; см.: Книжные сокровища Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 1: Книги кирилловской печати XV–XVIII вв. Каталог / составит. А.А. Гусева; под общ. редакцией Е.Л. Немировского. М., 1979. Кат. 29. С. 20.

^[9] Буслаев Ф.И. Литература русских иконописных подлинников // Буслаев Ф.И. Сочинения. Т. 2. Сочинения по археологии и истории искусства. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1910. Рис. 112–120, с. 401–402.

^[10] Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

^[11] Здесь и дальше орфография и пунктуация автора дневника сохранены.

^[12] Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00117).

^[13] Буланин Д.М. Тайнописание и инописание (Новации русской письменности в пору Второго южнославянского влияния) // PALAEOBULGARICA / Старобългаристика. 2020. XLIV. № 3. С. 59

^[14] Архипов А. А. О происхождении древнеславянской тайнописи // Советское славяноведение. 1980. № 6. С. 86

^[15] Страхова О.Б. Фрагменты заговоров и молитв в травниках // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. Ч. 1. С. 42

^[16] Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым: Т. I. М., 1859. С. 56 (надстрочные знаки сняты, выносные опущены).

^[17] Karl Joseph Simrock. Die deutschen Volksbücher; gesammelt und in ihrer ursprünglichen Echtheit wiederhergestellt. Bd. 13. Hans von Montevilla; Aesops Leben und Fabeln; Meister Lucidarius; Zwölf Sibyllen Weiszagungen; Lebensbeschreibung des Grafen von Schafgotsch. Frankfurt a.M., 1845. S. 402.

^[18] О слове *постоянный* и однокоренных словах в истории русского языка см.: Ю. В. Кагарлицкий. *Постоянство*: Слово и понятие в истории русского языка и в культурно-языковом обиходе XVII века //

Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М., 2021. С. 282–306.

^[19] Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 15. С. 92.

^[20] Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Книга II. Листы исторические, календари и буквари. СПб., 1881. С. 400.

^[21] Ср.: Словарь Академии Российской. Часть V. СПб., 1794. Стб. 785–786.

^[22] Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб: Азбука, 2000. С. 39-40.

^[23] Доклад подготовлен в рамках проекта «Культура счастья: роль культурных институтов в личном благополучии жителей России». Специальный грант Благотворительного фонда Владимира Потанина № СГМ-59/19».

^[24] Franić A. Hrvatski putopisi romantizma. Zadar, 1983; Ježić S. Hrvatski putopis. Zagreb, 1995; Duda D. Priča i putovanje. Hrvatski romantičarski putopis kao pripovjedni žanr. Zagreb, 1998; Pederin I. Hrvatski putopis. Rijeka, 2007.

^[25] Доклад подготовлен в рамках проекта «Культура счастья: роль культурных институтов в личном благополучии жителей России». Специальный грант Благотворительного фонда Владимира Потанина № СГМ-59/19».

^[26] Розанов В.В. Г-жа Лухманова о проституции // Новый путь. 1903. Декабрь. С. 127.

^[27] РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 93. Л. 78.

- [28] Розанов В.В. Г-жа Лухманова о проституции // Новый путь. 1903. Декабрь. С. 123.
- [29] Там же. С. 123.
- [30] Короленко В.Г. «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой» // Русское богатство. 1904. № 6. Июнь. С. 253.
- [31] Абадонна. Отклики // Русь. 1904. № 204. 4 июл.
- [32] Замечательно, что в немецком тоже есть свое разговорное *nee*, причем семантически оно отличается от немецкого *nein* и сближается с русским *нет* (*не*).
- [33] Результаты этих исследований см. в первую очередь: Матасова Т.А. Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2016. Вып. 12. С. 283-348; Матасова Т.А. Два списка древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы времен Михаила Романова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1. С. 79-83; и некот. др.
- [34] Доклад подготовлен в рамках проекта «Культура счастья: роль культурных институтов в личном благополучии жителей России». Специальный грант Благотворительного фонда Владимира Потанина № СГМ-59/19».
- [35] Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания. М., 2014. С. 65
- [36] Полуэктова Т.А. Жанровые формы романов Берил Бейнбридж («Мастер Джорджи», «Согласно Куини»). Дисс. к.филол.н. М., 2011. С.54
- [37] Валерий Гречко (благодарю этого коллегу, Сусуму Нонака а также остальных, поименованных ниже, за их консультации, полученные по электронной переписке).
- [38] Как считает В.М. Алпатов, хондакори мог быть развитием старинного японского жанра *рэнга*, но при этом «в рэнга играет роль грамматика, а тут чистая семантика. Я не думаю, что формальные модели японской поэзии могут быть повторены в России: язык слишком другой» (в эл. переписке).
- [39] Юрий Пастушенко (в эл. переписке).
- [40] Иванюк Б.П. Подражание стихотворное: словарный формат // ФИЛОЛОГОС – Выпуск 1 (48). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021, сс. 33-41.
- [41] Б.П. Иванюк (в эл. переписке). По мнению этого коллеги, похожая на рэнгу форма дописывания была у китайцев – *дзякуго*, или «завершающая фраза».
- [42] Б.П.Иванюк (из будущей, пока не опубликованной статьи).
- [43] Валерий Гречко.
- [44] Герман Лукомников (<http://www.vavilon.ru/bgl/hok.html>).
- [45] Ольга Седакова. Похвала поэзии. СПб.: Академия исследований культуры, 2017, с.79.
- [46] Сам А. Чернов предпочитает называть это не отдельным жанром, а «нормальным диалогом поэтов», как в случае «Реплики» Валентина Берестова на Тютчевское «*Нам не дано предугадать...*»:
- Как не дано? Встречал в искусстве я:
Случись нам что-нибудь создать,
И мы планируем сочувствие,
Организуем благодать.
- [47] Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. Под ред. А.С. Герда. СПб., 2005. С. 149.
- [48] Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 479 – 480, 505.
- [49] Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г.М. Прохоров. СПб., 1994. С. 76.
- [50] Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Ю.М. Лотман. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. I. С. 408.
- [51] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00224 «Московская Библия 1663 г. и ее культурно-лингвистический контекст»
- [52] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».
- [53] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 30. М.-СПб.: Нестор-История, 2015. С.68.
- [54] Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный. М.: Синодальная типография, 1704. Б. п.
- [55] БАН. 45.13.2. Летопись Жданова. С. 44.
- [56] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №19-012-00620.
- [57] Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00584А «Лексика говора старообрядцев Южной Америки в аспекте лингвистической географии (к проблеме формирования русских переселенческих говоров)».
- [58] <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=94792>
- [59] <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=21248>
- [60] http://kochetok-bibl1.edu.kh.ua/klub_za_interesami_krayeznavcejj/rodina_grotiv_i_kochetok/
- [61] НИОР БАН. Иностранные рукописи. F 15.

^[62] Доклад подготовлен в рамках проекта «Культура счастья: роль культурных институтов в личном благополучии жителей России». Специальный грант Благотворительного фонда Владимира Потанина № СГМ-59/19».

^[63] *Бреве* – официальное послание Папы Римского, обращенное как к отдельным лицам, так и к отдельным Церквям.

^[64] Применительно к политике Александра I термин «евангельское государство» обоснован в докторской диссертации Е.А. Вишленковой. См.: *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

^[65] Благодарю И.И. Барина, Л.И. Ковальчук, В.В. Игошева, А.В. Лазареву, С.Н. Мещерякова за ценные советы.

^[66] Благословенная архиерейская грамота на строительство собора выдана 19 мая 1688 г. В 1691 г. архимандрит Введенского монастыря получил благословенную грамоту на устройство теплой церкви в нижнем ярусе собора. Освящение главного престола собора состоялось в 1712 г.

^[67] *Попов В.* Сольвычегодская старина // Сольвычегодская старина: Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар, 1994. С. 105.

^[68] *Бочаров В., Выголов Г.* Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983. С. 77-78; См. также: *Брайцева О.И.* Конструктивные особенности архитектурных деталей Введенского собора в г. Сольвычегодске // Архитектурное наследие. М., 1962. Вып. 14. С. 105-108.

^[69] *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI-XVII веках. М., 1962. С. 55-56; *Spies M.* Arctic Routes to Fabled Lands: Olivier Brunel and the Passage to China and Cathay in the Sixteenth Century. Amsterdam, 1997; *Ушаков И.Ф.* Голландцы на Кольском Севере // Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. 3. С. 150-153.

^[70] *Игошев В.В.* Строгановское художественное серебро XVI-XVII веков. М., 2017. С. 138.

^[71] Строгановы: меценаты и коллекционеры. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 268. № 194, 195; По мнению Л.М. Вихровой, братины были изготовлены в 1664 г. (*Вихрова Л.М.* Нидерландское серебро второй половины XVII – начала XVIII веков в России // Сообщения Российско-Нидерландского научного сообщества. СПб., 2003. Вып. 1. С. 110-111).

^[72] Материалы частично выложены здесь: <https://daniyarov.kg/category/spisok-na-glavnoy/strana/sobstvennye-issledovaniya/>

^[73] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона» (рук. Г.П. Пилипенко).